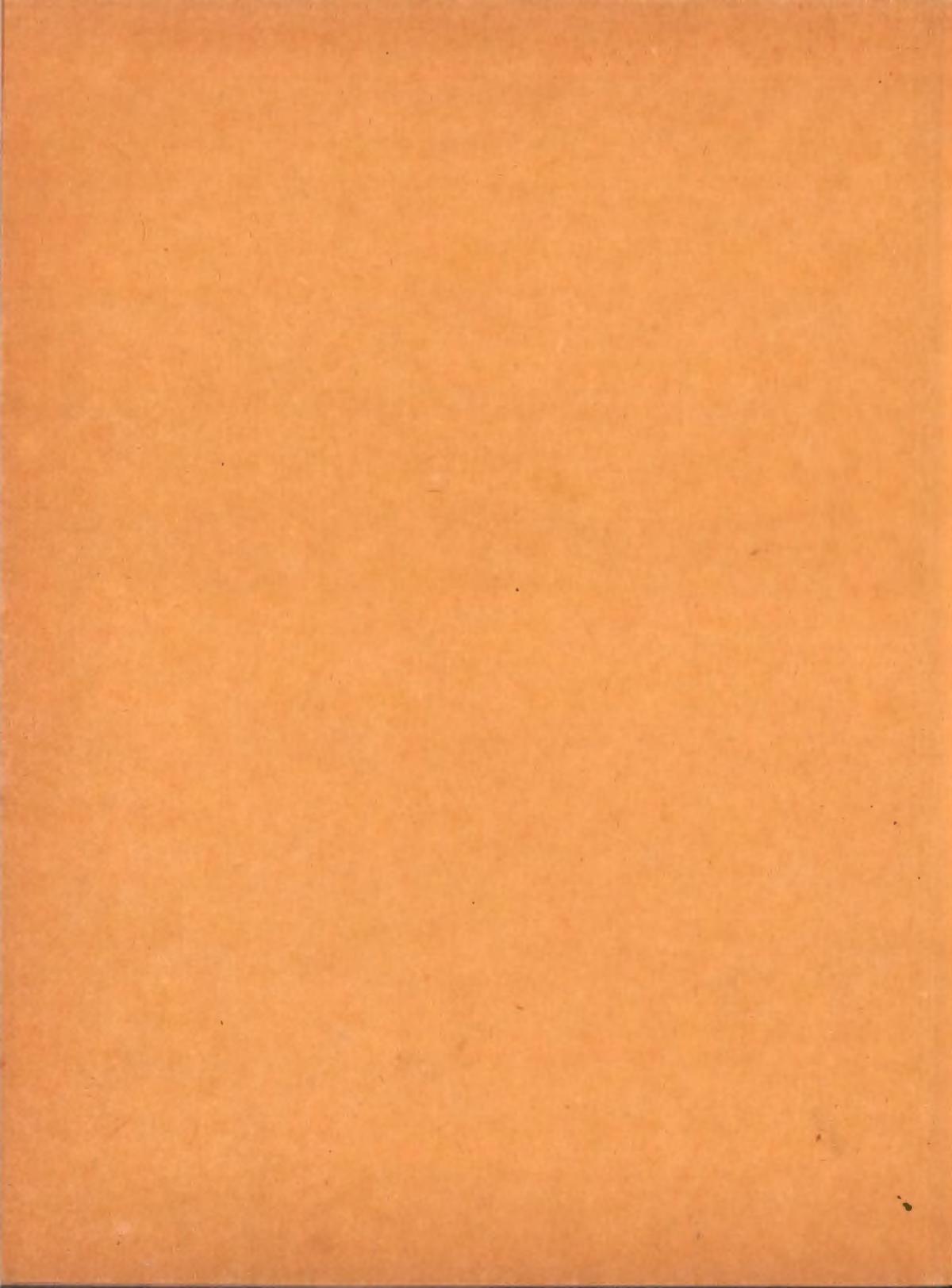

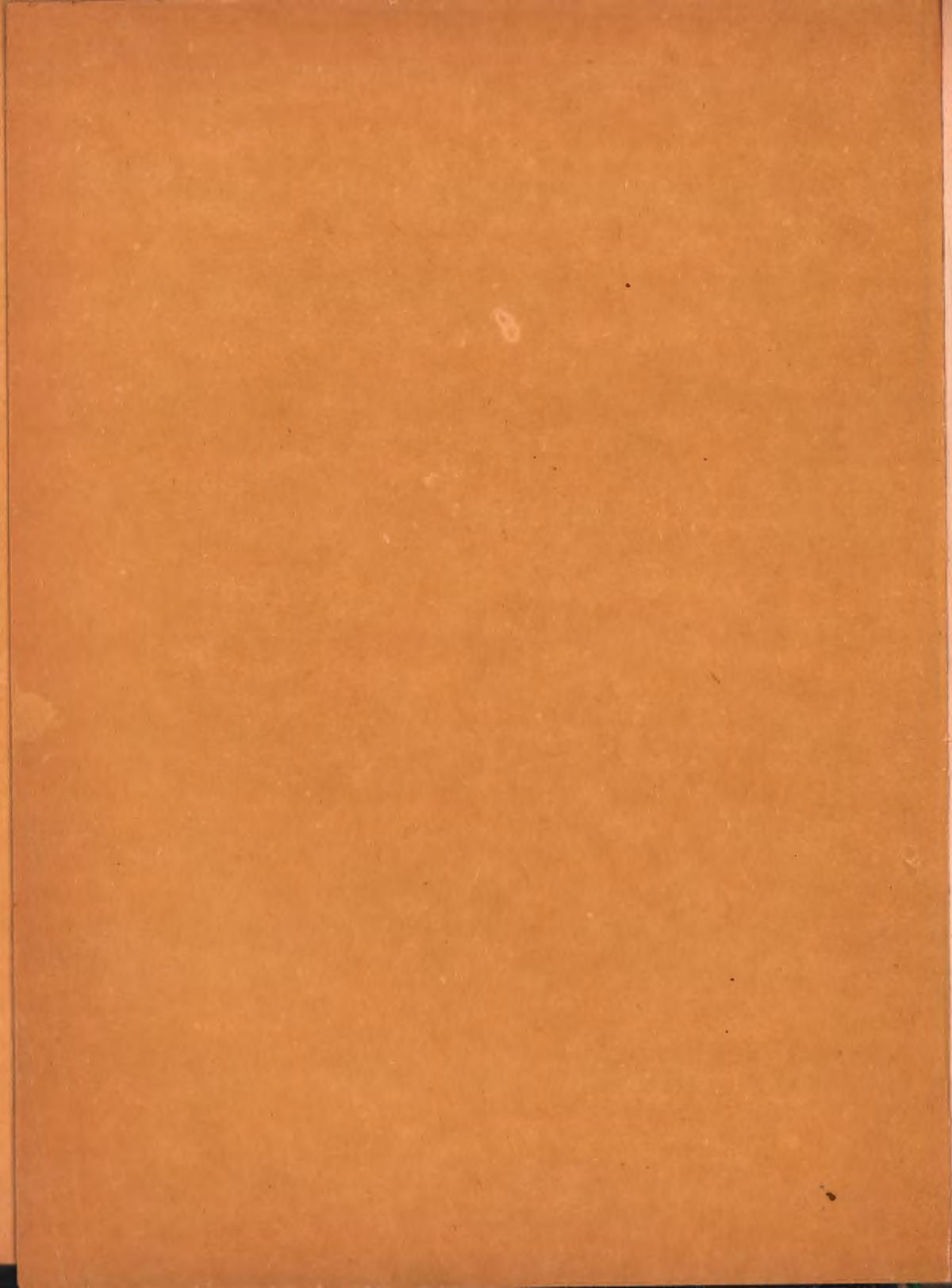
Мал-
муз-
КБ

В. И. Воробьев

и другие

СКАЗКИ

В.И.Воробьев

Маш-
иЗ-
КБ
и другие

СКАЗКИ

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО • 1975

P2
B75

© Пермское книжное издательство. 1975 г.

B $\frac{70801-101}{M152(03)-75}$ 44-75

Капризке

Рисунки
В. АВЕРКИЕВА

КНИГА 1

Глава 1

КАПРИЗКА И ПАВЛИК. ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Павлик проснулся и сразу увидел маленького человечка. Ростом с кошку.

Он сидел на спинке Павликовой кровати и болтал ножками. Волосы у него торчали во все стороны. Лицо и руки грязные-прегрязные. Рубашка вылезла из штанишек, а те надеты задом наперёд.

Павлик сказал:

— Какой ты смешной! Ты кто?

— Я Капризка,— пропищал человечек и уставился круглыми глазками.

— Откуда ты взялся?

— А я убежал!

— Убежал? От кого?

Капризка не ответил. Он сказал:

— Давай, Павлик, со мной дружить.

— Давай. А что мы будем делать?

Капризка опасливо посмотрел на дверь и предложил:

— Ты только слушайся меня во всём. Вот увидишь, как будет весело.

В это время дверь открылась и вошла бабушка. Капризка незаметно юркнул под кровать.

— Пора вставать,— сказала бабушка.

Павлик хотел послушаться, но Капризка из-под кровати тихонько пропищал:

— Скажи: не хочу!

Павлик сказал:

— Не хочу!

— Это ещё что за новости! — удивилась бабушка.—

Ты заболел? — Она потрогала его лоб и сказала: — Ты здоров. Поднимайся. Не капризничай.

Павлик хотел одеваться, но Капризка из-под подушки шепнул:

— Скажи: не буду одеваться.

Павлик захныкал:

— Не буду одеваться.

Бабушка рассердилась.

— Мы в детский сад опоздаем! Надевай чулки.

А Капризка опять своё:

— Плачь, плачь, дрыгай руками, дрыгай ногами. Увидишь, как здорово получится!

Павлик во весь голос заплакал, замахал руками, задрыгал ногами.

Бабушка стояла у Павликовой кровати и удивлялась. Она сама одела Павлика.

И тогда Капризка пропищал ему на ухо:

— Вот видишь, как интересно! Тебя уговаривают, одевают... Скажи: не стану умываться.

— Не стану умываться! — закричал Павлик.

Бабушка за руку потащила Павлика в ванную.

Когда они сели завтракать, Капризка прошмыгнул под стол и говорит оттуда:

— Скажи: не хочу есть.

— Не хочу есть, — сказал Павлик.

Бабушка опять удивилась:

— Что с тобой! Отчего ты сегодня такой?

Она булку маслом намазала. Сахарницу пододвинула. И варенья дала. Вишнёвого.

— Оттолкни чашку, оттолкни, — бормотал Капризка.

Павлик оттолкнул чашку с чаем. Она разбилась, и горячий чай полился под стол.

— Ой-ой-ой! — заверещал Капризка.

Бабушка заставила Павлика выйти из-за стола. Это было уже невесело.

Потом бабушка повела Павлика в детский сад.

Она не видела, что Капризка увязался с ними.

— Шлёпай по лужам, шлёпай по лужам! — учил он Павлика. — Увидишь, что будет!

Павлик изо всей силы топнул ногой по воде.

— Ещё, ещё! — подзадоривал Капризка.

Павлик заляпал бабушке платье. Она бранила его, а Капризка смеялся от удовольствия.

— Скажи: не пойду в детский сад! — подучивал он. — Плачь, кричи.

Павлик повис на руке у бабушки, заголосил на всю улицу:

— Не пойду-у! Не хочу-у!

Все прохожие остановились. Они показывали на Павлика и хвалили его:

— Смотрите, смотрите! Какой замечательный артист! Как замечательно он капризных детей передразнивает!

— А может, он и вправду

капризничает? — беспокоились другие. — Знаете, кто из таких детей вырастает?

А Капризку никто не увидел.

Привела бабушка Павлика в детский сад. Павлик остался, а бабушка ушла.

Павлик хотел спросить Капризку: «А что теперь будем делать?» Но тот куда-то исчез.

Вдруг Капризка выглянул из-за девочки Наташи. Она упрямылась и никак не хотела отпускать свою маму.

Только Павлик хотел позвать Капризку, как тот уже за спиной другого мальчика очутился.

— Толкни Павлика, толкни Павлика! — лопотал он. — Увидишь, что будет!

Мальчик толкнул Павлика. И заплакал, потому что кто-то его самого ущипнул.

— А, ты так! — закричал Павлик на Капризку. — Ребята, смотрите! Вот он, Капризка! Он нас посорить хочет!

И тут все дети увидели Капризку.

Капризка захолопал глазами, показал ребятам язык и запрыгнул на люстру.

— Ловите его, ловите! — закричали все.

Прибежала няня свеником, сердито сказала:

— А ну-ка, покажите Капризку! Я ему задам!

Капризка крикнул:

— Ха! Не поймайте! — И показал «нос». Потом прыгнул с люстры на шкаф, оттуда на пол и помчался в другую комнату. Все бросились за ним.

— Вот он! Вот он! — кричали ребята.

Капризка носился по всем комнатам, сверкая злыми круглыми глазками, увёртывался.

Он опрокинул стульчики, рассыпал игрушки.

На кухне Капризка влетел в бидон с молоком.

Только выскочил — плюхнулся на пол.

В раздевалке ребята чуть было не схватили Капризку, да он вдруг растянулся на полу и притворился мёртвым.

Все остановились. А Капризка встрепенулся — скок на подоконник, прыг в форточку — и был таков!

Все тогда думали, что он убежал навсегда.

Глава 2

ВОЗВРАЩЕНИЕ КАПРИЗКИ

Утром Павлик с бабушкой делали зарядку.

— И раз, и два, и три, и четыре! — весело приговаривала бабушка. Она делала приседания.

Павлик кулаками тузил подушку и лихо вскрикивал:

— Эх! Эх! Эх!

По радио сказали:

— Довольно! Переходим к водным процедурам.

Бабушка заторопилась на кухню. А Павлик побежал в ванную. Там он сразу увидел Капризку.

— Ты? — удивился Павлик. — Ты опять?

Павлик хотел рассердиться, но Капризка сказал:

— Павлик, не прогоняй меня. Я несчастный!

Перепахканное лицо Капризки было мокро от слёз.

— Почему ты несчастный? — спросил Павлик. Ему стало жаль Капризку.

— Меня все прогоняют! — всхлипнул Капризка. — А я хороший! Даже очень замечательный!

И он уставился на Павлика круглыми глазами.

— А зачем ты сюда забрался? — спросил Павлик.

— Я хочу утопиться, — ответил Капризка. — Встану под душ и утоплюсь.

— Вот чудак! — рассмеялся Павлик. — Разве под душем утонешь?

— А я хочу под душем! — воскликнул Капризка. — Хочу, не хочу — делаю, что хочу!

— Вот ты всегда такой! — сказал Павлик. — А я теперь большой. Скоро в школу пойду. Через месяц.

У Капризки недобро блеснули глаза.

— Ха! — сказал он. — Это ещё когда будет! А сейчас тебя в детский сад отправят. Как маленького.

— Хочу — пойду... хочу — не пойду, — сказал Павлик.

— Правильно, — поддержал Капризка. — Ты теперь большой.

— Па-авлик! Ты гото-ов? — слышался голос бабушки.

— Готов! Готов! — за Павлика ответил Капризка.

Павлик хотел поскорее стать под душ, но Капризка сказал:

— Зачем? Вода мокрая. Холодная. Вот как надо!

Капризка смочил мыло — и положил на место. Чуть смочил полотенце — и повесил обратно. А Павлику сказал:

— Побрызгай на ладошки. Пригладь волосы.

Павлик так и сделал.

В ванную заглянула бабушка. Она увидела: волосы у Павлика влажные.

— Молодец! — похвалила бабушка. — Холодной воды не боишься.

— Я всегда так буду, — пообещал Капризка вместо Павлика.

Павлик отправился в детский сад — и Капризка с ним.

По дороге Капризка сказал:

— Павлик, не иди в детский сад. Что ты, маленький, что ли? Пойдём лучше пошляемся!

— Нельзя, — ответил Павлик. — Бабушка узнает.

— Ничего! Подумаешь! Придёшь домой — будто из сада. Пошли!

— А куда? — спросил Павлик.

— Куда глаза глядят. У тебя куда глаза глядят?

Павлик сказал:

— Вон туда.

Он показал на городской сад.

— Айда! — сказал Капризка.

И привёл Павлика в городской сад.

Здесь было очень хорошо. Рядами стояли большие деревья. А в клумбах — каша из цветов.

На лавочках сидели старички. Они читали газеты и по-сверкивали очками.

Ещё были няни с младенцами в колясках. Няни наперегонки вязали и все сразу разговаривали.

Павлик увидел шланг, который лежал возле клумбы.

— Из этой кишки поливают цветы. Давай поливать! — предложил Капризка.

— Я не умею, — нерешительно возразил Павлик.

— Ничего! Бери кишку, — приказал Капризка.

Павлик взял шланг, а Капризка отвернул кран. Шланг напружинился. Сильная струя воды вылетела из него.

Струя ударила в клумбу. Во все стороны полетели цветы и листья. Чёрной жижей потекла земля.

— Давай! Давай! — кричал Капризка. — Вверх давай! На фонари! Вымоем фонари!

Струя ударила прямо в белые шары, и они сразу полетели вниз. Бац! Блям! Трах!

Шланг, как живой, дёргался у Павлика в руках, а струя сама летела куда попало. И вот уже окатила всех, кто тут был.

Закричали няни. Заплакали в колясках младенцы. А старички так и подпрыгнули. Струя метнулась за ограду.

— Ой! Ой! Поливают! — закричали люди на улице.

— Давай! Давай! Ещё давай! — радостно вопил Капризка.

— Вот я вас, безобразники! — послышалось рядом. Это бежал сюда садовник с метлой.

— Бросай! — скомандовал Капризка.

Павлик бросил шланг, и они с Капризкой помчались прочь.

— Стой! Стой! Держи их! — громко кричал садовник и бежал следом.

— Держи! Лови! — кричали старички и няни.

Где-то близко свистел милиционер.

Капризка и Павлик пронеслись мимо будки с квасом. Перепрыгнули через малышей, игравших в песке. И, петляя по дорожкам, исчезли в кустах.

А возле размытой клумбы столпились люди. Прибежал сержант милиции Иванов.

Громче всех возмущалась мороженщица.

— Безобразие! — кричала она. — Посмотрите, какой я стала!

У неё был ужасный вид: причёска растрепалась, по лицу стекала краска от ресниц.

— Кто теперь у меня, у такой, купит мороженое? — горевала она.

Старички сочувственно кивали головами и протирали очки.

— Успокойтесь, граждане! Виновные будут наказаны, — строго сказал сержант.

Запыхавшись, прибежал садовник.

— Товарищ сержант! — сказал садовник. — Всё это натворил Капризка. И мальчишка в красном свитере.

— Что? — обеспокоенно вскричал сержант. — Капризка? Опять он в нашем городе появился!

— Ах! Ах! Что вы говорите! Капризка появился! — испугались старые няни.

Они похватали своих малышей и побежали домой.

Сержант отстегнул от пояса маленький радиопередатчик и доложил в милицию:

— Внимание! Внимание! Чрезвычайное происшествие! В нашем городе опять появился Капризка!

Глава 3

ЛАВОЧКИ-ЗЕБРЫ

Капризка и Павлик долго сидели в кустах.

«И зачем я опять с Капризкой связался?» — думал Павлик. Но Капризка не дал ему думать. Он сказал:

— Никто нас больше не ищет. Пойдём!

Они вылезли из кустов на дорожку.

— Давай тихим делом займёмся, — предложил Капризка.

Он заметил возле одной лавочки вёдра с красками и кистями. Кто-то красил лавочки, да ушёл.

— Давай поможем маляру. Выкрасим все лавочки, — сказал Капризка.

— А как надо красить? — обрадовался Павлик.

— Ха! Ещё спрашивает! Макай кисть в ведро и мажь. Павлик взял кисть из ведра с жёлтой краской и мазнул по лавочке. Хорошо получилось! Ещё мазнул. И давай туда-сюда кистью водить. Заблестела лавочка, как новенькая!

— Теперь чёрной валяй! — сказал Капризка.

— Чёрной краской только ножки у лавочек красят, — заспорил Павлик.

А Капризка сказал:

— Ничего! Мажь чёрными полосами поперёк. Чтобы на зебру была похожа. Вот маляр обрадуется!

— Ладно! — согласился Павлик. — Выкрасим, как зебру.

И принялся мазать лавочку чёрными полосами поперёк.

Уже две полосатые зебры были готовы, как вдруг Павлик увидел: к ним бежит человек в фартуке. Очень сердитый. Это был маляр.

Павлик с Капризкой сразу бросились наутёк.

Ну и бранился маляр им вслед! Ему не понравились лавочки-зебры.

Капризка с Павликом выскочили из сада и очутились на главной улице Простореченска. По ней мчались низенькие глазастые автомобили и большие троллейбусы. На тротуарах было много народу. Все торопились в разные стороны.

На Капризку никто не обращал внимания. Наверно, думали, что это очень маленький мальчик. Только грязный и растрёпанный.

Ах, если бы люди знали, кто он!

Павлик и Капризка долго гуляли по улицам. Сначала по главной, потом по неглавным.

— Капризка, я хочу домой, — сказал Павлик.

— Иди, — ответил Капризка и отвернулся.

— Я не знаю, куда идти, — сказал Павлик.

— А вот и не скажу! А вот и не скажу! — стал дразнить Капризка.

— Это ты завёл меня сюда! — рассердился Павлик.

— Конечно я,— ухмыльнулся Капризка.— Захотел — и завёл. Хочу, не хочу — делаю, что хочу!

Вдруг на улице появилась милицейская машина.

— Внимание! Внимание! — неслось из её громкоговорителей.— Разыскивается мальчик, одетый в красный свитер. Зовут Павликом.

Павлик хотел крикнуть: «Это я!» — но Капризка зашептал:

— Молчи! Это бабушка твоя в милицию заявила. В детском садике тебя нет. И дома тебя нет. Потерялся!

— Так вот он я! — показал на себя Павлик.

— Ха! А ты забыл, как всех обливал? Знаешь, как тебе попадёт от милиции!

Машина проехала.

— Это ты научил меня поливать,— сердито сказал Павлик.

— Конечно я,— охотно согласился Капризка.— И ла-

вочки зебрами полосатыми сделать тоже я придумал! Ха! Мне что? Ничего! Хочу, не хочу — делаю, что хочу.

В это время снова появилась милицейская машина. Она ехала обратно.

— Внимание! Внимание! — кричали громко-говорители. — Разыскивается мальчик в красном свитере!

— Айда отсюда! — позвал Капризка.

Они отбежали за угол.

— А что теперь делать? Снять свитер? — жалобно спросил Павлик.

Капризка огляделся по сторонам.

Тут была новостройка. Экскаваторы рыли

землю. Бульдозеры сгребали её в кучи. Туда-сюда ездили самосвалы. Высоченный кран складывал дом, как из кубиков.

В стороне стояли штабели труб, ящиков со стеклом. Высились горы мешков с цементом и мелом.

— Ха! Придумал! — радостно объявил Капризка. — Снимай свитер.

Павлик послушался.

Капризка подбежал к мешкам. Он нашёл разорванный, из которого сыпался мел, и хорошенько вывозил в нём красный свитер Павлика.

— Надевай, — смеясь, сказал Капризка. — Да скажи мне спасибо. Теперь он у тебя белый!

— Ура! — воскликнул Павлик. — Теперь меня никто не узнает! Веди меня домой, Капризка!

Отправились. Но прошли немного и остановились. Среди новостройки стоял ветхий деревянный домишко. Он был похож на старый башмак, выброшенный на улицу. А за покосившимся забором росли яблони, усыпанные румяными яблоками.

— Давай нарвём! — предложил Капризка.

— Они чужие... — нерешительно сказал Павлик.

— Это ничего! Мы ведь немного. Тебе яблоко и мне яблоко. Вон их сколько! — уговаривал Капризка.

На калитке висела ржавая жестянка. Там было написано: «Во дворе злая собака».

Павлик прочитал и сказал:

— Вот видишь, Капризка? Там злая собака.

— Эх, ты! — сказал Капризка. — Соображай! Жестянка ржавая, старая. Нет там никакой собаки.

Капризка отыскал в заборе шаткую доску, отодвинул её в сторону и сказал:

— Лезь.

Павлик не хотел. Тогда Капризка стал его дразнить:

— Боишься! Трусишь, трусишь!

— Смотри: я не боюсь, — сказал Павлик и полез в дыру.

Через минуту Павлик закричал:

— Капризка! Сюда идёт собака! Большая!

Капризка заглянул в щель и увидел, что Павлик взобрался на яблоню. А под ней сидит и караулит Павлика большая серая собака.

— Бимбо! — взвизгнул Капризка и бросился бежать.

Глава 4

ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ БИМБО И ЕГО ХОЗЯИНА

У щенка Кутьки открылись способности: он выговаривал человеческие слова.

— Ам! Ам! — произносил Кутька, когда хотел есть.

— Ав-ав! Ав-вас! — тявкал он, когда сердился. Или вдруг прорычит: — Рыба!

Кошки очень пугались, когда Кутька говорил:

— Брысь!

Кутьку взял к себе цирковой акробат. Он был старый и уже не мог работать акробатом. Но старому артисту не хотелось расставаться с цирком. Вот он и придумал научить Кутьку говорить как следует. И выступать с ним в цирке.

Старик давно замечал, что люди часто говорят по-собачьи. Вот так:

— Здорóво! Дай лапу.

— Облаял, а теперь хвостом виляешь...

— А ты не гавкай на меня!

— Опять огрызаешься?..

Старый артист хотел отучить людей от этого. «Пускай все знают, что даже собаки могут разговаривать по-людски», — думал он.

Когда Кутька подрос, ему дали цирковое имя — Бимбо. Знаменитый Бимбо выступал во всех городах. На разноцветных афишах большими буквами было написано:

«Бимбо! Говорящая собака! Чудо педагогики!»

Всем хотелось посмотреть на это чудо. Все спешили попасть в цирк. Люди слушали говорящую собаку и удивля-

лись. Многие перестали разговаривать по-собачьи. А старый циркач и Бимбо радовались.

Но вот однажды к Бимбо прибежал Капризка.

Они быстро подружились.

— Бимбо! — сказал Капризка. — Говори слова наоборот. Это очень смешно.

— Публике может не понравиться, — ответил Бимбо.

— Ничего! Очень даже понравится! — уверял Капризка. — Ты только попробуй.

И Бимбо попробовал.

Он стал говорить слова наоборот. Вместо МАМА получалось АМАМ. Вместо РЫБА выходило АБЫР. А из ЗДРАСТЕ какое-то ЕТСАРДЗ.

Люди в цирке покатывались со смеху. Но старому артисту это не понравилось. Он не любил, когда люди смеются попусту.

Акробат запретил Бимбо говорить слова наоборот.

Тогда Капризка сказал:

— Ха! Старик завидует тебе. Вот и всё.

— Неправда! — пытался возразить Бимбо.

— Нет, правда! Нет, правда! — верещал Капризка. — Когда говорит он, никто не смеётся. Вот ему и завидно.

Потом Капризка стал дразнить Бимбо:

— Эх ты, знамени-

тый, а в ошейнике ходишь. Как пёс паршивый.

— Ну и пускай,— отговаривался Бимбо.

Но Капризка не унимался.

— Несправедливо получается,— вслух рассуждал он.— Публика хлопает тебе, а раскланивается хозяин. Будто это ему аплодируют.

«И правда, хозяин мне теперь ни к чему»,— подумал Бимбо.

А Капризка знай подзуживает:

— Циркач твой в кровати спит. А ты на полу, будто простая собака. Он ест за столом, из тарелки. А ты из плошки, в углу.

Капризка очень хотел поссорить Бимбо с хозяином. И это ему удалось. Однажды Бимбо поел из тарелки хозяина. Потом лёг в его постель.

Старый циркач наказал Бимбо. А Капризка тут как тут. Подговаривает:

— Давай от него убежим. Насовсем!

Бимбо послушался.

Убежали.

В каком-то городе Бимбо сам пришёл в цирк.

— Я Бимбо! Хочу выступить без хозяина,— сказал он.

С тех пор Бимбо всегда выступал один. Он радовался, что хлопают ему одному. И ходил без ошейника.

В цирке Бимбо нарочно коверкал слова. Но теперь публика смеялась над ним самим.

— Какой смешной и глупый пёс,— рассказывали про него люди.

А ведь если всё время говорить слова наоборот, они забываются.

И Бимбо забыл все слова.

Он стал обыкновенной собакой. Тогда Капризка убежал от него. С простой собакой Капризка дружить не захотел.

Со всех ног помчался Бимбо в Простореченск. К своему хозяину. Но там его не нашёл. Артист, покинутый другом, от горя заболел.

Говорили, что бедный добрый старик умер.

Голодный и несчастный бродил Бимбо по улицам.

А потом стал жить в заброшенном старом домике. Вокруг строились новые большие дома. А этот рабочие оставили нарочно. На память. Рабочие с новостройки часто приходили сюда. Они любили отдыхать под яблонями.

Иногда рабочие приносили для Бимбо еду.

Бимбо внимательно слушал их разговоры. А когда все уходило, повторял слова. Он очень хотел снова научиться говорить.

И мечтал о встрече с Капризкой. Чтобы задать ему как следует.

Глава 5

КАПРИЗКА ХОЧЕТ БЫТЬ БАБУШКОЙ

Павлик сидел на яблоне и во все глаза смотрел на собаку. Она говорила с ним по-человечески!

— Не рробей! Не тррону! Ты ворр?

— Нет, нет! — уверял Павлик. — Я хотел сорвать только два яблока. Одно мне, другое Капризке...

Собака страшно зарычала:

— Где Капризка? Ррразорву!

Бимбо бросился к калитке. Ударом лапы он распахнул её и выскочил на улицу. Павлик спрыгнул на землю и тоже выбежал.

Бимбо жадно нюхал воздух. Бимбо принялся искать Капризкины следы.

Он нашёл их возле забора.

— Вперёд! — рывкнул Бимбо. И помчался догонять Капризку.

Павлик припустил за ним. Он вовсе не хотел, чтобы собака разорвала Капризку.

Возле одного столба след пропал. Но Бимбо знал повадки Капризки. Обнюхав столб, Бимбо решил: Капризка побежал по проводам.

— Смотрите, смотрите! Мальчишка на проводе! — испуганно кричали прохожие.

В Простореченске мальчишки ещё никогда не бегали по проводам.

Бимбо и Павлик долго гнались за Капризкой. И они бы его настигли, но Капризка вдруг спрыгнул с провода и юркнул в городской сад. В тот самый, где лавочки-зебры.

Бимбо с Павликом бросились за ним. Но здесь Павлик столкнулся с бабушкой. Она и сержант милиции Иванов искали его по всему городу.

— Бабушка! Бабушка! — на бегу радостно вскрикнул Павлик. — Я нашёлся! Мы догоняем Капризку!

Бабушка увидела Павлика в белом свитере и только ахнула:

— Ах!

И вместе с сержантом Ивановым помчалась за Павликом.

— Капризка! Капризка здесь! Ловите Капризку! — закричал сержант. И громко засвистел в свисток.

Все, кто тут был, кинулись ловить Капризку.

Он как угорелый заметался по дорожкам. Перепрыгивал через лавочки, скакал по клумбам. В него бросали шляпы, швыряли скомканные газеты, пытались накрыть зонтиками. И все кричали:

— Ловите, ловите! Вот он!

Капризка одурел от страха. Он кинулся к фонарю и забрался на самый верх.

Возле столба сразу собралась толпа. Все переговаривались, показывали на Капризку пальцами.

Бабушка схватила Павлика за руку и не хотела отпускать.

Вокруг фонаря носился Бимбо. От злости он был как бешеный.

Капризка злобно поглядывал сверху и плевался на все стороны.

— Ха! Не поймаете! Всё равно не поймаете! — выкрикивал он.

Сержант Иванов достал пистолет и приказал:

— Сдавайся.

Одна девочка вскрикнула:

— Ой! Не стреляйте! Не стреляйте!

И Павлик закричал:

— Вы не имеете права!

Но сержант и не думал стрелять в Капризку. Он только хотел его напугать.

А Капризка сразу осмелел.

— Ха! Не боюсь! Не имеете права в меня стрелять!

Маляр хотел достать его длинной кистью, но не достал.

— Ха! Сейчас я вам задам! — крикнул Капризка.

Он стал сбрасывать шары с фонаря прямо в толпу.

Стеклянные шары с треском разбивались о землю.

Бум! Вах! Трах!

— Негодник! Опять плафоны колотишь! — закричал садовник. — Вот я тебе сейчас!

Он схватил шланг и пустил струю воды в Капризку.

— Ой! Ой! Ой-ё-ёй! — завопил наверху Капризка.

Он спрятался за столб. Но и там настигла его струя.

— Ой-ой! Утопаю! — вопил Капризка.

Садовник перестал его поливать. Капризка начал медленно спускаться. Тогда подскочил маляр и принялся мазать Капризку чёрной краской поперёк.

— Вот тебе! Вот тебе! Сам будешь как зебра полосатая!

— Не я красил скамейки! Это Павлик! — закричал Капризка.

— И Павлику будет! И всем Павликам будет! — не шутя пообещал маляр.

Павлик насилу оттащил Бимбо в сторону.

Капризка спустился на землю.

— А что я сдела-ал?! — хныкал Капризка. — Я хороший! Я несчастный!..

И тут всем стало жаль мокрого, перепачканного Капризку.

Он это сразу заметил и попросил:

— Отпустите меня! Я больше не буду.

— Что с ним делать? — развёл руками маляр.

— В ступе его истолочь, — решительно заявила бабушка.

— В помойку его бросить. И крышку завинтить,— предложил садовник.

— Нельзя! — строго сказал сержант милиции Иванов. — Таких перевоспитывать надо. Ты кем хочешь быть? — ласково спросил он Капризку.

Капризка сделал хитрые глаза и сказал:

— Милиционером!

— А что ты будешь делать?

— Дайте, пожалуйста, ваш свисток,— вежливо попросил Капризка.

Сержант дал ему свисток. А Капризка как засвистел! Как засвистел!

— Прекратить! — рассердился сержант Иванов.

— А я хочу свистеть! Хочу, не хочу — делаю, что хочу!

Сержант насилу отнял у него свисток.

— Не будешь ты милиционером! Ты не знаешь, когда свистеть надо,— сказал сержант Иванов.

— Я нарочно. Я садовником хочу быть. Честное слово, садовником! — воскликнул Капризка.

— Любопытно,— промолвил садовник.— А что ты делать умеешь?

— Дайте мне, пожалуйста, шланг,— очень вежливо попросил Капризка.

— Э, нет, брат. Знаем мы таких поливальщиков! — ответил садовник.

— В ступу его! В ступу! — настаивала бабушка.

— В помойку! — твердил садовник.— В помойку! И крышку завинтить.

— Не надо в помойку! — опять захныкал Капризка.— Не хочу в ступу!

Вдруг он стал серьезным. И сказал:

— Я рабочим хочу быть. Дома строить. Большие!

— Так сразу и в рабочие! — улыбнулся маляр.— А сколько будет два кирпича и два кирпича?

— Куча кирпичей,— ответил Капризка.

— Неправильно! — сказал маляр.— Четыре кирпича.

— Нет, куча! — упрямылся Капризка.— Сколько хочу — столько и будет!

— Не выйдет из него рабочий,— сказали все.— Он думать не хочет!

А Капризка подбоченился и сказал:

— Я бабушкой хочу быть! Вот кем!

Тут все рассмеялись:

— Как это бабушкой?

— А вот как! Смотрите!

Капризка прошёлся бабушкиной походкой. И бабушкиным голосом сказал:

— Па-авлик! Ты проделал водную процедуру? И раз! И два! И три, четыре! — передразнил он бабушку, делая приседания.

Но теперь никто не смеялся. А бабушка даже обиделась. Потому что было очень похоже.

Павлик всё время удерживал Бимбо. Но тут Бимбо вырвался и бросился на Капризку.

— Ай-яй-яй! — взвизгнул Капризка и снова взлетел на столб.

В пасти Бимбо остался клочок от его штанишек.

— Бешеная собака! Бешеная собака! — закричал сверху Капризка.— Милиция! Стреляй в собаку!

Бимбо лязгал клыками. Шерсть взъерошилась.

— Спасайтесь! — закричали в толпе.— Бешеная собака! Спасайтесь!

Тогда Павлик встал рядом с Бимбо.

— Нет! — сказал Павлик.— Она не бешеная! Это Бимбо. Он умеет говорить.

— Не умеет! Не умеет! — прокричал сверху Капризка.— Я знаю!

А Бимбо встал на задние лапы и сказал:

— Здравствуйте, граждане простореченцы!

В толпе радостно закричали:

— Бимбо нашёлся! Ура!

Ведь многие помнили ЧУДО ПЕДАГОГИКИ, говорящую собаку Бимбо.

Но тут вышел совсем старенький старичок. Он приблизился к Бимбо и сказал:

— Здравствуй, друг!

Бимбо лёг на живот и медленно пополз к старику. Из глаз Бимбо текли слёзы. Он задышался от счастья.

В толпе сразу все смолкли. Только переговаривались шёпотом:

— Это хозяин Бимбо. Старый акробат.

— Это он научил говорить собаку.

— Он чуть не умер от горя, когда пёс убежал.

Бимбо подполз к своему хозяину. Прижал голову к его ногам.

Он ждал прощения.

А старичок сказал:

— Я не буду тебя наказывать. Ешь из моей тарелки. И ходи без ошейника.

Бимбо хотелось вымолвить: «Зачем мне твои тарелки? Зачем мне твоя постель?!» Но от волнения он не смог говорить.

Это бывает.

Ближе всех к ним стояла красивая мороженщица. Та самая. Лоток она поставила на землю и ждала, что будет дальше.

Но дальше было вот что.

— А где Капризка? — вспомнил кто-то.

Все посмотрели на столб: Капризки не было. Он исчез.

— Убежал! Убежал! — закричали в толпе.

Бимбо с досады завыл. Павлик чуть не заплакал.

Все были расстроены.

Особенно бабушка и садовник.

Но больше всех огорчился сержант: он прозевал Капризку!

Толпа стала медленно расходиться. Все говорили о Капризке. О том, какая опасность теперь грозит малышам.

Старый артист увёл Бимбо. Бабушка увела Павлика. Вскинула на плечо свой лоток мороженщица и тоже ушла.

На улице у неё спросили мороженое. Но только она открыла крышку, как из лотка выскочил Капризка.

— И-их! Замёрз! — взвизгнул он и скрылся из глаз.

КАПРИЗКА И НАТАША. ФРАНЦУЗСКИЙ СУП БУРДЭ

В прошлом году, когда Наташа была ещё маленькой, к ней прибежал Капризка.

Он сказал:

— Наташа! Давай со мной дружить.

— Давай! — обрадовалась Наташа.

Капризка был смешной. Всё на нём было надето шиворот-навыворот. Волосы торчали во все стороны. Капризка улыбался до ушей и говорил:

— Я весёлый! Со мной нескучно!

А Наташе как раз было очень скучно. Мама на работе. В детский сад Наташа не пошла: горло болело.

— Ты чего сейчас делаешь? — спросил Капризка.

— Ничего не делаю, — ответила Наташа.

— Давай какое-нибудь хорошее дело сделаем, — предложил Капризка. — Чтобы всем от этого приятно было.

— Надо, чтобы маме было приятно, — сказала Наташа.

— Ха! Придумал! — воскликнул Капризка. — Сварим обед.

— Понарошке? Для кукол? — спросила Наташа.

— Нет, зачем понарошке? Настоящий обед состряпаем. Ты только слушайся меня. Я всё знаю.

— Вот хорошо! — запрыгала Наташа от радости. — Маме так надоело обеды готовить, так надоело! А что мы, Капризка, сварим? Суп с макаронами?

— Нет, это что — с макаронами! Мы с тобой французский суп бурдэ приготовим!

— А это что такое, «бурдэ»? — переспросила Наташа.

— Как?! Ты ещё никогда не ела бурдэ? — удивился Капризка. — Тогда давай сейчас же варить. Знаешь, как твоя мама обрадуется!

Они прибежали на кухню.

Капризка вскочил на стол и стал оттуда командовать.

— Плиту зажигай! В кастрюлю воду наливай! Ставь её на огонь. Тащи сюда картошку, морковь, лук, укроп. Давай, давай! Живей поворачивайся! — весело покрикивал Капризка и приплясывал от нетерпения.

Теперь Наташе было не скучно.

Она металась по кухне и смеялась:

— Ну, я совсем, как мама!

Пока вода в кастрюле закипела, Наташа начистила картошки, нарезала моркови, свёклы. Накрошила укропу, луку, чесноку. Всё как научил Капризка.

— Вали всё это в кастрюлю, — сказал Капризка. — Тащи сюда пшено, рис, фасоль, макароны, горох, вермишель. Всё давай!

Наташа удивилась:

— Разве можно всё сразу?

— Можно, можно! — уверял Капризка. — Я знаю! Получится знаменитый французский суп бурдэ. Все удивляться будут, какой он вкусный!

Наташа послушалась Капризку и положила в кастрюлю всего. А Капризка хлопнул себя по лбу и воскликнул:

— Чуть не забыл! Давай сюда кусок мяса и рыбы.

— Мясо и рыбу вместе не варят, — сказала Наташа.

А Капризка сказал:

— Нет, варят! Ты спроси у мамы, она тебе скажет.

Но спросить сейчас было некого, и Наташа сделала, как научил Капризка. Только вместо свежей рыбы положила сельдьку, потому что другой рыбы не нашлось.

Потом они с Капризкой бросили в кастрюлю кусок сливочного масла и налили подсолнечного.

— Теперь давай солить, — сказал Капризка. — Ты подсыпай соль, а я буду пробовать.

— Нет, я буду пробовать! — возразила Наташа.

— А разве ты знаешь вкус супа бурдэ? — лукаво спросил Капризка.

Наташа не знала.

Капризка схватил ложку и стал пробовать, а Наташа — солить.

Капризка зачерпнул ложкой, попробовал и сказал:

— Мало! Ещё десять ложек соли добавь.

Наташа добавила, а Капризка попробовал и сказал:

— Много! Придётся сахару положить.

Наташа подсыпала сахару, но Капризка решил, что теперь слишком сладко, и велел подмешать горчицы.

— А теперь горьковато, — сказал Капризка и поморщился. — Надо положить варенья.

Наташа положила в кастрюлю малинового варенья.

Капризка попробовал суп и почмокал губами, будто от удовольствия.

— Вкусно! — сказал он. — Только надо чуточку подкислить. Подлей три ложки уксусу.

Наташа подлила уксусу и тоже хотела попробовать. Но Капризка сделал строгие глаза.

— Подожди,— сказал он.— Ещё надо перца и сапожного крема.

— Да разве сапожный крем едят? — удивилась Наташа.— Ты нарочно всё придумал! Ты обманщик!

Наташа хотела заплакать, но Капризка запрыгал, за-верещал:

— Ты мне не веришь! Эх ты! Тогда я сам весь суп съем! И попробовать тебе не оставлю!

Но тут же успокоился и сказал:

— Ладно, вместо крема можно желтков и белков положить. Разбей пять яиц.

Наташа разбила пять яиц и влила в суп.

— Ну, теперь пусть немного покипит,— довольный, ухмылялся Капризка.— Замечательное бурдэ получится.

Наташа присела на скамеечку.

Она умаялась, вспотела, косички у неё расплелись.

— Нечего сидеть,— сказал Капризка.— А ну-ка по-мешай суп!

Он дал ей ложку, а сам стал прислушиваться.

Кто-то поднимался по лестнице. Потом зазвенел дверной звонок. Это пришла Наташина мама.

— Мамочка! Я тебе суп сварила. Бурдэ называется! — радостно закричала Наташа, подбегая к маме.— Сейчас будем пробовать!

А Капризка не стал ждать, чем всё это кончится. Он незаметно прошмыгнул мимо них в дверь и убежал.

Наташе тогда крепко попало. Потому что получился не суп, а настоящая бурда.

Глава 7

НОВОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В ГОРОДЕ ПРОСТОРЕЧЕНСКЕ

Удивительное, небывалое событие всколыхнуло простореченцев: в городе объявился Кот в сапогах.

Он вышел из книжки с картинками. Наташа читала

вечером сказку и оставила книжку раскрытой. А ночью Кот возьми да и выйди! Как был — в шляпе с пером, в раззолоченном камзоле, высоких сапогах. И со шпагой на боку.

Такое бывает в сто лет один раз! Один раз за сто лет это случается, выходят из книжек герои. Только не все. Один кто-нибудь.

Теперь вышел Кот в сапогах.

Он появился неслышно. Снял перчатки, потом огляделся, стараясь понять, куда он попал.

Увидел спящую девочку. Но разбудить её не решился: а вдруг она испугается?

Шагнул к окну. Но слишком громко звякнули шпоры.

Тогда Кот забрался в кресло, надвинул шляпу на лоб и уснул.

А утром Наташа открыла глаза... Ах!

Кот вскочил и вежливо поклонился.

— Сеньорита, не бойтесь меня. Я Кот в сапогах!

— Я не боюсь,— рассмеялась Наташа.— Но откуда ты взялся? — удивилась она.

— Вероятно, оттуда,— сказал Кот и показал на раскрытую книгу.

— Как хорошо! Как хорошо! — захлопала девочка в ладоши.

— Я польщён,— вновь поклонился Кот.— Но будьте добры, сеньорита, скажите, где я? И какого нрава здешний король?

— Ах, что ты! Нет у нас короля.

— Но граф или герцог управляют народом? — спросил Кот в сапогах.

— Нет.

— Ах, какая чудесная страна! — обрадовался Кот в сапогах.— Я попал в какую-то сказку. А вы здесь маленькая фея?

— Нет, я не фея. Я настоящая девочка — Наташа. И всё, всё здесь настоящее,— показала она вокруг.

— Умоляю вас, сеньорита Наташа! Оденьтесь поскорее,— воскликнул Кот в сапогах,— и покажите мне город.

Наташа мгновенно оделась и позвала маму. Та снача-

ла очень испугалась. Потом очень обрадовалась. И побежала звонить всем знакомым по телефону.

Скоро весь город узнал о чудесном происшествии.

К Наташиному дому спешили взрослые и дети. Автобусы и троллейбусы остановились. Все улицы были забиты народом.

Но никто не толкался и не наступал на ноги. Не слышно было, чтобы кто-нибудь извинялся. Все говорили ПОЖАЛУЙСТА и пропускали друг друга вперёд.

А всё потому, что в Простореченске был чудесный обычай: здесь младенцев сначала учили говорить ПОЖАЛУЙСТА, а потом уже всем остальным словам.

Слово ИЗВИНИТЕ простореченцы приберегали к самому концу жизни. Умирая, человек говорил ИЗВИНИТЕ, и ему тут же всё прощалось.

Даже то, что он когда-то кому-то наступил на ногу.

Пока возле дома Наташи собиралась несметная толпа, Кот завтракал. Наташина мама угощала его колбасой и яичницей, Наташа — сметаной и конфетами.

Кот благодарил и ел. Ел и благодарил. Он был очень воспитанный.

Кот напробовался всего. Только от горчицы отказался решительно.

Потом вытер усы салфеткой и сказал:

— Благодарю вас, сударыня. Мне кажется, нам следует показаться народу.

Кот в сапогах надел шляпу с пером, прицепил свою шпагу и вышел на балкон.

Громкое ура грянуло внизу.

— Кот в сапогах! Ура! — кричали дети.

— Ура! Коту в сапогах ура! — кричали взрослые люди.

Они тоже бывают как дети, когда совершается что-нибудь необычное.

Все смотрели на Кота в сапогах.

Белые усы Кота торчали воинственно. А глаза были умные и добрые. Кот в сапогах сказал:

— Сеньоры! Я ценю ваши чувства и счастлив невыразимо.

— Ура! Да здравствует Кот в сапогах! — радостно закричала толпа.

— Сеньоры! Кто живёт в этих замках? — спросил Кот в сапогах. И показал на дома вокруг.

— Мы! — отвечали ему люди внизу. — Мы!

— А кто владеет землёй и лесами окрест?

— Мы! — снова слышалось громко. — Мы!

— Значит, нет среди вас несчастных бедняков?

— Нет! — весело закричали люди. — Нет!

— Сеньоры! — воскликнул Кот в сапогах. — Это волшебная сказка!

Потом на всех улицах было весело. Повсюду гремела музыка. Люди угощались и танцевали. Шутили и смеялись.

На всех площадях насыпали горы конфет и пряников. Бесплатно раздавали мороженое. Везде поставили бочки с квасом и мёдом. Для всех, кто захочет.

Фотографы гуськом ходили за Котом и Наташей. И моментальные портреты Кота уже красовались в витри-

нах магазинов. Открытки «Кот в сапогах» появились во всех киосках.

Коту в сапогах очень понравился Детский дворец. Дворец весь был сделан из мрамора и цветного стекла. А пол резиновый, надувной. На нём можно прыгать и перевёртываться. Прыгать и перевёртываться!

Потом Кот увидел солдат и милиционеров.

Милиционеры помогали старушкам переходить улицы. А солдаты пели и маршировали.

Но больше всех понравились Коту пожарные. На них были медные каски. И к поясам подвешены топорики. Пожарные учились взбегать по приставным лестницам, тушить пожар и спасать людей из огня.

А когда Наташа привела Кота в школу, там сами собой распахнулись все окна и двери! Такой устроили ребята тарарам!

Друг через друга кинулись они встречать Кота. И одному мальчишке едва не отдавили уши.

Гостей усадили за первую парту.

Учитель спросил:

— Добрый Кот в сапогах! Ты хотел бы учиться в школе?

— О да, сеньор учитель,— ответил Кот в сапогах.— Но мне уже поздно. Я взрослый. А есть у вас в школе капризные дети? — полюбопытствовал он.

— Увы! — печально признался учитель.— Имеются. Они всегда кричат: «Хочу, не хочу — делаю, что хочу!» А сами знать ничего не хотят и делать ничего не умеют. И вырастают из них ничевоки.

— Заковать их в цепи. И кнутом наказывать на площади,— сказал Кот.— Тогда никто не захочет быть ничевоком!

Но в Простореченске никогда никого не наказывали.

— Это напрасно,— сухо заметил Кот в сапогах.

Потом шёл урок географии.

Кот был в восторге. Он раньше думал, что Земля стоит на трёх китах.

— Как хорошо, что это неверно,— обрадовался Кот в сапогах.— Киты ненадёжны: а вдруг уплывут!

Потом Наташа привела его в цирк.

Кот познакомился с говорящей собакой Бимбо и даже выступил на арене сам. Как наездник.

В детском садике малышам он рассказывал сказки. Новые, каких ещё никто не знал.

Детские писатели в сторонке стучали на машинках. Они спешили сказки эти записать, чтобы потом напечатать их в книжках.

А вечером в Простореченске устроили шествие с факелами. Полыхали огни фейерверков.

Кот в сапогах не расставался с Наташей. Они вместе ходили по праздничным улицам. Где они появлялись — собиралась толпа. Всем хотелось посмотреть на гостя из сказки и поговорить с ним.

Кот в сапогах всему удивлялся. Кареты ехали сами, без лошадей. Чудесные ящички говорили и пели человеческим голосом, и можно было смотреть в них живые картинки. Волшебные белые шары на столбах светили без дыма и чада.

Простореченцы веселились до позднего вечера. Даже детей никто не позвал домой! Наконец все устали и попрощались до завтра.

Но никто не знает, что будет завтра.

И вот утром город узнал: Кот в сапогах исчез.

Ночью он вышел из дома. И пропал неизвестно куда.

Глава 8

КАПРИЗКА И КОТ В САПОГАХ

Ночью, когда в доме все спали, Кот в сапогах решил прогуляться по крыше.

Он снял сапоги. Тихонько подошёл к окну. Неслышно взобрался на подоконник. Оттуда спустился на карниз и по водосточной трубе залез на крышу.

Здесь Кот осмотрелся кругом и потрогал шпагу. Он прихватил её на всякий случай. И вдруг он услышал стоны. В водосточной трубе кто-то тихонечко плакал. Кот подошёл ближе.

В трубе сидел человек. Весь испарянный и заплаканный. Он старался выбраться, но не мог.

Человечек тоже увидел Кота в сапогах и сказал:

— Я застрял.

— Сеньор, не отчаивайтесь! — крикнул ему Кот в сапогах. — Я сейчас помогу вам!

Он снял свой широкий кожаный пояс и протянул человечку.

— Держитесь покрепче, сеньор! — сказал Кот в сапогах.

Человечек уцепился за ремень. Кот в сапогах дёрнул и вытащил человечка из трубы.

— Ха! — сказал человек. — Я бы и сам выбрался!

«Неблагодарное существо, — подумал Кот в сапогах. — Напрасно я назвал его сеньором».

Кот в сапогах брезгливо разглядывал человечка. Тот был с кошку. Грязный-прегрязный. Штанишки сзади порваны. На ногах незашнурованные ботинки. Круглые глаза не мигают.

Это был Капризка.

— Чего уставился? — сказал Капризка. — Правда, я красивый? Ха! А я тебя знаю. Ты котяра из сказки.

Кот в сапогах рассердился.

— Повежливей прош-шу! — зашипел он и грозно сверкнул глазами.

Капризка струсил.

— Я нечаянно! Извините! Извините! — залезбил он. — Я очень вежливый! — И тут же спросил: — А почему ты, котяра, без сапог шляешься?

Кот гневно поднял усы.

Капризка опять струсил. Он залопотал:

— Простите, простите, почтенный Кот в сапогах! Я сам не знаю, что говорю!

— Значит, ты сумасшедший, — строго сказал Кот и хотел уйти прочь.

Тогда Капризка упал на колени. Он стал притворно тереть кулачками глаза, будто заплакал:

— Пожалейте меня! Я несчастный!

Кот в сапогах жалел несчастных. Их было много всегда. Он промолвил:

— Расскажи. Может быть, тебе можно помочь...

— Ха! — сказал Капризка. — Мне все должны помогать.

— Должны? Почему должны? — был неприятно удивлён Кот в сапогах.

— Потому что я хороший! Я лучше всех! — закричал и затопал ногами Капризка.

Кот в сапогах нахмурился. А Капризка вопил:

— Хочу, не хочу — делаю, что хочу! Ха! Я вам ещё задам! — грозил он кулаком на все стороны. — Захочу — и всех заставлю плакать!..

Но тут Капризка закрыл себе рот ладошкой. Он испугался.

— Ты хочешь, чтобы дети плакали! — воскликнул Кот в сапогах и выхватил шпагу. — Ты злодей! — грозно сказал он и приставил шпагу к животу Капризки.

— Ах, нет! Почтенный Кот! — совсем испугался Капризка. — Я хороший! Я всё сказал наоборот.

— Значит, ты глупый,— проворчал Кот в сапогах и убрал шпагу в ножны.

Он не убивал безоружных.

А Капризка добреньким голосом сказал:

— Вы простили меня. Спасибо вам! Теперь я буду самым добрым существом на свете!

Он приложил руки к груди и закрыл глаза. Потом низко поклонился и сказал:

— Благородный Кот в сапогах! Позвольте вам предложить отличный ужин. Если правда, что вы меня простили,— поспешил прибавить Капризка.

Обещание стать добрым понравилось Коту. Он подумал, подумал и согласился.

— Прошу вас, уважаемый Кот. Ступайте за мной,— пригласил Капризка.

И они отправились.

Капризка привёл Кота в подвал гастронома. Они проникли туда через отдушину. И хотя было очень темно, Капризка и Кот всё разглядели отлично.

На крючьях, чтобы не достали крысы, были подвешены колбасы, окорока. В соседнем помещении на полках лежали сыры, виселись горки железных банок с молоком и сливками. В другом помещении, и тоже очень высоко, висела копчёная рыба.

— Милейший! Мне нечем будет рассчитаться,— сказал Кот в сапогах и похлопал себя по пустому карману.

— Платить? В нашем городе? Ха! Вы не знаете здешних обычаев,— возразил Капризка.— У нас это не полагается.

— А кассы тогда в магазинах зачем? — недоверчиво спросил Кот.

— А затем, чтобы туда бросали кожуру от колбасы и сыра, кости и пустые банки. Чтоб знали продавцы, чего ещё нести со склада.

— Какой прекрасный обычай! — воскликнул Кот в сапогах.

Он много знал стран и обычаев, но такого не встречал ещё никогда.

Кот поверил Капризке потому, что увидел в городе

много чудесного. «А почему бы не быть здесь и чудесным обычаям?» — решил он.

Капризка мигом достал всякой всячины.

— Вот колбаса, вот сыр, вот окорок. Покушайте всего,— радушно угощал он.

Кот в сапогах охотно ел и то, и сё, и это.

А Капризка лукаво поглядывал на Кота и ухмылялся. Он был очень доволен.

— Но вы не спросили, как меня зовут,— тихо сказал Капризка. И сделал печальные глаза.

— О, да! — сказал Кот в сапогах.— А как тебя зовут?

— У меня слишком длинное имя,— сказал Капризка.— Его трудно запомнить.

— Но всё же назови его,— предложил Кот.

— Меня зовут Капризоплачьнадоедоплюйкин,— сказал Капризка и скромно опустил глаза.

— Действительно, странное имя,— согласился Кот.

А возле них уже лежало немало кожуры, костей и крышечек от банок со сметаной.

— Смотри, милейший, не забудь всё это бросить завтра в кассу,— напомнил Капризке Кот в сапогах и направился к отдушине.

Но тут вдруг что-то лязгнуло. Кот вскрикнул от боли в ноге.

Он угодил в крысиный капкан.

— Ха! Попался, котятра! — радостно взвизнул Капризка.— Хи-хи-хи! — приплясывал он.

— Презренный! — крикнул Кот Капризке.— Ты смеёшься над чужой бедой!

— Ты сам презрен-

ный! — ответил Капризка. — Знаешь, как тебе влетит за колбасу и сметану?

Ужасная догадка поразила Кота в сапогах: «Я обманут! Нет здесь обычая не платить за еду. Что я наделал? Какой позор!»

Кот в отчаянии опустился на пол.

«Что подумает сеньорита Наташа?! Что обо мне скажут люди!» — горевал Кот.

Он хотел открыть капкан, но сделать это один не мог. А Капризка помогать не стал.

— Так и надо! Так и надо! — приговаривал он. — Не ходи, Кот, босиком!

И оба они не заметили, как из нор вдруг повылезли крысы. Облезлые и тощие. Одна была преогромная. Длинный хвост волочился за ней, как верёвка.

Это был крысиный вожак.

Капризка лишь только увидел крыс — взвизгнул от страха и мгновенно скрылся в отдушине.

Крысиный вожак скрипнул острыми зубами и пошёл прямо на Кота.

Кот вынул шпагу из ножен.

Крысы окружали его. Они только ждали сигнала своего вожака, чтобы напасть...

Глава 9

СЫР ДОБРОГО ВОЛШЕБНИКА

— Прочь! — грозно крикнул Кот в сапогах.

Он взмахнул шпагой. Крысы чуть отступили.

Тогда Кот сказал:

— Господа! У вас неважный вид! Вероятно, вам плохо здесь живётся?

Крысы ничего не ответили. Они не умели говорить, однако всё понимали. Как все живые существа на свете.

Тощие крысы смотрели на Кота голодными глазами. А вожак нетерпеливо шевелил своим длинным хвостом.

— Не торопитесь! Это дорого вам обойдётся! — предупредил Кот в сапогах. И снова взмахнул шпагой. — Лучше выслушайте, что я расскажу.

Кот сел на пол, положил возле себя шляпу и как ни в чём не бывало стал говорить:

— В той стороне, куда вам следует сейчас же отправиться, жил когда-то добрый волшебник Пустодел.

Всю свою жизнь он занимался добрыми делами.

Умел волшебник воду и огонь помирить. Ветер с ветром подружить. Даже чёрные тучи слушались его иногда и жили в добром согласии с солнцем.

Да как-то всё ненадолго.

Лишь отвернётся волшебник — и всё начиналось сначала. Ветер на ветер налетит, и смерчем они закрутятся. Вода зальёт огонь. А тучи солнце заслонят.

А ещё того хуже на земле творится.

Все на всех нападают. Друг за другом гоняются. Только поспевай мирить да разнимать.

Вот однажды увидел добрый волшебник, что злая собака за рыжей кошкой погналась. Рассердился и превратил эту собаку в рыжую кошку. Чтоб неповадно было.

Да видит: кошка мышку цап-царап!

Сейчас же превратил он рыжую кошку в серую мышь. Пускай, мол, узнает, каково мышке в зубах у кошки!

А когда пришёл Пустодел домой, видит: сидит серая мышь у него на столе и сыр голландский уплетает!

— Так будь же ты, мышь, сыром! — воскликнул вне себя добрый волшебник.

И превратил серую мышь в голландский сыр.

За такими делами и хлопотами не заметил Пустодел, как состарился. Да так и умер, ничего своими добрыми делами не сделав.

А сыр всё ещё лежит у него на столе. И кто этого сыра отведаёт, тот превратится либо в серую мышку, либо в рыжую кошку. Даже в злую собаку, если кто хочет.

— Господа тощие крысы! — воскликнул Кот. — Я укажу вам путь к дому волшебника, где сыр лежит. Но за это вы поможете мне открыть капкан.

А крысам это пустяки. Они давным-давно знают, как устроены капканы. В одну секунду крысы освободили Кота.

А он им сказал:

— Бежать вам надо так, чтобы луна всё время в левый глаз светила. А ветер против шерсти поддувал.

Тощие крысы Коту поверили, потому что он им правду сказал. А какая крыса не хочет стать кошкой?

Со всех ног бросились они бежать и одна за другой исчезли в отдушине.

Хотел и Кот в сапогах вслед за ними не спеша выйти.

Но, к огорчению его, отдушина вдруг закрылась!

Кот в сапогах не знал, что сторож гастронома видел, как убегали крысы, обрадовался и поскорее захлопнул отдушину. Чтобы они не могли сюда вернуться.

Так Кот в сапогах оказался запертым в подвале.

ТРЕВОГА В ГОРОДЕ

По радио объявили:

— Кот пропал неизвестно куда. Остались только его сапоги.

Простореченцы сначала посмеивались.

— По крышам, наверно, гуляет,— говорили одни.

— Без сапог далеко не уйдёт,— рассуждали другие.

— А может, заблудился? — предполагали многие.—

Ведь он ещё не знает города.

Но все решили, что беспокоиться пока нечего.

Только Наташа никого и слушать не хотела.

— Бедный котик! Бедный котик! Что с тобой случилось? — приговаривала она.

Наступил вечер, а Кот ещё не вернулся. Вот тогда-то весь город охватила тревога.

Простореченцы очень полюбили славного Кота в сапогах. К тому же он был гостем их города. А гостя полагается беречь. Несчастье с ним — позор для всех.

В Простореченске объявили военное положение. Начались всеобщие поиски Кота. Милиционеры разъезжали на мотоциклах. Солдаты встали на свои посты. Пожарные взбирались на крыши домов, осматривали чердаки. Школьники обследовали каждый кустик и каждую канаву.

Рабочие перевернули все бочки и ящики, заглянули во все колодцы. Машинисты осмотрели свои поезда.

Кота нигде не было.

Тогда в воздух поднялись самолёты. Лётчики сверху в бинокли оглядели город. Но Кота в сапогах не обнаружили.

Его искали весь день и всю ночь.

Наташа с горя заболела. Вот тогда и прибежал к ней Капризка. Он уселся на тумбочку и сказал:

— Здравствуй, Наташа!

— Ты плохой,— сказала Наташа и отвернулась.

Ей не хотелось разговаривать с Капризкой. Она ещё не забыла, как он когда-то научил её варить суп бурдэ.

Но Капризка сказал:

— А я знаю, где Кот в сапогах!

— Ой! Правда? — обрадовалась Наташа.

Она вскочила и забегала по комнате.

— Скорее! Скорее! Сейчас же надо всем сообщить! Он живой? Он здоровый? Где он? — тормошила Наташа Капризку.

— Не скажу! — заявил Капризка. — Раз я плохой, не скажу! — упрямо повторил он.

— Капризка! Капризулечка! Миленький, хорошенький! Скажи, где Кот в сапогах, — умоляла Наташа.

— Ха! Теперь я миленький, хорошенький! — ухмылялся Капризка.

— Капризка! — строго сказала девочка. — Ты опять меня обманываешь?

— Нет, Наташа, — серьёзно сказал Капризка. — Я теперь хороший. И очень даже замечательный.

— Тогда скажи, где Кот в сапогах!

Капризка по-страшному округлил глаза и сказал:

— Кота поймали ничевоки. И утащили в Дальний лес.

— Надо сообщить в милицию! — испугалась девочка.

— Нельзя, нельзя в милицию! — замахал на неё руками Капризка. — Ничего не боятся. Только милиции боятся. Они спрячут Кота навсегда, чтобы им не попало.

— Ах, что теперь делать? Что делать? Кто спасёт Кота в сапогах? — волновалась Наташа.

— Ха! — сказал Капризка. — Ты сама спасёшь котяру. И ещё один мальчик. Он ждёт меня на краю города. Собирайся, пойдём!

— А мама? Надо сказать маме, — спохватилась Наташа.

— Нельзя! — вскричал Капризка. — Нельзя говорить маме. Она тебя не отпустит.

— Тогда пойдём! Скорее пойдём, Капризка! — заторопилась Наташа.

И они выбежали из дома.

Только Капризка на минуту вернулся, чтобы плюнуть на сапоги Кота.

Утро лишь начиналось. На улицах всё ещё горели фонари. Их некому было тушить. Простореченцы всю ночь искали Кота в сапогах. И теперь пожарные храпели на крышах, на лестницах, приставленных к домам.

Милиционеры спали прямо в мотоциклах. Рабочие заснули кто где был. А некоторые прямо на ходу.

Никем не замеченные, Наташа с Капризкой пришли на край города. Здесь их ждал мальчик.

Это был Павлик.

И вот почему он здесь очутился.

Вечером, когда Павлик ложился спать, он нашёл в своей кровати письмо.

Там было написано:

«Павлик!

Я попал в плен к ничевокам. Они отпустят меня, если ты принесёшь им свой ПОЧТИНАСТОЯЩИЙ пистолет, который стреляет горохом на сто шагов.

Благородное существо Капризка встретит тебя на краю города и приведёт сюда.

Умоляю, ничего не говори взрослым. Так надо!»

Внизу стояла подпись: «Кот в сапогах».

Прочитав это письмо, Павлик не стал раздумывать. Он сунул за пазуху свой прекрасный ПОЧТИНАСТОЯЩИЙ пистолет и отправился на край города.

— Павлик! — сказал Капризка. — Это я бросил письмо тебе в кровать.

— Капризка, — не сразу поверил Павлик, — ты опять обманываешь меня?

— А письмо? — искренне удивился Капризка.

Действительно, письмо Кота лежало у Павлика в кармане.

Павлик хотел спросить Наташу, зачем она идёт с ними.

Но Капризка не дал им разговаривать. Он приложил палец к губам и сказал:

— Тсс! Айда, ребята! Надо скорее спасти Кота.

Утро уже наступило. Дальний лес виднелся невдалеке.

Глава 11

НИЧЕВОКИ

Капризка привёл детей в лес.

— Не надо идти по тропинке,— сказал он.— Айда, ребята, напрямик!

Капризка не хотел, чтобы им кто-нибудь встретился.

А напрямик идти было трудно. Густые заросли преграждали путь. Через поваленные деревья приходилось перелезать.

Павлик с Наташей очень устали, поцарапались о колючки.

Одежда изорвалась о сучья. Но дети и не думали отступать. Они решили во что бы то ни стало спасти Кота в сапогах и смело шли вперёд, но вдруг попали в болото.

Здесь пузырилась вонючая вода. Ползали длинные змеи. Кричали отвратительные жабы.

Капризка ловко прыгал с кочки на кочку. А Павлик с Наташей так не умели. Они увязали в трясине, тонули в зловонной жиже. Но всякий раз выбирались снова.

Мокрые, грязные, свалились они на землю, когда, наконец, перешли болото.

Но Капризка сердито закричал:

— А ну, поднимайтесь! — И снова повёл детей за собой.— Скорее, скорее идите! — торопил он Павлика и Наташу. Капризка спешил, потому что увидел в небе вертолёт. Он сразу догадался: в городе хватились детей, и лётчики теперь их разыскивают.

Вскоре совсем испортилась погода. В ветвях деревьев завыл ветер. А в небе закружились чёрные тучи.

Потом впереди стал слышаться какой-то гул и плеск.

Дети прошли ещё немного и увидели за густыми зарослями широкую реку. Это была Неизвестная река.

Справа над берегом высилась огромная мрачная скала. Капризка подвёл их к этой скале. И они вместе поднялись на площадку с крутым обрывом.

Впереди зиял вход в пещеру и суетились какие-то люди.

— Это ничевоки! — сказал Капризка. — Спрячьтесь тут, за камнями, и ждите. А я пойду на разведку.

Капризка исчез. Павлик с Наташей притаились за камнями и стали смотреть на ничевоков.

Это были странные

люди. Нестриженные, нечёсанные, неумытые. Трудно было понять, кто старый, кто молодой.

Одеты они во что попало. Один в женской кофте. Другой носил пришитые к трусикам рукава. У самого лохматого ничевока на правой ноге был мужской ботинок, на левой — дамская туфля. Один ничевок был совсем без ничего.

Павлик с Наташей знали про ничевоков. О них писали в газетах и рассказывали по радио.

Ничевоки вырастают из капризных детей.

— Хочу, не хочу — делаю, что хочу! — всегда кричат такие дети.

Но ничего хорошего делать они не умеют. Только шалить да хныкать.

В школе учатся хуже всех.

— Хочу — учусь, не хочу — верчусь! — весело покрикивают будущие ничевоки.

А потом, когда вырастут, — ничего не поделаешь! — приходится их в зоопарке держать. Вместе с мартышками.

Потому что работать они всё равно не умеют. А только всех передразнивают.

Вот столяр доску строгает. А ничевок тоже рубанок схватит и будто строгать примется. Да не понимает бедный ничевок, что рубанок он задом наперёд держит!

Слесарь молотком стучит — дело делает. А ничевоку — лишь бы похоже было. Бьёт молотком по железке как попало.

А если увидят ничевоки музыкантов, сейчас же хватают свистульки, сковородки, тазы — и ну турчать, грохотать, гремять! Тоже будто у них оркестр.

В последнее время стали ничевоки куда-то пропадать. Никто не знал, куда. А они — вот они где, оказывается! Здесь поселились!

Дети смотрели на них во все глаза. Ничевоки как раз пировали. Они смеялись и ссорились. Толкались и вырывали друг у друга куски побольше.

Откатилась в сторону кастрюля с кашей. Из другой кастрюли два ничевока мазались киселём и хохотали.

Ничевок в кофте отнимал у товарища сахар. Прямо из-за щеки, пальцами. Тот не давал. Он таращил глаза и визжал, как поросёнок.

Вдруг самый лохматый ничевок гаркнул басом:

— Смир-рна!

Все ничевоки сразу бросили возню, выстроились в ряд.

И тут Наташа с Павликом увидели... Капризку!

Он медленно приближался к ничевокам. На Капризке был докторский халат из наволочки. И белая докторская шапочка. В грязном кулачке Капризка сжимал шприц с длинной иглой, которым делают уколы.

Круглые глаза Капризки смотрели сурово и не мигали.

Ничевоки затрепетали от страха.

— Да здравствует вождь ничевоков! — гаркнул лохматый.

— Ура! Ура! — закричали ничевоки. И ещё больше испугались.

«Капризка — вождь ничевоков! Что теперь будет?! — ужаснулись дети. — Он обманул нас!»

А Капризка сказал:

— Ничевоки! Теперь нас будет больше. Я привёл вам детей. Они вон там! Хватайте их!

И Капризка показал рукой туда, где прятались Наташа и Павлик. Ничевоки подбежали и схватили детей.

— Вот они! — обрадовались ничевоки. — Вот они!

Павлик успел выхватить свой пистолет. Но у ничевоков у самих раньше были пистолеты, которые стреляют горохом. Они не испугались и отняли у Павлика оружие.

Ничевоки подтащили детей к Капризке.

— Подать мне этот пистолет! — сказал Капризка.

Лохматый ничевок отдал Капризке пистолет.

— Ха! — сказал Капризка. — Теперь он будет мой.

Потом Капризка по-страшному округлил на Павлика с Наташей глаза и крикнул:

— Теперь вы будете ничевоками!

— Мы не хотим, — сказал Павлик.

Капризка топнул ногой.

— Нет, вы будете ничевоками! Я так хочу. Хочу, не хочу — делаю, что хочу!

— Нет! Нет! — закричали дети. — Мы ни за что не станем ничевоками!

Тогда Капризка показал ничевокам шприц с иглой и сказал:

— Мои верные ничевоки! Вы знаете, как я наказываю?

Ничевоки задрожали от страха.

Больше всего на свете они страшились докторского халата. А шприц с иглой приводил их в неопиcуемый ужас. Как боялись в детстве докторов — такими глупыми и остались навсегда. Вот почему маленький, ничтожный Капризка держал их в повиновении.

Капризка сказал Наташе и Павлику:

— Сейчас я вам сделаю укол от скарлатины.

— Мы не боимся, — ответил Павлик. — А тебе, Капризка, за это попадёт!

— И ты не боишься? — спросил Капризка Наташу.

— И я не боюсь! — ответила Наташа. — А тебе за это достанется, — повторила она за Павликом.

У Капризки забегали глаза. Он не знал, как ему сейчас поступить. А вдруг и ничевоки перестанут бояться шприца?

В это время самый молодой ничевок вдруг заголосил, заливаясь слезами:

— И я не хочу-у быть ничево-оком! Хочу домой, к ма-аме!

— А-а! — закричал на него Капризка. — Ты к мамочке своей захотел? Казнить его!

— Казнить! Казнить! — загалдели ничевоки.

Им ведь что? Ничего. Казнить так казнить!

Своим ничевокам Капризка приказывал радоваться, что они ничевоки. А если кто плакал, того заставлял смеяться насильно.

А это очень тяжело — смеяться, когда хочется плакать.

Капризка взмахнул рукой, ничевока повалили на землю и принялись щекотать.

Ничевок захохотал.

Его щекотали под рёбрами, под мышками. Стащили

башмаки и щекотали пятки. Бедный ничевок визжал от смеха. Он смеялся до слёз. Но это были мучительные слёзы. Потому что его заставили смеяться насильно.

Наташа с Павликом кинулись было выручать ничевочка, но Капризка закричал:

— Схватить их! Утащить в пещеру!

Ничевоки схватили детей и втолкнули в пещеру.

Что делали сейчас Капризка и ничевоки, отсюда не было видно. Только несчастного, наверное, перестали мучить. Потому что он уже не хохотал.

Павлик с Наташей осмотрели пещеру. На стенах, на самом видном месте, было написано мелом:

«Мы ничивоки! ура!» «Хачу ни хачу, делаю что хачу!»

«Даздрастует вождь ничивоков висёлый Капризка».

Зато в дальнем углу пещеры дети прочитали надпись, сделанную углём:

«Уволоките меня отсюда! Вова тридцать лет».

На полу посредине пещеры тлели головешки. А вокруг валялись кости, кожура, пустые консервные банки. И всякая невымытая посуда.

Поодаль стояла порожняя бочка из-под селёдки.

Наташа спросила Павлика:

— А про какое письмо ты разговаривал с Капризкой?

— Кот в сапогах мне его написал.

Павлик достал из кармана смятый листок и подал Наташе.

Она посмотрела и сказала:

— Капризка тебя обманул.

— А письмо, а письмо! — загорячился Павлик.

— Капризка сам его написал.

— Откуда ты знаешь? — не поверил Павлик.

— А ты посмотри, какие здесь буквы! — сказала Наташа.

Павлик посмотрел. И правда: одни буквы написаны по-письменному, другие по-печатному. Одни перекошились влево, другие повалились вправо. Иные лежали плашмя, а некоторые стояли вверх ногами.

Несомненно, это был Капризкин почерк.

«Хочу, не хочу — пишу, как хочу», — наверное, приго-

варивал Капризка, когда, высунув язык, водил карандашом по бумаге.

А в пещере становилось всё темнее. Наступал вечер. Скоро сюда прибежали все ничевоки. Потому что начиналась гроза и гремел гром.

Ничевоки и грома тоже очень боялись. Они ведь не знали, отчего бывает гром. А когда сверкала молния, в страхе закрывали глаза. Потому что не знали, отчего бывает молния.

Ничевоки ничего не знали.

Чтобы не так страшно было, Капризка приказал зажечь костёр.

Всю ночь бушевала гроза. Измученные дети уснули в пещере, прямо на голой земле.

Они не знали, что Кот в сапогах давно нашёлся. Его обнаружил в подвале сторож, когда проверял капканы. Коту крысиным капканом сильно отдало ногу. Его сейчас же отвезли в больницу. И теперь здоровье Кота было вне опасности.

ДРУЗЬЯ ИДУТ ПО СЛЕДУ

О том, что исчезли Наташа и ещё один мальчик, Кот в сапогах узнал в больнице.

«Это проделки Капризки,— сразу решил Кот в сапогах.— Презренный негодяй!— бранил он Капризку.— Я разочтусь с тобой! Клянусь честью!»

А в городе снова объявили военное положение. Опять отменили занятия в школах. Все прекратили работу.

Начались всеобщие поиски.

Теперь осматривали всё. Теперь искали везде. Даже в запертых подвалах и складах. В сундуках и шкафах.

Даже в пустые вёдра заглядывали.

А солдаты на вездеходах отправились за город. Самолёты и вертолёты кружили в небе.

Но дети не находились. Тогда по радио сказали:

— Кто спасёт детей, получит звание ГЕРОЙ ПРОСТОРЕЧЕНСКА.

Кот в сапогах отказывался лежать в постели и принимать лекарство. Но главный доктор заставил его лечь и дал сто капель валерьянки.

Кот сделал вид, что покорился. Он сказал:

— Я буду смирно лежать. Только пусть принесут мой мундир и шпагу.

Доктор согласился: военным полезно смотреть на мундир и оружие. В палате повесили шляпу, камзол и шпагу. Поставили в углу сапоги.

Между тем наступил вечер. Кот в сапогах прислушался. В больнице всё стихло. Кот неслышно встал с кровати. Оделся, натянул сапоги, пристегнул к поясу шпагу. И вылез в окно.

Через минуту он, прихрамывая, крался по улицам Простореченска. Кот знал, куда ему идти и что делать.

Он отправился к Бимбо.

Старый артист и Бимбо жили на даче. Найти их дом было нетрудно: он весь оклеен афишами. Для красоты.

Однако старика и собаку Кот не застал.

Когда надо, военные умеют ждать. Кот сел в кресло и стал терпеливо ждать.

Наконец артист и Бимбо вернулись домой. Они очень устали, потому что тоже искали детей.

Кот в сапогах вскочил с кресла.

— Сеньоры! — закричал Кот. — Я насилу дождался вас.

— Приветствую тебя в моём доме! — сказал старый артист.

Он тоже очень обрадовался.

— Здорово! — сказал Бимбо. — Дай лапу!

— Сеньоры! Нет ли в вашем городе подозрительных мест? — спросил Кот в сапогах.

— Наш посёлок стал подозрительным местом, — ответил старый артист. — Из домов кто-то уносит еду. Пропала кастрюля с кашей. И ещё кастрюля с киселём.

— Ворруют, рразбойники! — подтвердил Бимбо.

— Исчезают одежда и обувь. Многие дачники ходят теперь босиком, — рассказывал старик.

— Сеньоры! Детей куда-то заманил Капризка. А он всегда там, где творится неладное.

— Капризка! В дачном посёлке! — ахнул старый артист.

— Да, возможно. Или где-то поблизости, — твёрдо сказал Кот в сапогах.

Старик решил сейчас же осмотреть посёлок и всё, что поблизости.

Он взял свою трость и фонарик.

— Вперёд, друзья! — воскликнул старый артист.

И они втроём выбежали из дома.

Был уже вечер. Погода испортилась, небо заволокли тучи.

Друзья подошли к соседней даче. Там недавно исчез хлеб и две пачки сахару.

Бимбо скоро нашёл подозрительный след. Густо пахло ничевоком.

След вёл прямо в Дальний лес. Друзья поспешили туда.

Вскоре они очутились в очень тёмном лесу. Но Бимбо вёл уверенно. А старый артист светил фонариком.

Они шли долго, пока не оказались в болоте со змеями. Здесь след ничевока пропал.

На другом конце страшного болота Бимбо вдруг зарычал. Пахло Капризкой!

Кот разглядел на земле ещё две пары следов. Сомнений не оставалось: с Капризкой здесь были дети.

— Вперёд, сеньоры! — позвал мужественный Кот в сапогах.

Друзья ринулись вперёд.

В это время ударил гром и засверкали молнии. Дождь полил как из ведра. Все следы сразу смыло водой. Друзья пошли наугад.

Вдруг Бимбо бросился в сторону. Там, в темноте, он с кем-то отчаянно дрался.

— Рразбойник! Рразоррву! — слышалось оттуда.

Кот и артист подбежали. Оказывается, Бимбо свалил ничевока и держал его за ногу.

Ничевок ничего не понимал. Он никогда не слышал говорящей собаки. И не видал живого Кота в сапогах.

— Жалкий ничевок! — сказал старый акробат. — Не бойся нас. И скажи, ты не встречал здесь детей и Капризку?

Это был тот самый ничевок, которого щекотали. Он убежал. И сейчас, весь заплаканный, пробирался домой, к своей маме.

Как все ничевоки, несчастный ничего не мог объяснить толком. Но старый артист сразу всё понял:

— Капризка хочет сделать детей ничевоками!

Друзья вздрогнули: страшная опасность угрожает детям!

— Сейчас же веди нас в лагерь ничевоков! — приказал старый артист. — Марш вперёд! Живо!

Молодой ничевок вскочил на ноги и побежал впереди. А за ним Кот в сапогах, Бимбо и старый артист.

Ничевок привёл их к Неизвестной реке.

Уже начиналось утро. Гроза давно прошла. Над рекой вставало солнце.

Ничевок показал пальцем на скалу с пещерой.

— Я дальше не пойду-у! — захныкал он.

— Уходи! Теперь ты нам не нужен, — прогнал его старый артист.

Ничевок убежал. А старик поднял трость и сказал:

— Друзья мои! Нам, возможно, предстоит сражение. Кто из вас готов рискнуть жизнью?

— Я готов, — сказал Кот в сапогах.

— Ррад! Ррад! — согласился преданный Бимбо.

— Тогда слушайте мою команду, — властно произнёс старый артист. — Пусть Кот поднимется к пещере с той стороны, а мы с Бимбо — по этой дороге, ведущей из лагеря. Когда я крикну: «За мной! Ура!» — мы бросимся в пещеру и нападём на ничевоков.

— И горе им! — сурово добавил Кот в сапогах.

Друзья принялись выполнять манёвр.

Но когда они стали взбираться по круче, из-под ноги старика вырвался камень и с шумом покатился вниз.

Из пещеры выбежал Капризка и тут же скрылся опять.

— Вставайте, ничевоки! — в страхе закричал Капризка. — Сюда идут!

Ничевокам не хотелось вставать.

— Ничего, пускай идут,— сказали они.

Тогда Капризка показал им шприц — и ничевоки мигом вскочили на ноги.

Капризка кивнул на бочку из-под селёдки и крикнул:

— Посадить в неё мальчишку с девчонкой! Скорее, скорее!

Ничевоки посадили детей в бочку.

— Забивайте дно! Скорее, скорее! — торопил Капризка своих ничевоков.

Они кое-как заколо-

тили дно бочки. А Капризка приказал им выкатить её из пещеры и поставить на самом краю обрыва.

— Мои верные ничевоки! — провозгласил Капризка, размахивая пистолетом Павлика и своим шприцем. — Стойте здесь спокойно. Теперь никто не посмеет вас тронуть!

Ничевоки ничего не поняли, но послушно сгрудились возле бочки.

Как раз в это время старый артист и Бимбо появились на площадке. Но скомандовать «За мной! Ура!» старику не пришлось.

— Ха! — крикнул Капризка. — Ни с места! Дети сидят в этой бочке. И если вы сделаете полшага, мы столкнём бочку вниз!

Старый артист и Бимбо замерли на месте. Они знали: от Капризки и ничевоков всего можно ожидать.

А Капризка обернулся к ничевокам и зашептал:

— Мы нарочно, мы нарочно! Только испугаем!

И снова закричал:

— Ха! Бимбо! Етсардз! Эй, собачина, скажи: амам!

Капризка торжествовал.

— Ха, что, взяли? — потешался он над стариком и Бимбо. — А ну, убирайтесь отсюда! Отойдите на тысячу тысяч шагов! И ждите там, пока мы не уйдём далеко! — сердито крикнул Капризка.

Дети ничего не видели из бочки и не знали, что происходит.

А Капризка и ничевоки не заметили, как сзади к ним подкрадывался Кот в сапогах.

Ещё мгновение — и Кот в сапогах очутился за спиной ничевоков.

— Презренные! — воскликнул он и с обнажённой шпагой бросился вперёд.

— Мама! — в ужасе заорал бородатый ничевок.

— Мамочки! Боюсь! — пробасил лохматый.

И все ничевоки кинулись врассыпную.

Ведь они никогда не видели живого Кота в сапогах. Да ещё с обнажённой шпагой!

— Назад, благородный Кот! — скомандовал старый артист. — Назад! А то Капризка столкнёт детей!

Кот в сапогах недаром носил шпагу и шпоры. Он знал военную дисциплину и тотчас бы повернул обратно. Но было уже поздно. Кот лицом к лицу встретился с Капризкой.

— Стой, негодяй! — воскликнул Кот в сапогах.

Капризка так изумился появлению Кота, что забыл выпалить в него из пистолета горохом.

Кот взмахнул шпагой. Капризка ловко увернулся и швырнул в Кота пистолет.

Кот в сапогах рубанул ещё. Капризка опять увернулся, да наступил на шнурок своего ботинка и упал.

Как раз в это время Кот в сапогах сделал свой самый страшный выпад шпагой. Но Кот споткнулся о Капризку, и удар пришёлся по воздуху. Они покатались кувырком, задели бочку и вместе с ней рухнули с обрыва в воду.

Всё это произошло так быстро, что никто не успел сказать «Ах!».

Старик и Бимбо бросились к краю обрыва и увидели, что бочку с детьми стремительно уносит бурная река. А Кот и Капризка исчезли в волнах.

— Вперёд, Бимбо! За мной! — скомандовал старый артист. — Догоним бочку и спасём детей!

Глава 13

ЧТО БЫЛО ПОТОМ

Старик и Бимбо долго бежали по берегу реки.

Они видели, что бочка ещё не затонула. Теперь она плыла по вольному морю, куда её вынесло течением.

Но как спасти детей?

Артисту не доплыть, потому что он старый. Бимбо доплывёт, но что он сделает одними зубами?

И всё-таки Бимбо поплыл! Собаки — они такие!

— Дать сигнал бедствия! — приказал сам себе артист.

Он моментально развёл костёр. Дым поднялся в небо. «Его обязательно должны заметить с вертолётов или кораблей», — решил артист.

А в море появился другой пловец. Это был Кот в сапогах. Он держал свою шпагу в зубах. И плыл прямо к бочке.

— Ура! Кот в сапогах! — радостно закричал старик.

Кот всё плыл и плыл. Но скоро силы оставили его. Над водой уже виднелись только усы и шпага.

Кот погибал, но не бросал оружия. Так всегда поступают военные.

Но вот к нему подплыл Бимбо. Он ухватил Кота зубами за воротник и не дал ему утонуть.

Кот взглядом поблагодарил друга: ведь сказать он ничего не мог, потому что держал в зубах шпагу.

А бочку уносило в море всё дальше. И всё выше становились волны. Теперь уже оба друга то и дело оказывались под водой.

Кот и Бимбо всякий раз сердито отфыркивались.

Но вот, наконец, они настигли бочку и взобрались на неё. Кот постучал в дно рукояткой шпаги.

— Сеньорита Наташа! Вы живы? — тревожась, спросил он.

— Котик, ты живой! — радостно закричала Наташа из бочки.

— Благодарю вас, сеньорита! Я чуть живой, — пошутил Кот. — А как себя чувствует молодой сеньор? — спросил он про Павлика.

— Сюда натекает вода, — ответил Павлик. — Выпусти нас поскорее!

— Нельзя, сеньор. Мы в открытом море, — сказал Кот в сапогах.

— Не рробейте, ребята! — подбодрил детей Бимбо.

— И Бимбо здесь! — обрадовались дети.

А бочка уже стала тонуть. Дети в ней начали захлёбываться. Ещё немного — наступит гибель.

— Мужайтесь, мужайтесь! — воскликнул Кот в сапогах. Он и Бимбо прыгнули в воду и поплыли, поддерживая бочку из последних сил.

И тут вдруг зарокотало всё небо. На дым костра прилетели вертолётцы. Восемь штук!

С одного вертолёта спустили лестницу. Кот в сапогах крикнул лётчику:

— Сеньор! Спасайте бочку! Прежде спасайте бочку! Там дети!

Лётчик был сильный. Он ухватил бочку одной рукой и поднял в вертолёт. Кот и Бимбо сами поднялись в него по верёвочной лестнице.

На берегу танцевал и плакал старик.

Да. Танцевал и плакал сразу. С артистами это бывает.

В вертолёте детей вынули из бочки. Кот и Бимбо бросились их обнимать.

Другой вертолёт подобрал артиста. И все они полетели в Простореченск.

А про Капризку забыли.

Все простореченцы кинулись в аэропорт встречать детей.

Это была незабываемая встреча!

Огромная толпа окружила спасённых.

Мама Наташи и бабушка Павлика рыдали от счастья. Глядя на них, плакали женщины и девочки.

Только мужчины и мальчики делали вид, будто не плачут. Так бывает всегда.

Старому артисту, Коту в сапогах и Бимбо сейчас же дали звание ГЕРОЙ ПРОСТОРЕЧЕНСКА. Грянула духовая музыка. Все пожарные и милиционеры отдали честь. Весь народ закричал ура. Солдаты бабахнули из ружей и пушек.

Это был салют в честь ГЕРОЕВ ПРОСТОРЕЧЕНСКА.

Потом вспомнили про Капризку. Но все решили, что он погиб навсегда.

И напрасно они так подумали.

Прошло немного времени, и стало известно, что Капризка жив и здоров. Только никто не знает, где он сейчас и с кем теперь дружит.

А он ведь такой! Прибежит и скажет:

— Ха! Тебе скучно? Давай дружить! Знаешь, как весело будет!

А с ничевоками ничего не сделали. Они снова живут в зоопарке с мартышками.

Иногда к ним приходят их бедные мамы.

КНИГА 2

Глава 1

В САМОЛЁТЕ

Из Москвы летел большой пассажирский самолёт. В нём было много детей. Это отличники-первоклассники побывали в Москве на экскурсии. А теперь они возвращались в свой город Простореченск.

Вдруг из громкоговорителя послышалось:

— Внимание! Внимание! Передаём важное сообщение. Пассажиры стали внимательно слушать.

Диктор сообщил:

— Сегодня злонамеренное существо Капризка, натворив неслыханных безобразий, скрылся из Москвы в неизвестном направлении. Все работники транспорта и пассажиры должны воспрепятствовать продвижению Капризки по стране.

Услышав такую новость, пассажиры заволновались и заговорили:

— Какой ужас!

— А поймать его никак не могут!

Наташа крикнула ребятам:

— Капризка тоже был в Москве!

Все ребята очень жалели, что не видели Капризку.

Полный дядя с портфелем сказал:

— Я всегда удивлялся: почему дети дружат с Каприжкой?

— Наверное, он очень умный и красивый,— ответили ему.

И никто не заметил, как из-за спинки сиденья появилась рожица Капризки.

Он был здесь!

В салон вошла стюардесса. Она громко сказала:

— Наш самолёт идёт на посадку. Пожалуйста, пристегните ремни.

Пока она это говорила, Капризка взял да и нарисовал свой знак на спинке Наташиного сиденья. Это был волшебный знак. Вот такой — «У».

Буква «К» вверх ногами.

И Наташа сразу закапризничала.

— А я не хочу застёгивать ремень! Я хочу так! — заявила она и надула губы.

Стюардесса попросила её:

— Девочка, пожалуйста, не капризничай и

застегни ремень. У нас такое правило.

И правда, каждый пристегнул себя ремнём к креслу, чтобы не выпасть из него, если самолёт накренится.

Только Наташа не хотела делать как все. Она замаха-ла руками, задргала ногами и закричала противным го-лосом:

— Не хочу-у-у!

— Чего она раскричалась? — удивлялись вокруг.

— Такая хорошая девочка была!

Тогда стюардесса доложила пилотам, что одна пасса-жирка не пристегнулась к своему креслу. И пилоты отка-зались вести самолёт на посадку.

Глава 2

В АЭРОПОРТУ

А в это время на аэродроме стали волноваться встре-чающие. Их беспокоило, что самолёт не садится.

— Ах, что-нибудь случилось! — сказала одна дама.

— Я сейчас была в диспетчерской,— сказала другая.— Какая-то девочка не хочет пристегнуться к креслу.

— Интересно, чья это девочка? — возмутились все.— Так скверно воспитали ребёнка!

Наконец самолёт приземлился. Дети сразу устремились к выходу. Они толкались. Стюардесса упрашивала их:

— Дети! Дети! Успокойтесь! Выходите по порядку!

Но ребята ничего не хотели слушать. Рассыпались по полу чьи-то апельсины. Мелкие вещи попадали с багажных сеток.

Полный дядя с портфелем потерял свою туфлю. Он влез на кресло и жалобно кричал:

— Дети! Миленькие! Отдайте туфлю! Я босиком не могу...

Стюардесса, пилоты и все взрослые удивлялись:

— Что это с ребятишками творится? Такие хорошие были!

И никто не заметил, что на спинках кресел был нарисован мелом злоеущий знак Капризки — Ж.

Когда пассажиры спустились по трапу, подошли контролёры.

— Граждане! — говорили контролёры.— Посмотрите внимательно, нет ли с вами неизвестной личности, похожей на мальчишку.

Но Капризка, прячась за спинами школьников, прошмыгнул незамеченным. Вместе со всеми он пробрался в аэровокзал и скрылся в толпе.

А контролёры решили на всякий случай осмотреть самолёт.

В салоне на спинках сидений они сразу заметили знаки, нарисованные мелом.

— Смотри! — воскликнул один контролёр. — Это его знак!

— Он прибыл этим самолётом! — испуганно вскричал другой контролёр.

— Эх, прозевали! — чуть не заплакали они вместе. И побежали звонить по телефону в милицию.

— Алло! Алло! Милиция? — кричали они в телефонную трубку. — Сейчас в город прибыл Капризка!

Им что-то такое ответили из милиции. Контролёры обиделись и сказали:

— Нет. Мы не шляпы. Мы — фуражки!

И потрогали свои фуражки за козырьки.

Между тем всех ребят встретили их родители и повезли по домам. А полного дядю с портфелем встретили два больших мальчика и две маленькие девочки-одинашки. Это были его дети. Они повисли у него на плечах. И он смеялся от радости.

А Наташу встретила её мама. Она всё ещё возмущалась:

— Подумать только! Какая-то противная девчонка за-капризничала в самолёте! Кто это, ты не знаешь?

Наташа покраснела и опустила глаза.

— Не знаю, мамочка,— ответила Наташа и попросила купить ей мороженое. Потом они поехали домой.

Капризке не сразу удалось выбраться из аэровокзала. Наконец он незаметно прошмыгнул к маленькому грузовичку с огурцами. Капризка быстро залез на самый верх и спрятался за ящиками. Вскоре грузовичок поехал.

Глава 3

КАПРИЗКА В ГОРОДЕ

Грузовичок вкатился в город Простореченск.

Капризка сидел теперь на самом виду и никого не боялся. Встречным машинам он показывал «нос», а идущим сзади — язык.

На одном перекрёстке грузовичок остановился рядом с цирковым фургоном, оклеенным афишами. Из фургона умными глазами смотрела на Капризку цирковая собака.

— Ха! — воскликнул Капризка. — Я знаю, это Бимбо! И запустил в собаку огурцом.

— Дур-рак! — по-человечески сказала собака.

Бимбо тоже узнал Капризку.

— Ха! Это мы ещё посмотрим, кто дурак! — сказал сам себе Капризка.

И плюнул вслед фургону.

Цирковой фургон и грузовичок разъехались. Но даже издали можно было прочитать самую яркую афишу: «ЧУДО ПЕДАГОГИКИ — ГОВОРЯЩАЯ СОБАКА БИМБО».

Грузовичок остановился возле гастронома. Капризка сейчас же спрыгнул на землю и отбежал в сторону. А потом как ни в чём не бывало пошёл по тротуару.

Возле газетного киоска Капризка остановился. Здесь была очередь за газетами, но никто газет не покупал. Все смотрели на дом по ту сторону улицы. Там, в окне пятого

этажа, виднелся мальчик. Он стоял на подоконнике и делал вид, что не боится упасть.

Из газетного киоска выбежала бабушка Павлика.

— Павлик! Павлик! — бледная от страха, кричала бабушка. — Уйди, сейчас же уйди!

Но голоса её не было слышно из-за уличного шума.

Тогда все, кто стоял в очереди за газетами, стали громко выкрикивать:

— Уйди! Уйди! Уйди!

И все махали руками.

Павлик ничего не слышал. Он, наверное, думал, что все смотрят на него и удивляются, какой он храбрый.

Но вот прибежал милиционер. Он сразу понял, в чём дело, и стал громко свистеть. И ещё жезлом мальчику угрозил.

Тогда Павлик слез с подоконника.

— Да ведь это Павлик! — обрадовался Капризка.

И побежал в дом.

Глава 4

КАПРИЗКА И ПАВЛИК

Павлику здорово досталось от бабушки. Не стоит и рассказывать, как.

— Сейчас же займись делом! — приказала бабушка.

— Не буду ничего делать, — заявил Павлик. — Три танкиста, три весёлых друга!.. — громко запел он старинную солдатскую песню.

Бабушка даже растерялась. Она не знала, как быть с Павликом. Увидев нетронутый завтрак, она крикнула:

— Марш за стол! Ешь!

Но Павлик сказал:

— Я это есть не буду.

— Начинается! — удивилась бабушка. — Почему ты молоко не будешь есть?

— А солдаты что едят? А? — спросил Павлик хитро.

— Это же и едят... — неуверенно сказала бабушка.

— Молоко?! Солдаты? Ну, нет! Ты лучше скажи честно: что едят солдаты? — упорствовал Павлик.

— Кашу гречневую, — сказала бабушка.

— Давай гречневой каши! — потребовал Павлик.

— Нету! — ответила бабушка. — Нету у меня каши.

— Всё равно давай! — капризничал Павлик.

Бабушка окончательно рассердилась.

— Нет моих сил больше! — гневно воскликнула она. — Вот хотела тебя в цирк сводить, но теперь — ни за что!

Она распахнула дверь и вышла.

— Бабушка-а! Я больше не буду! — спохватился Павлик и бросился за ней на лестничную площадку.

И вдруг он услышал, как за спиной щёлкнул замок. Дверь нечаянно захлопнулась.

Павлик изо всех сил принялся дёргать за ручку. Но всё было напрасно. Запертые двери так не открываются.

— Давай! Давай! Дёргай! — произнёс кто-то противным голосишком.

Павлик оглянулся. Перед ним стоял Капризка. Он улыбался во весь рот. Глаза у Капризки радостно блестели. Павлик полез на Капризку с кулаками.

— Тебе смешно! Да? Смешно? — кричал Павлик, замахиваясь и наступая. — Ну, теперь ты попался!

— Ха! Попался, — передразнил Капризка. — Да я сам к тебе пришёл. Помириться. Не веришь?

— Ну, ты не очень... Я теперь ученик! Меня не обманешь! — сурово произнёс Павлик.

Капризка сделал серьёзное лицо и сказал:

— Я был плохим, я знаю, Павлик. Но теперь я совсем хороший.

— Врёшь, — на всякий случай сказал Павлик.

Однако он почему-то поверил Капризке. Но ещё не хотел в этом себе признаться.

— Ха! Не верит! — ухмыльнулся Капризка.

Он снова сделал серьёзное лицо и сказал:

— Я хочу попросить прощения у старого артиста и у Кота в сапогах. И у Бимбо тоже...

— И у Наташи, — напомнил Павлик.

— Ага,— охотно согласился Капризка.— И у милиции... Все хорошие, только я один плохой! — сказал он. И сделал честные глаза.

Не дав Павлику подумать, Капризка сразу спросил:

— У кого прежде попросить прощения? У старика или у котяры? А может, сначала у Бимбо?

Павлик опять не успел подумать, а Капризка уже предложил:

— Пойдём, Павлик, вместе. На улице виднее, куда идти.

Они выбежали на улицу и пошли. Возле большой афиши цирка они остановились, посмотрели на портрет Бимбо. Возле следующей задержались дольше. Они прочитали её вслух четыре раза.

— Я хочу в цирк,— сказал Павлик.

— Правильно! Хочу, не хочу — делаю, что хочу! — весело выкрикнул Капризка.— Пошли!

— От бабушки попадёт,— спохватился Павлик.

— Ха! — воскликнул Капризка.— Ведь мы по делу! Я буду у старого артиста просить прощения. По делу! — повторил Капризка очень убедительно.

— Ладно, — согласился Павлик.— По делу можно. А только у нас билетов нет.

— И не надо! И не надо никаких билетов,— забормотал Капризка.— Я знаю, как пройти в цирк!

И они побежали.

ЦИРК

ПОД КУПОЛОМ ЦИРКА

Возле цирка было много народу. Красовались яркие афиши. Большущими буквами на них было написано:

«ПОЛЁТ РАКЕТЫ ПОД КУПОЛОМ ЦИРКА»

«ЛОШАДИ ТАНЦУЮТ ВАЛЬС»

«ВОЗДУШНЫЕ АКРОБАТЫ ТИМ И ТОМ»

«ФОКУСНИК! ФОКУСНИК! ФОКУСНИК!»

В цирк бегом вбегали зрители, потому что уже был первый звонок.

Капризка привёл Павлика к другому входу. Сюда только что подвезли ракету. Рабочие сгрузили её на землю и ушли: их кто-то позвал.

Капризка забегал вокруг ракеты.

— Вот дверца! — крикнул он. — Давай залезем!

— Зачем залезать? — удивился Павлик.

— Ха! Не понимает! — рассердился Капризка. — Ракету сейчас понесут в цирк. Мы потом из неё тихонечко вылезем и очутимся в цирке! Лезь!

— Ты, Капризка, хитрый, — похвалил Павлик.

— Не, я умный. Знаешь, какой я умный! — расхвастался Капризка.

И только они захлопнули за собой дверцу, рабочие подхватили ракету на плечи и внесли в цирк.

Капризка осторожно выглянул. Было светло и шумно. Всюду сновали работники цирка и артисты. Куда-то провели лошадей. Ракета стояла перед самым занавесом у выхода на арену.

Капризке, конечно, удалось незаметно выскочить. А Павлик не успел. В ракете было темно и душно. Какие-то существа облепили мальчика. Они сидели у него на плечах и на голове. Громко хлопали крыльями и беспощадно долбили клювами.

Павлику было страшно. Он совсем растерялся и не знал, что ему теперь делать.

В это время громко заиграла музыка, и шталмейстер красивым голосом торжественно объявил:

— Полёт ракеты под купол цирка!

Ракету вывезли на середину арены. Раздался выстрел, потом громкое шипение, и ракета полетела вверх. Прямо под купол цирка. Она остановилась там на секунду, дверца отворилась, и тотчас наружу выпорхнуло множество разноцветных попугайчиков. Они летали над ареной и над публикой, как живые цветы.

Попугайчики садились всем на плечи и на руки. В клювах у попугайчиков были бесплатные билеты на завтрашнее представление. Всем это очень понравилось.

И вдруг на весь цирк разнеслось:

— Выньте меня отсюда!

Из дверцы ракеты показалось несчастное лицо Павлика.

— Выньте меня! — слёзно просил Павлик. — Я боюсь! Было видно, что он вот-вот выпадет из ракеты.

На арену цирка выбежали шталмейстер, артисты и музыканты. В публике боялись вымолвить слово. Все замерли, и многие закрыли глаза. Люди понимали: вот-вот может произойти несчастье.

Сержант Иванов крикнул вверх:

— Держись! Не бойся!

Шталмейстер очень вежливо просил Павлика:

— Пожалуйста! Держитесь, не падайте! Очень прошу вас!

Павлик с ужасом смотрел вниз. Там, далеко внизу, казалось, раскачиваются арена и публика.

Хорошо, что рабочие цирка не растерялись. Они быстро подтянули верёвочные лестницы. По этим лестницам спасать Павлика устремились воздушные акробаты Тим и Том.

Увлечённый всем происходящим, Капризка вскочил на бортик арены. Он хлопал в ладоши, радовался суматохе.

Тут-то и увидел Капризку сержант Иванов.

— Стой! — Ни с места! — крикнул сержант. Он кинулся вперёд, чтобы схватить Капризку.

Дети и взрослые закричали:

— Капризка! Капризка! Капризка!

А про Павлика все забыли. Это бывает.

Многие выбежали на арену помочь сержанту. Тогда Капризка помчался по борту арены. Он ловко от всех увёртывался. Выскочил на середину арены и заметался по ней как угорелый. Потом полез по верёвкам наверх. Сержант за ним.

Сержант чуть-чуть не схватил его за шиворот, но Капризка прыгнул в оркестр и угодил в самую большую трубу — геликон. Выскочил оттуда и провалился в барабан.

Музыканты тоже пытались его поймать. В оркестре поднялась страшная кутерьма. Раздался грохот, повалились пюпитры. По всему цирку полетели нотные листы.

Вдруг Капризка показался на самом верху.

— Ха! — крикнул Капризка. — Не поймаете! Не поймаете! Не поймаете!

Он показал всем «нос» и скрылся.

Между тем воздушные акробаты спустили несчастного Павлика на арену. Весь он был исцарапан и с головы до пяток испачкан в белое и чёрное.

Хорошо, что здесь не было бабушки и она не слышала, как над Павликом смеялись.

В тот же час по всему Простореченску было объявлено:

— Граждане! В нашем городе вновь появился Капризка!

Глава 6

ВСЕОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ГРАЖДАН

Не так давно старый артист выступил по телевидению. Он взбудоражил всех простореченцев. И тех, у кого дети росли ничевоками. И тех, у кого дети были как дети.

Старый артист сказал:

— Нельзя ничевоков держать в зоопарке. Потому что они — люди.

Кот в сапогах согласился.

— Да! — сказал он. — Это неблагородно.

И все простореченцы удивились: как им не пришло это в голову раньше?

Но только никто не знал, куда девать ничевоков.

«Значит, опять они будут шляться по городу? Будут опять безобразничать и громко хохотать? И выпрашивать дома деньги на мороженое, пирожное и сладкое пиво? По-прежнему они станут капризничать за обедом и требовать только сладкое? А их бедные мамы будут худеть и стариться у всех на глазах. А папы раньше времени умирать. От стыда. Ведь это бывает... Нет, этого допускать нельзя!»

Так думали простореченцы. И устроили **ВСЕОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ГРАЖДАН**. Чтобы вместе подумать, как быть с ничевоками.

Простореченцы сидели у своих телевизоров. На экранах они видели друг друга. А если нажать красную кнопку, можно говорить самому, и все тебя будут видеть и слышать.

Такие в Простореченске телевизоры.

Первым нажал красную кнопку и появился на экране отец ничевока Вовки. Он смотрел беспокойными глазами и очень волновался. Его сына прозвали Вовка-сало, потому что он был очень толстый.

Это Вовка-сало написал углём на стене пещеры: «Уволоките меня отсюда. Вова тридцать лет».

Вовкин отец дрожащим голосом говорил:

— И что мы только для сына ни делали, чего только ни покупали! Ну, решительно всё, что ни попросит! А он стал ничевоком... Что теперь делать? Что делать? — в отчаянии повторял Вовкин папа.

Потом на экране появились вместе бабушка и дедушка Севки-лохмача. Папу и маму Севка почти не знал: им всегда было некогда. Севка стал ничевоком как-то незаметно. Такой хороший мальчик был! Дедушка и бабушка посмотрели друг на друга, развели руками и сказали:

— Ничего не понимаем! Как это вышло? Посоветуйте нам что-нибудь, пожалуйста...

Тут на экранах всё замелькало и поплыло. Это нажали на красную кнопку те, кто хотел посоветовать.

Потом на экране возникло печальное лицо мамы ничевока Петьки. У него не было папы: он давно умер от стыда за своего сына.

Петькина мама тихо сказала:

— Пожалуйста, не говорите Петеньке, что я жаловалась. А то Петенька узнает и обидится.

Бедная женщина очень боялась обидеть своего сыночка. Она ни в чём ему не отказывала. Не бранила его. И не наказывала. Не сердилась на него. И других просила не сердить. Если можно.

Бедная, бедная, бедная! Она и не заметила, как её Петенька стал ничевоком. И не знала, как сделать его хорошим. Но она так надеялась! И это было ужаснее всего. Потому что никто не знал, как ей помочь. Ведь все советы были такими, что Петенька мог обидеться.

— Сеньоры! — сказал Кот в сапогах. — Давайте отпустим всех ничевоков домой. И посмотрим, что будет. Надо понять, отчего они стали такими. Ведь мы никогда об этом не думали!

Все согласились с Котом в сапогах.

И тогда ничевоков из зоопарка попросили вон! Им всем велели идти по домам. Но удивительно: многие сначала не хотели идти домой. Им больше нравилось жить вместе с мартышками.

В городе ничевоки сразу стали вести себя возмутительно. Они ничего не делали, по-прежнему ничему не учились, а только шлялись по улицам и громко хохотали.

Одевались ничевоки странно: брюки с раструбами, в кружевах, пиджачки кургузые, рубашки размалёванные. На галстуках нарисованы обезьяны и разноцветные лягушки. И везде-везде напиты колокольчики. Идёт ничевок — звенят колокольчики. Ничевок радуется. И волосы носили длинные — сколько вырастут.

Но самое скверное было в том, что ничевоки забыли главное слово простореченцев ПОЖАЛУЙСТА. Они знали только одно слово ДАЙ. Дай есть, дай пить. Дай денег на рубашку с лягушками. Дай кружева и колокольчики к штанам. Дай, дай и дай.

Это было опасно для всех. Потому что неизвестно, что сделает разгневанный ничевок, если услышит в ответ слово НЕТ.

Ведь ничевоку всё ничего.

НИЧЕВОКИ

Как-то раз Наташа сказала Павлику:

— Пойдём, Павлик, покупать тебе новую фуражку!

— Давай! — согласился Павлик.

Он потерял свою ученическую фуражку ещё весной, и бабушка дала ему денег на новую.

Павлик с Наташей пришли в магазин.

Возле прилавка стоял здоровенный детина с бородой. Его мама покупала ему галстук. А бородатый детина капризничал.

— Не хочу коричневый! И чёрный не хочу-у-у! — гудел он басом.

— А какого цвета вы хотите? — спрашивал его продавец.

— Хочу сербурмалиновый.

— Нету, — уверял его продавец. — Нету сербурмалиновых. Не бывает таких!

— Тогда с обезьяной!

Тут за ничевока вступилась его мама. Это была маленькая худенькая женщина.

— Ребёнок хочет! Понимаете? Пожалуйста! — просительно сказала она.

— Пожалуйста... Но не понимаю! — ответил продавец. — Такой большой дядя, а капризничает.

Мама ничевока смутилась.

— Мы берём вот этот, с лягушечками, — сказала она. И отправилась в кассу платить за покупку.

— Это тот ничевок, который нас в бочку посадил! Помнишь? — сказал Павлик. — Его зовут Петька-труба. Он двадцать лет в третьем классе сидел.

— Так не бывает, — ответила Наташа.

— Ещё как бывает! — уверял Павлик.

В это время подошла мама ничевока. Она отдала чек продавцу и взяла галстук.

— Иди, пожалуйста, Петенька, домой, — ласково сказала она сыну. — А то все, на тебя глядя, смеются.

— На пиво дай! — буркнул ничевок.

— Пожалуйста, — тихо проговорила его мама и поспешно открыла сумочку. — Как быстро растут дети, — вздохнула она. — Вот уже и на пиво надо...

— Бедненькая! — вслух пожалела её Наташа.

Мама ничевока ушла, а к нему подошли ещё двое. Они были такие же большие. И тоже в размалёванных рубашках. На их широченных брюках звенели маленькие колокольчики.

— Салюдо! — приветствовал Петеньку один из них. Он был толстый. Его звали Вовка-сало.

— Приве-етик, — сказал другой. Он был очень высокий и лохматый. Его звали Севка-лохмач.

Петенькиных друзей-ничевоков узнала и Наташа. Там, в пещере, они больше всех слушались Капризку.

Петька-труба сначала обрадовался друзьям, потом опечалился.

— Надо домой идти, — невесело пробасил он.

— Не-е! — радостно проблеял Севка-лохмач.

— Не надо домой, — подтвердил Вовка-сало. — Я письмо получил. Тайное! Под подушкой нашёл, — сообщил он громким шёпотом.

Друзья-ничевоки отбежали в сторонку.

Павлик и Наташа очень хотели узнать, что было в тайном письме. Они незаметно подкрались к ничевокам.

Севка-лохмач читал вслух:

— «Все-ем ничевокам посылаю е-ето тайное письмо. Дам конфет и папирос. И ещё даром даю сладкое пиво, мороженое и пирожное. Я живу в Доме рыбака и охотника. Капризка».

При этом имени Павлик даже вздрогнул.

Ничевоки весело рассмеялись.

— А что? — пробасил Петька-труба.

— Ниче-его, — проблеял Севка-лохмач.

— Пошли? — предложил Вовка-сало.

— Пиво даром! — растроганно произнёс Петька. — Айда, ребята! — гаркнул он.

И ничевоки опрометью бросились к выходу из магазина. Павлик и Наташа припустили за ними.

Вскоре ничевоки остановились возле новенькой легковой машины.

— Влезем? — предложил Севка.

— А что? — сказал Вовка.

— Ничего! Ничего не бу-у-дет! — прогудел Петька и распахнул дверцу.

В Простореченске никто не запирал машин.

Павлик подошёл к ничевокам и громко сказал:

— Салюдо!

— Брысь! — сердито ответил Вовка-сало.

— Ничего не брысь! — смело заявил Павлик. — У нас тоже тайное письмо.

— Кыш, вам говорят! — крикнул Вовка.

— Не-ет, стойте, — сказал Севка. — А где ваше тайное письмо?

— Мы закопали его в землю. Потому что оно тайное, — ответил Павлик.

— А вы разве носите его с собой? — удивилась Наташа. — Это неправильно.

— Вам за это попадёт от Капризки, — сказал Павлик.

Ничевоки переглянулись. Они узнали Павлика и Наташу: это были те самые ребяташки, которых они чуть не погубили однажды.

Вовка хитро спросил:

— А вы в каком классе, малявки?

— Ни в каком, — нарочно дерзко ответил Павлик.

А Наташа нарочно топнула ногой и крикнула:

— Ни за что в школу не пойдём!

— Тогда другой разговор, тогда вы наши, — поверили ничевоки.

— Прыгай! — пригласил Вовка в машину.

За руль сел Севка. Он улыбался и похохатывал от удовольствия. И даже как-то поумнел с виду.

Умело включил он скорость, и машина плавно тронулась с места. Павлик очень удивился. Ведь всем известно, что ничевоки ничего не умеют.

Он не знал, что Севка учился водить машину тайком. Севке это очень нравилось, да только ему не давали. Потому что боялись доверить машину. Ничевокам ничего не доверяют. Иначе они беды натворят. Так и вышло. Севка-лохмач только с места тронулся по правилам. Потом в нём заговорил ничевок. Севка мчался, не разбирая дороги. Даже на красный свет. Даже по левой стороне улицы. Ему было всё ничего.

Павлик с Наташей закрыли глаза от страха. Казалось, машина вот-вот полетит вверх тормашками.

За городом машина свернула с шоссе. Теперь они мчались по лесной ухабистой дороге. И вскоре подскочили к каким-то воротам.

Севка ещё не умел останавливать машину по правилам. Он сразу дал задний ход. Удар — и у машины отлетели колёса. Передние покатались вперёд, а задние — назад.

— Прие-ехали,— сказал Севка.

Все вылезли из машины. Перед ними были удивительные, невиданные ворота. Они были сделаны из множества охотничьих ружей.

Это был Дом рыбака и охотника.

Глава 8

В ДОМЕ РЫБАКА И ОХОТНИКА

Сразу же при их появлении раздались радостные вопли и свистки.

— Эй, Вовка!

— Петька-труба приехал!

— Эй, Севка-лохмач!

Это кричали друзья-ничевоки.

Дом рыбака и охотника был похож на рыцарский замок.

Только теперь здесь не было ни рыбаков, ни охотни-

ков. Никто в окрестностях не смел больше убивать зверей и птиц. Никто не ловил рыбу. На всё это был **ВЕЛИКИЙ ЗАПРЕТ**.

А раньше здесь и поблизости беспрестанно гремели выстрелы.

Кисло пахло порохом.

Синий дым стлался по земле.

В огромном камине жарились кабаны и олени, лебеди и гуси.

Потом охотникам пришлось жарить на вертелах ворон и галок.

А потом, из двенадцати ружей сразу, была убита последняя в этих краях перепёлка.

А когда гранатой был убит в луже последний пескарик, простореченцы спохватились.

Печальные ходили по окрестным полям и лесам охотники.

Грустные сидели в лодках рыбаки. С удивлением и страхом смотрели они на дело своих рук.

Кот в сапогах сказал тогда:

— Сеньоры! Вы убили природу! Хорошо, что есть ещё птицы и звери далеко отсюда. Возможно, они когда-нибудь поселятся здесь... Но для этого надо объявить **ВЕЛИКИЙ ЗАПРЕТ**.

Вскоре рыбаки и охотники Простореченска пришли сюда и торжественно провозгласили **ВЕЛИКИЙ ЗАПРЕТ НА УБИЙСТВО ПРИРОДЫ**.

Все охотники сложили в кучу свои ружья, а рыбаки свои остроги и крючья, сети, хлопушки, ловушки и гранаты.

Кот в сапогах сказал тогда:

— Это великий день, сеньоры! Давайте в этот день всегда праздновать **ПРАЗДНИК ВСЕГО ЖИВОГО**.

Простореченцы с радостью встретили эти слова благородного Кота в сапогах. Все простореченцы очень любили праздники. Как, впрочем, и охоту, и рыбную ловлю, и быструю езду. Ну, да кто не знает простореченцев!

Потом сюда приехали художники и рабочие. Они сделали из ружей и багров, сетей и острог красивый длинный

забор, а из самых дорогих двустволок — большие прекрасные ворота.

ПРАЗДНИК ВСЕГО ЖИВОГО должен был состояться на днях. В Дом рыбака и охотника привезли всякие продукты и напитки. А вездесущий Капризка узнал об этом и позвал сюда ничевоков.

Павлик и Наташа с опаской посматривали на ничевоков. Ведь совсем недавно послушные Капризке ничевоки едва не погубили их.

А ничевоки радовались. Одни играли в чехарду, другие — в «куча мала».

А многим очень нравилось гонять по двору пустую консервную банку. Ничевоки могли заниматься этим часами. Некоторые гоняли пустые банки всю жизнь.

Павлик с Наташей ждали, когда появится Капризка. Он появился внезапно, вспрыгнул на ящик из-под печенья и заверещал:

— Ничевоки! Слушайте меня!

Все бросили игру. Сразу раздались весёлые возгласы:

— Капризка!

— Смотрите, какое шимпанзе!

— Вождь! Ха-ха-ха!

— А я его в цирке видел! Ух, его гоняли там!

— А ну, давай пиво! — басом прогудел Петька.

— Давай бублики! — кричали ничевоки.

Когда-то страшный повелитель, Капризка теперь не внушал ничевокам почтения.

В Капризку полетели огрызки яблоч. Кто-то прицелился в него из рогатки. Тогда Капризка рассердился. Он топнул ногой. Круглые глаза его недобро сверкнули.

— А-а! Вы так? — крикнул Капризка.

Он спрыгнул с ящика, исчез и мгновенно появился вновь. Капризка держал в руках телефонный аппарат. В Простореченске телефоны без проводов. Капризка брякнул на ящик телефон и снял трубку.

— Алло! Милиция? — сказал он.

Ничевоки страшно испугались. Ведь Капризка мог сказать, где они сейчас находятся.

Они стали умолять Капризку положить трубку.

— Ха! Так и быть! Не скажу! Я, ребята, хороший! И очень даже замечательный! — весело воскликнул Капризка.

НИЧЕВОКИ ВООРУЖАЮТСЯ

В доме стояли ящики. Лежали груды мешков. Это были всякие продукты, приготовленные к ПРАЗДНИКУ ВСЕГО ЖИВОГО.

— Ломай! Хватай! — крикнул ничевокам Капризка.

И они послушались! Как будто он снова был их вождём! Ничевоки моментально взломали ящики.

— Сладкое пиво! — гудел Петька-труба.

— Пиво! Ура! — кричали ничевоки и пили прямо из бутылок.

Вовка-сало высыпал на землю целый ящик конфет и звал всех угощаться.

А сам обвешался кругами копчёной колбасы.

Севка-лохмач вспорол мешок и стал бросать в друзей бублики.

Капризка вертелся среди ничевоков и прыгал от радости.

Бурное веселье царило в Доме рыбака и охотника. Катились по полу яблоки и орехи. Под ногами ничевоков хрустели печенье и сладкие сухарики. В воздухе кружились разноцветные бумажки от конфет. Весёлый рёв и хохот долго не смолкал под сводами Дома рыбака и охотника.

Павлик громко крикнул:

— Капризка! Ты обманываешь людей! Ты раздаёшь чужие продукты! Вот теперь ты попался!

Ничевоки прекратили веселье.

— Ха! Откуда вы взялись? — изумился Капризка. И сразу стал дразнить: — Жених и невеста! Тили-тили тесто!

— Дяденьки! — крикнула Наташа ничевокам. — Не слушайте Капризку! Он плохой!

— А-а! — заверещал Капризка. — Я плохой! А ты хорошая? Да? Хорошая?! А кто своей маме суп бурдэ сварил? Тьфу, какой суп!

— Всё равно тебе попадёт! — крикнул Павлик. — Это не твои продукты!

— Ха! Не мои, значит? Да? Не мои? — с угрозой произнёс Капризка. — А ну, ребята! — крикнул он ничевокам. — Надавайте им!

— Они сказали, что ты им написал тайное письмо, — нерешительно прогудел Петька.

— И будто они тоже наши, — добавил Вовка.

— Нет! Нет! — заговорили другие ничевоки. — Они не наши!

— Это те самые, которых мы тогда в бочку посадили!

— Их Кот в сапогах спас! И Бимбо!

— Не-ет, — сказал Севка, — их лётчики спасли!

Ничевоки заспорили, вспоминая недавние события. Никто из них и не думал нападать на детей. Всё-таки ничевоки тогда натерпелись много страху. И, вероятно, от этого поумнели.

Никто не послушался Капризку. Не слушаются тех, кто когда-то опозорился. Так бывает всегда.

Капризка притих. Он понимал, что власть над ничевоками снова уходит от него, но не хотел сдаваться.

Он вскочил на ящики и заверещал:

— Ребята! Вы хотите учиться?

Ничевоки молчали.

— Вы хотите опять учиться в школе? До старости? До самой смерти?

— Нет! — решительно заявил Севка-лохмач.

— Нет! — рявкнул Петька-труба.

— Нет! Нет! Не хотим! — кричали ничевоки.

— А какое тебе дело, шимпанзе? — спросил самый умный из них. Неизвестно кто.

— Ха! — сказал Капризка. — А в городе для вас, дураков, школу новую придумали! Полную твёрдую!

— Какую? — ахнули ничевоки.

И побледнели.

— Тв-вёрдую-пре-тв-вёрдую! Вот какую!

Ничевоки не знали, что и думать.

А Капризка продолжал их пугать:

— В этой школе парты будут железные, чтоб вы их не ломали. У каждого ничевока отдельный учитель и воспитатель. Чтоб учили и воспитывали до обморока. И каждому отдельный провожатый. Чтобы в школу и домой провожал. А к парте ремнём пристёгивать будут, как в самолёте... И новую таблицу умножения придумали от четырёх до четырёх до тысячью тысячь! А кто не выучит, тому...

— Ой! Ой! — стонали насмерть перепуганные ничевоки.

Капризке очень хотелось, чтобы ничевоки ему поверили. Чтобы снова ими командовать.

Когда ничевоки опомнились от ужаса, они закричали:

— Спасаться!

— Защищаться!

— Воевать!

Но, видно, они опомнились не совсем. Потому что собирались защищаться неизвестно от кого. От родителей? Воевать с папами и мамами? От страха люди могут совсем обезуметь. Это с некоторыми бывает.

— Ничевоки! К оружию! — заверещал Капризка. — Хватайте!

И он показал на забор и ворота, сделанные из ружей.

Ничевоки стали выламывать ружья из забора.

К сожалению, Павлик и Наташа ничего не успели возразить Капризке. А когда ничевоки ринулись вооружаться, дети поняли: надо сейчас же сообщить обо всём взрослым.

Не медля ни минуты, они побежали в город. И прибежали прямо в милицию, где в этот день дежурил сержант Иванов.

Глава 10

НОВЫЙ ЗАКОН О НИЧЕВОКАХ

Между тем в городе нарастало волнение. Родители ничевоков очень беспокоились, потому что ничевоки куда-то исчезли.

Сержант Иванов сказал по радио:

— Граждане родители! Успокойтесь и не беспокойтесь! Ничевоки вне опасности. Они скоро придут домой.

Но сержант, когда это говорил, вовсе не был спокоен. Он очень беспокоился. Только милиционеры и военные, да ещё пожарные не беспокоятся шумно. Они это делают незаметно, молча.

Сержант Иванов предупредил все милицейские посты. Посты усилили наблюдение.

Потом он позвонил всем пожарным дружинам. Они приготовились к действию.

Доложил в штаб гарнизона. Там немедленно объявили боевую готовность.

В это время сержанту позвонили Кот в сапогах и старый артист. Они предложили сержанту свою помощь.

Сержант очень попросил Кота в сапогах и старого артиста не действовать самостоятельно. Кот в сапогах обещал.

Где сейчас находятся ничевоки, сержант никому не сказал. Пока это должно оставаться тайной. А то родители ничевоков сразу ринутся туда. И что из этого выйдет — никто не знает. Может быть, отчаявшиеся ничевоки бросятся в реку вниз головой. Ведь они так не хотят учиться! Никто не знает, что могут натворить отчаявшиеся люди.

Когда все срочные приготовления были сделаны, сержант Иванов позвонил в студию телевидения. Там сейчас же объявили **ВСЕОБЩЕЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ТАЙНОЕ СОБРАНИЕ ГРАЖДАН**. Это означало, что ни один телевизор не должен оставаться без присмотра. Чтобы Капризка не смог узнать, о чём будут говорить простореченцы.

Первым нажал красную кнопку и появился на экранах Кот в сапогах. Он был в плаще, в шляпе с пером и со шпагой на боку.

Сержант Иванов заподозрил было, что Кот в сапогах решил действовать самостоятельно. Несмотря на своё твёрдое обещание. Но благородный Кот в сапогах этого делать не собирался.

Он сказал:

— Сеньоры! Мне понравились ничевоки! Это настоящие люди. Да, сеньоры, да! Они не хотели учиться, а вы заставляли их. Заставляли насильно, как в самые древние времена. Теперь Капризка налгал им, будто их прикуют к железным партам. И они решили защищать свою свободу. Это похвально, сеньоры! Как жаль, что ничевоками

руководит презренное существо Капризка. Но в этом виноваты мы. Презренный Капризка опередил нас!

Все, затаив дыхание, слушали Кота в сапогах. Выходило, что простореченцы и правда во всём виноваты сами.

Старый артист сказал:

— Ничевокам давали много сладкой еды, лишь бы они не капризничали. Ещё в детстве они привыкли к сладостям. Но если теперь давать им только сладкое, оно им надоест и перестанет быть желанным. Понадобится простая еда. Ведь без неё нельзя жить! Вот тогда-то и станут они как все люди. И, наверное, будут работать.

Всё это было так просто и понятно. Но почему-то раньше об этом никто не подумал. Так бывает.

Простореченцы ещё долго спорили и под конец Всеобщее чрезвычайное тайное собрание граждан приняло **НОВЫЙ ЗАКОН О НИЧЕВОКАХ**.

Но только его зачитали, как вдруг, ко всеобщему удивлению и негодованию, на экранах появился... Капризка! Он показал всем язык и крикнул:

— Не поймаете!

Но тут же вспомнил, что никто за ним сейчас и не гонится. Тогда он стал кривляться и кричать:

— Ха! Неправильно! Не имеете права!

Он показал «нос», но тут всё выключилось. Простореченские телевизоры не показывают безобразий. Автоматически.

Каким образом и где Капризка пробрался к телевизору, навсегда осталось неизвестным.

Глава II

РАДОСТНАЯ ВЕСТЬ

Сообщить ничевокам о новом законе сержант Иванов попросил Кота в сапогах. Потому что ничевоки могли не поверить своим родителям.

Через минуту можно было видеть Кота в сапогах на дороге в Дом рыбака и охотника. С огромной скоро-

стью он мчался на мотоцикле, чтобы поскорей сообщить радостную весть ничевокам.

Но ворота Дома рыбака и охотника оказались закрытыми. А за ними выставлена охрана.

Кот в сапогах улыбнулся в усы. И покачал головой: хорошо, если до этого додумались сами ничевоки, а не презренный Капризка.

Он ещё немного помедлил — полюбовался прекрасной работой художников. Удивительные ворота и забор получились из охотничьих ружей! Впрочем, в заборе уже зияли дыры.

Краешком глаза Кот в сапогах поглядывал на часовых. Очевидно, его появление здесь вызвало большое беспокойство. Сейчас же к часовым пришло подкрепление. Кот в сапогах одобрил и это. «Они не так глупы, как принято думать», — сказал он сам себе.

Между тем к воротам бегом бежали Капризка и ничевоки. Капризка ещё издали увидел Кота в сапогах. Он принялся верещать и плевать:

— Котяра! Убирайся отсюда! А то мои верные ничевоки зажарят тебя! На твоей шпаге! Как на вертеле!

Ничевоки громко захохотали. И Кот в сапогах с грустью подумал о том, как дурно успел на них повлиять Капризка. Ничевоки стояли по ту сторону ворот и дерзко смотрели на Кота в сапогах. Некоторые показывали на него пальцами и посмеивались. Другие угрожающе направили на него ружья. Кот в сапогах не мог не улыбнуться при виде этих старинных заржавленных ружей. Вряд ли хоть одно из них могло выстрелить. Даже горохом. Ничевоки ничего не понимали в оружии. А Капризка для этого был слишком легкомысленным и бездумным существом.

Кот в сапогах достал из-за обшлага своего камзола белый платок. Вынул из ножен шпагу. Привязав на шпагу платок, Кот в сапогах взмахнул им и сурово провозгласил:

— Я — парламентёр города Простореченска! Немедленно пропустите меня за ворота и соберите всех ничевоков. Я буду вести переговоры!

Это подействовало. Ничевоки всё-таки кое-что слышали о белом флаге. И о неприкосновенности парламентарёв.

А Капризка не хотел ссориться с ничевоками. Это было опасно. Ворота тотчас открылись, и Кот в сапогах с белым флагом на шпаге прошествовал через весь двор. К самому Дому рыбака и охотника.

Здесь уже собрались все ничевоки.

Кот в сапогах вложил шпагу в ножны, а платок аккуратно свернул и положил в карман. Потом он достал из-за пазухи свиток бумаги. Развернув, он показал его ничевокам. Там было что-то написано большими золотыми буквами.

Оглядев притихших ничевоков, Кот в сапогах громко прочитал:

— «**НОВЫЙ ЗАКОН О НИЧЕВОКАХ**».

Ничевоки задрожали от страха. Они думали, что там, в законе, сказано про них что-нибудь страшное, например: «Всех ничевоков пристегнуть ремнями к учебникам. И отправить в школу учить таблицу умножения. Или на урок пения, хором петь «В лесу родилась ёлочка...»

Капризка даже запрыгал и заверещал:

— Ага! Я вам говорил! Вот сейчас вам будет! Ничевоки! Слушайте меня! Тогда вам ничего не будет! Прогоните отсюда котяру!

Но Кот в сапогах даже усом не повёл. Он читал дальше. Вот что он громко прочитал ничевокам:

— «Отныне в городе Простореченске всем ничевокам можно ничего не делать.

Всем ничевокам можно ничему не учиться.

Всем ничевокам даром не давать:

мясо, рыбу, картошку, лук, чеснок, чёрный хлеб, кислый квас, кашу, простоквашу и другую простую хорошую еду. Хотят, не хотят — пусть, как хотят!

Всем ничевокам даром давать:

сладкое пиво, варенье, печенье, шоколад, лимонад, крем, джем, сладкие пирожки, мороженое, пирожное, сладкие плюшки, ватрушки, галеты, конфеты, блинчики, пончики, булочки сладкие с маком и так».

— Ура! — закричали ничевоки. И кинулись обниматься и целоваться. Так они обрадовались. Они так обрадовались, что со многих тут же сошла дурь. Это бывает.

В Доме рыбака и охотника поднялось что-то невообразимое. Ничевоки скакали, прыгали и орали. Один ничевок запел было «В лесу родилась ёлочка», но забыл слова.

Капризка дождался, когда ничевоки чуть-чуть утихли, и стал кричать:

— Неправильно! Неправильно! Обман! Никакого такого закона нет! Я знаю! Вас хотят заманить в город! Я знаю! Я всё знаю!

Ничевоки опешили. Они окаменели. Старшие ничевоки заплакали. Им ведь больше всех надоело ходить в школу. И они больше всех привыкли капризничать и есть только сладкое.

А Кот в сапогах улыбнулся в усы и сказал:

— Даю вам честное благородное слово, сеньоры, что всё сказанное здесь — правда. Вы свободны!

И Кот в сапогах взмахнул над головой свитком с **НОВЫМ ЗАКОНОМ**.

Ничевоки повалились и стали кататься по земле от радости. Потом все вскочили на ноги, запрыгали и заорали.

— Ура! — снова кричали они. — Да здравствует Кот в сапогах! Ура! Ура! Ура! — неистово орали ничевоки. Люди охотнее верят радостным вестям, чем печальным. Так бывает всегда.

Впрочем, даже ничевоки знали, как благороден Кот в сапогах. Он не стал бы обманывать бедных ничевоков.

— В город! В город! Домой, к мартышкам! — закричали ничевоки. И ринулись было к воротам. Но Кот в сапогах повелительным жестом остановил их.

— Сеньоры! Вам нельзя к мартышкам! Вы люди! Ступайте все по домам. Вас больше не будут держать в зоопарке!

Ничевоки повалили на дорогу, ведущую в Простореченск. Теперь они знали: дома их ждёт сладкая жизнь!

На полпути от города ничевоков подобрали автобусы. На автобусах большими золотыми буквами было написано: «**ДЛЯ НИЧЕВОКОВ**», «**ПРОЕЗД БЕСПЛАТНЫЙ**», «**ДОВОРО ПОЖАЛОВАТЬ В ПРОСТОРЕЧЕНСК!**».

Севка радостно засмеялся:

— Ре-бята! Без биле-етов!

— Ого-го! — загоготали счастливые ничевоки. Давя друг друга, они полезли в автобусы.

А Капризка куда-то исчез.

Глава 12

СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ НИЧЕВОКОВ

Севка уселся рядом с шофёром. Ему хоть бы посмотреть, как машину водят!

Потрясённые ничевоки вели себя смирно. Автобусы прибыли в Простореченск в четыре часа. Никто из родителей не кинулся встречать своих детей. Так было условлено на Всеобщем собрании. Даже Петенькина мама сдержала себя. И стояла на тротуаре просто так.

В этот час простореченцы возвращались с работы домой. На улицах было много народу. Все останавливались и смотрели, как выходят из автобусов ничевоки. У тех были счастливые и растерянные лица. Простореченцы шутили и смеялись. У всех было хорошее настроение. Видеть лица счастливых людей — самое большое удовольствие. Так было во все времена.

Правда, многие простореченцы покачивали головами. Они не очень-то радовались. Они думали, во что обойдётся городу сладкая жизнь ничевоков. По их подсчётам выходило, что очень дорого обойдётся.

В пути здоровенные ничевоки проголодались. Вовка-сало первым подошёл к лоточнице. У неё на лотке лежали сладкие пирожки и пирожки с картошкой. Вовка протянул руку к сладким пирожкам.

— Берите! Берите! Это ничего, если вы ничевок! — насмешливо сказала лоточница.

Все ничевоки разбежались по кондитерским и буфетам Простореченска. Они всюду уплетали пирожные и мороженое, пончики, булочки с маком и так. Пили сладкое пиво.

И везде им насмешливо говорили:

— Берите! Берите! Если вы ничевоки, это ничего.
А когда Петька-труба захотел пирожков с картошкой,
ему сказали:

— Бесплатно нельзя! Таков **НОВЫЙ ЗАКОН**.

— А если у меня денег нет? — ответил Петька.

— Надо заработать, — ответили ему.

— Не-ет, — сказал Севка, — мы работать не умеем.

Все посмеивались над ничевоками:

— Такие большие, такие лохматые, все в колокольчи-
ках, а работать не умеют!

Три дня ничевоки шлялись по городу. Они ничего не делали, только лакомились сладостями. И старались не обращать внимания на насмешки.

Потом природа взяла своё. Здоровые парни захотели настоящей еды.

Петька-труба гудел:

— Есть хочу-у!

— Хле-еба! — орал Севка.

Одно было хорошо: никто не гнал их в школу. И домой никто не звал. Ничевоки осмелели и побежали к мамам поесть простой еды.

К этому времени по поручению Всеобщего родительского собрания старый артист и Кот в сапогах побывали у родителей ничевоков. Они убеждали пап и мам набраться мужества. И найти в себе силы не давать детям денег и простой еды. Петенькину маму убеждали дольше всех. У неё не было мужества.

Когда ничевоки прибежали домой, папы и мамы обрадовались. Так бывает всегда.

Ничевоки уселись за стол и потребовали гречневой каши, и луку, и мяса, и чёрного хлеба. Но им сказали **НЕТ**.

Ничевоки очень удивились. Рассердились. Обиделись. Надулись. Но... Папы стиснули зубы. Мамы закрыли глаза платочками и всё-таки сказали **НЕТ**.

Только Петенькина мама нечаянно нашла чёрную корочку. И нечаянно уронила её на пол. Петька схватил корку и сгрыз её в мгновение ока. Как голодный пёс. Его мама упала в обморок.

Ничевоки один за другим выбегали из дому на улицу. Они были голодны и очень сердиты. Им негде было взять простой еды. А без спросу в Простореченске никто ничего не брал. Даже ничевоки. Потому что это считалось воровством.

— Бедные вы, бедные! — сказала лоточница Петьке, Севке и Вовке.

Они стояли возле её лотка и пожирали глазами пирожки с капустой и картошкой.

— Такие большие, красивые, — вслух пожалела она ничевоков.

У ничевоков был несчастный вид. Они хотели уйти. Но лоточница сказала:

— Отнесите, пожалуйста, лоток вон туда. Он тяжёлый.

Севка подхватил лоток одной рукой и понёс. Это ему было ничего. А Вовка взял на руки лоточницу. Петьке нечего было нести. Тогда он одной рукой поднял Вовку вместе с лоточницей, а другой подхватил Севку вместе с лотком. И понёс. Это ему было ничего. Потому что он был очень сильный.

Лоточница заливалась смехом. Прохожие, глядя на них, улыбались. И, наверно, думали: «Экие здоровущие! Вот бы научить их работать!»

Когда все были на месте, лоточница дала ребятам пирожков с капустой и с картошкой.

— Вы заработали, — сказала она.

— Во! — очень довольный, сказал Петенька.

— А что? — сказал Вова.

— Ничего! — сказал Сева.

А на самом деле ничевоки растерялись даже. Ведь первый раз в жизни они заработали! Друзья с удивлением поглядывали то на пирожки, то друг на друга.

В это время в большой столовой разговаривали главный повар и один ничевок.

— Не хочу сладкого киселя! — кричал ничевок. — Не хочу! Дайте мне жареной картошки и чёрного хлеба! И луку! Вот чего я хочу!

— Значит, опять «хочу, не хочу»? — передразнил

его повар.— А мало ли чего ты хочешь! Небось у мамы только сладкое просил?

— А теперь не хочу сладкого! — уверял ничевок.

— За простую еду надо платить, — возразил повар.—
Таков **НОВЫЙ ЗАКОН**.

— А если у меня денег нет? Тогда как? — спрашивал ничевок.

— Заработай! — кратко отвечал главный повар.

— А если я не умею? Если меня не учили? Тогда как? — не отступал ничевок.

Все, кто был в столовой, слушали этот разговор.

— Я молотком стучать люблю, а мне не дают! Говорят: не умеешь,— жаловался ничевок.

— Молотком стучать без толку каждый дурак может,— заметил плечистый человек.— А вот если с толком, так это уметь надо.

— Правильно,— согласились с ним все вокруг.— Это уметь надо!

Плечистый человек сказал ничевоку:

— Пойдём ко мне в мастерскую. Я научу тебя стучать молотком с толком. И картошки, слышь, сварим!

Ничевок обрадовался. И они пошли вместе.

Глава 13

САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Ещё несколько дней ходили ничевоки по улицам. Они были невесёлые. Потом Вовка, которому больше всех наедали сладости, сказал:

— Ребята! Я придумал! Надо опять заработать.

Они подошли к лоточнице. Та продавала бутерброды. Ребята спросили, куда её отнести вместе с лотком.

Лоточница сначала испугалась. А потом стала смеяться:

— Глупые вы, глупые! Не надо меня перетаскивать. Идите в наш магазин. Там много чего перетаскивать надо.

Вова, Сева и Петя отправились в гастроном. И сказали главному продавцу:

— Мы пришли заработать.

Главный продавец очень обрадовался. В магазине было много тяжёлой работы. Продавец показал ничевокам, куда надо носить полные мешки. Куда складывать пустые ящики. И куда катить бочки с маслом.

Сбежались простореченцы. Они заглядывали во двор гастронома по очереди. Всем хотелось посмотреть, как работают ничевоки. Потом сюда пришли их приятели, тоже ничевоки. Они увидели, как работают Вова, Сева и Петя.

— Эй, Сало! За что вас наказывают? Кто вас заставил?

— Не-е! Не заставили! Мы сами!

Удивлению ничевоков не было предела. Они стали хохотать и дразниться.

— Эй, Сало! Каши ел мало! Не поднимешь!— кричали они.

— Эй, Труба! Несёшь не туда!

А в это время ничевок, который клянчил в столовой картошку, тоже работал. Плечистый человек был мастером. Он чинил велосипеды и утюги. И мог починить даже настоящий мотоцикл. В его мастерской было много сломанных утюгов и одна моторная детская коляска.

Мастер дал ничевоку помятое колесо, похожее на цифру «8», и показал, как его выправить, чтобы оно стало похоже на букву «О». Они вместе долго трудились. Ничевок с непривычки так устал, что пришлось мастеру нести его ужинать на руках.

Вот наелся ничевок картошки с луком!

Пришлось мастеру везти его домой на тележке.

В гастрономе Пете, Вове и Севе дали за работу денег.

Они хотели бежать в большую столовую объедаться чёрным хлебом, луком и варёным мясом.

Но тут поблизости оказался Кот в сапогах.

Кот в сапогах сказал ничевокам:

— Сеньоры! Похоже, что у вас нет родителей и вы привыкли ужинать в одиночестве. Мне жаль вас, сеньоры.

— Не-ет,— возразил Сева.— У меня есть бабушка с дедушкой.

— У меня мама есть!— сказал Петя.

— А! Понимаю, сеньоры, почему вы так торопитесь. Вы хотите поделиться с ними. Это похвально!— сказал Кот в сапогах. И лукаво улыбнулся в усы.

Сева, Вова и Петя переглянулись. Им стало немного стыдно. И они побежали домой, чтобы дать денег мамам.

Никто не видел, как это было. Но только мама Пети сразу стала выше ростом. И даже здоровее с виду.

Только у Севы сначала получилось нехорошо. То дедушка падал от удивления на пол. То бабушка садилась. Потом он их обоих поставил на ноги и снова научил ходить.

А папа Вовы сразу принялся стучать стулом во все стены, звать соседей посмотреть, какой у него хороший сын. И все соседи радовались вместе с ним.

Это был самый счастливый день в жизни друзей. Хотя они о том и не догадывались. Это бывает.

Глава 14

КАПРИЗКА И НИЧЕВОКИ

Удивительные события происходили теперь в Простореченске. Ничевоки стали сами читать книжки с картинками. Одного ничевока видели даже с газетой в руках. Наверное, потому, что их никто не заставлял.

Между тем беспокойное существо Капризка был полон решимости натворить в городе всяческих весёлых безобразий.

Он сразу направился в САД НИЧЕВОКОВ. Так одно

время назывался зоопарк, пока там вместе с мартышками жили ничевоки.

Здесь шлялись по аллеям несколько ничевоков. Они ещё кое-как питались сладостями, но уже были слабыми и бледными.

Один ничевок разговаривал с мартышками.

— Эй, ребята! Салюдо! — приветствовал ничевоков Капризка.

— Ха! Шимпанзе... — сказал очень бледный ничевок.

Он без сил лежал на садовой скамейке.

Другие ничевоки просто отвернулись от Капризки. Им было тошно.

— Я не шимпанзе! — рассердился Капризка. — Вон ваши шимпанзе! — показал он на клетку с обезьянами.

— Врёшь, — сказал ничевок, который разговаривал с обезьянами. — Это другая порода. Это мартышки.

Ничевок очень любил животных. И даже умел говорить с обезьянами. Но об этом никто не знал. Всё равно все считали его глупым ничевоком. Потому что он ничего не знал из математики. И не хотел петь песенку «В лесу родилась ёлочка».

Подошли другие ничевоки. Они стали смеяться над Капризкой.

— А! Это ты, шимпанзе!

— Грозный повелитель!

— А ведь мы его боялись! — удивлённо воскликнул один ничевок.

— А где твоя белая шапочка? — сказал другой.

— А где «страшная» игла? А где твой красный крест на пузе? — смеялись ничевоки.

Но смеялись они невесело. Потому что были голодны, и дурь с них сошла. Это бывает. А что делать им теперь, они ещё не знали.

— А я знаю, как добыть простой еды! — заявил Капризка.

— Ка-ак? — разом вскрикнули ничевоки.

Они опять были готовы поверить Капризке. Ведь он бублики дал... Надежда на будущее заслоняет собой прошлое. Это бывает.

— Врёт он всё! — воскликнул бледный ничевок со скамейки. — Не слушайте его.

Ничевок медленно умирал. Так ослабел он от сладкой еды, которой только и питался последнее время.

Но ничевоки уже столпились вокруг Капризки. Они с надеждой восклицали:

— А где добыть?

— Кто даст?

— Говори! Говори! — умоляли они Капризку.

Капризке очень хотелось вернуть власть над ничевоками. Он прижал кулачки к груди и тёплым голосом сказал:

— Ребята! Я хороший! Вот увидите, какой я хороший! Идите прямо на пристань. Там я покажу вам, что надо делать.

И убежал.

Глава 15

ВСТРЕЧА ДРУЗЕЙ

Ничевоки повеселели. Гурьбой повалили они в речной порт. Здесь было множество грузовых пароходов и огромных барж.

У причалов стояли могучие подъёмные краны. Они нагружали и разгружали баржи и пароходы. Товарные поезда ждали своей очереди.

Весело было тут. И стук, и звяк, и гром. Где-то сгружали железо. Куда-то везли кирпич. Погромыхивали стальные цепи. Покрикивали буксиры: «Торо-опись!» Позванивали автокары: «Сторонись!»

А выше по течению синюю реку белым поясом перехватывала плотина. Там была знаменитая Простореченская электростанция. А за плотиной раскинулось Великое Рукотворное Море. Оно и правда было очень большим. И совсем ещё новеньким.

Ничевоки робким стадом подошли к подъёмному крану. Они ещё издали увидели Петьку. С удивлением и зави-

стью смотрели ничевоки на своего приятеля. Главный рабочий учил Петьку работать у подъёмного крана!

Петя покрикивал: «Вира! Вира!» И подъёмный кран поднимал груз. Петя кричал: «Майна!» И кран послушно опускал груз куда надо.

На автокаре вместе с водителем проехал Сева. Он неистово сигналил, а водитель смеялся от удовольствия. Сева вёл автокар правильно.

Оказывается, из магазина ребят позвали работать в порт. Здесь рабочие были ещё нужнее.

Жаль, что ничевоки не видели Вову. Он работал на катере матросом!

Сева и Петя увидели своих друзей-ничевоков и подбежали к ним.

— Ну, как? — спросили они.

— Ничего! — нарочно бодро ответили ничевоки.

— Да знаем, как «ничего», — сказали Петя и Сева. — Айда, ребята, за нами!

Они отвели ничевоков в столовую и купили им всякой простой еды. Вот поели ничевоки! После этого им захотелось спать.

Ничевоки легли рядышком на тюки с хлопком. И никто им не мешал. И никто над ними не смеялся. Потому что рабочим было интересно посмотреть, что будет дальше.

А было вот что. Ничевоки проснулись, и захотелось им поразмяться. Силы от простой еды хоть отбавляй! А девать её некуда.

Вот тут-то и подбежал к ним Капризка. Капризка за-верещал:

— Эй, ребята! Делайте, что я скажу! Эй! Тюня! Тащи ящики, бросай их в воду! Ничего! Бросай, бросай! Я знаю! Ух, как они поплывут! Как гуси!

Ничевоки забыли, кто перед ними. «А что? Ничего! Капризка хороший. Ведь это он послал нас сюда», — так подумали ничевоки. И стали делать то, что приказывал Капризка. И началась работа!

Полетели ящики в воду и поплыли. Покатились бочки под колёса вагонов.

— Эй! Эй! Что вы делаете? — закричал в мегафон Главный рабочий. — Пре-кра-тить!

Но ничевоки ничего не хотели прекращать. Им очень понравилось «работать».

Наконец прибежали другие рабочие. И Сева с Петей прибежали. И Вова-морячок прибежал со своего катера.

Пришлось задать ничевокам взбучку. Зато теперь ничевоки стали работать правильно.

Капризка, конечно, убежал. А то бы ему от рабочих досталось!

Опять Капризкина затея не удалась. А задумал он хитро. Капризка хотел, чтобы ничевоки устроили в порту кавардак. И чтобы рабочие за это их прогнали. Вот тогда бы некуда было ничевокам деваться! Вот тогда бы стали они слушаться только Капризку.

А он бы их ночью, тайком, отвёл в подвал гастронома. В тот самый, где тощие крысы чуть не съели Кота в сапогах. Вот бы там ничевоки натворили безобразий!

А потом бы... Но Капризка никогда не думал, что будет после, потом. Ему лишь бы весело было сейчас. Лишь бы творился какой-нибудь кавардак.

Вне себя от досады Капризка спрятался на крыше Наташиного дома. На той самой, где он застрял когда-то, а Кот в сапогах ему помог.

Наступила ночь.

Глава 16

КАПРИЗКА ДЕЙСТВУЕТ

Павлику хотелось убежать на улицу. Но бабушка его не пускала. Она боялась, что он снова что-нибудь натворит.

Бабушка ушла, а Павлик остался. Он лежал на кровати и думал: «Скоро в школу! Скоро в школу! Скоро в школу!» Ни о чём другом он не мог думать. Это бывает.

И вдруг по радио сказали:

— Внимание! Внимание! Граждане простореченцы! Передаём экстренное сообщение. Злонамеренное существо Капризка опять учит детей капризничать.

Павлик так и подскочил. В это время дверь распахнулась и в комнату вбежала Наташа.

— Павлик! Павлик! Ты слышал?

Через минуту Павлик и Наташа уже были на улице. Здесь творилось что-то невообразимое.

Бежали и кричали дети. Они капризничали и плакали. Но сразу видно было, что это доставляет им удовольствие.

Взрослые бегали вокруг детей. Они упрашивали их не капризничать. Умоляли не плакать. Обещали им всё на свете. И никто не догадывался, что слёзы эти не настоящие. Они беспечальные.

Визг и плач неслись из всех окон. Со всех балконов, из всех дверей. Остановились трамвай, троллейбусы и все

легковые машины. Потому что водители зажали уши руками.

Навстречу Павлику с Наташей бежали малыши. У них на плечах были парикмахерские салфетки. Малыши кричали:

— Не хочу короткие волосы! Не хочу длинные!

И просто кричали «Не хочуу-у! Ничего не хочу-у!»

И ревели, смеялись и ревели. Прямо разливались беспечальными слезами. Это означало одно: их подговорил Капризка.

На углу Павлик с Наташей увидели девочек. Они играли в «классы» и отчаянно ссорились. Одна стояла в сторонке. Она отвернулась от подруг и плакала.

На асфальте был нарисован мелом ужасный Капризкин знак: буква «К» вверх ногами — Ж .

— Капризка был тут! — вскричал Павлик.

Он стёр знак, и девочки сразу перестали ссориться. Они глупо уставились друг на друга. Не могли вспомнить, из-за чего началась ссора.

Толпа орущих детей выбежала из дверей поликлиники. Она неслась по тротуару, сбивая прохожих. Дети удирали от доктора!

— Не хочу!

— Не надо!

— Не буду!

— Ай-ай! Ай-я-яй! Не хочу лекарства! — вопили они на бегу. И ревели, смеялись и ревели. Хотя им нисколько не было больно. Эти слёзы были ненастоящие.

За ними бежал совсем молодой доктор. Он растерянно кричал детям:

— Погодите! Ребята! Я добрый!

И вдруг Павлик с Наташей увидели Капризку. Он сидел на крыше троллейбуса.

— Вон Капризка! Вон! — закричали все.

— Где? Где? — восклицали одни.

— Достать его! Схватить! — кричали другие.

Вся улица оказалась запруженной людьми. Они показывали друг другу на Капризку и волновались. На крышу троллейбуса полез было водитель.

Но Капризка залез на провод. На глазах изумлённой толпы он помчался по проводам и скрылся вдали.

В это время из уличных громкоговорителей послышалось:

— Внимание! Внимание! Передаём новое экстренное сообщение. Злонамеренный Капризка всюду ставит свой недобрый знак, и все дети рядом и поблизости начинают капризничать. Граждане простореченцы! Всюду и везде уничтожайте Капризкины знаки. Уничтожайте Капризкины знаки!

Простореченцы встревожились ещё больше. И никто не заметил, что в городе отчего-то стало сыро. Люди прыгали через лужи, а между тем дождика не было. Но вот вдоль тротуаров потекли ручьи. И простореченцы посмотрели друг на друга.

Оказалось, что все они плачут!

Дети плакали потому, что их подучил Капризка. Мамы и бабушки — оттого, что не могут унять детей. Папы и дедушки плакали неизвестно отчего. Просто глядя на всех. Это бывает. Ведь если рядом смеются, всякий улыбается или смеётся тоже. Если даже неизветно, отчего смеются во-

круг. А если все плачут — любому захочется плакать.

И город Простореченск плакал. Дети — не настоящими слезами, солёной водицей. Мамаы и бабушки — горько-солёными слезами. Папы и дедушки — горьковатыми слезами.

Вовсю рыдали дворники и садовники. Мастера и продавцы. Матросы и лётчики. Заливались слезами шофёры. Рабочие прекратили работу. Потому что из-за слёз ничего не было видно.

Не плакали только военные. Им нельзя.

Однако настоящее бедствие было ещё впереди.

Как известно, соль разъедает железо. От солёных ненастоящих слёз прохудились водопроводные трубы. И вода из них полилась на улицы города.

Это было ужасно. А когда потоки воды размыли плотину, Рукотворное Море хлынуло в город. Начался настоящий потоп. И Простореченску стала грозить всеобщая гибель. Теперь было не до капризов. Дети сразу перестали плакать.

Глава 17

ПОТОП

Водой затопило подвал гастронома. Потом нижние этажи вокзала. Потом лётное поле аэродрома. Потом нижние этажи домов. Улицы превратились в реки, а городские площади — в озёра.

Легковые машины по самую макушку покрылись водой. Трамваи и троллейбусы стояли островками.

В порту все грузы удалось погрузить на суда. Потому что там хорошо потрудились ничевоки.

Матросы им говорили:

— Не лезьте в воду! Она холодная! Простудитесь!

А ничевоки только смеялись:

— Нам всё ничего!

Им советовали рабочие:

— Тише! Осторожней! Надорвётесь!

А они только похохатывали:

— Ничего! Ого-го!

Городу грозила гибель. Но простореченцы не испугались. Военные спасали людей. Милиционеры спасали людей. Пожарные спасали людей.

Мальчишки плавали в тазах и верхом на садовых скамейках. На всём, что плавало. Они спасали кошек и собак. И всё живое. А девочки помогали всем.

Рабочие работали не покладая рук. Они чинили плотину электростанции и водопроводные трубы.

Вскоре из соседних городов Верхнереченска и Нижнереченска прибыла помощь.

В порт к ничевокам на моторной лодке приехал Кот в сапогах. С ним в лодке были старый артист и Бимбо.

Мокрые и озябшие, ничевоки стучали зубами.

— Сеньоры! — обратился к ним Кот в сапогах. — Вода затопляет зоопарк! Надо спасти животных!

— Друзья мои! — сказал старый артист. — Вы молоды и отважны. К тому же вы долго жили с обитателями зоопарка. Они знают вас. И не будут бояться.

— Не скрою, сеньоры, — сурово произнёс Кот в сапогах, — это опасно!

— Ничего! — ответили ничевоки. — Мы не боимся!

И перестали стучать зубами.

— Возможно, придётся войти в клетки львов и тигров!

— Вот это работёнка! — воскликнул Вова-морячок.

Но лодка была слишком мала, чтобы всем плыть в ней.

— За мной, братва! — скомандовал Вова-морячок.

И первым бросился в воду. А за ним, хохоча и толкаясь, остальные. Предстоящая опасность веселит.

Старый артист кинул ничевокам конец верёвки. Они привязали его к плавающему бревну и все за него ухватились.

— Полный вперёд! — крикнул Вова.

И моторка помчалась, ведя на буксире двадцать бывших обитателей зоопарка.

На место они прибыли в самый последний момент. Здесь раздавались ужасные крики. Животные не хотели погибать. Работники зоопарка поседели от ужаса.

А вода уже заливала клетки. Метались и рычали испуганные львы и тигры. Трубили слоны. Ревели медведи. Были волки. Жалобно кричали мартышки. Птицы бесильно хлопали крыльями.

Ничевокам стало страшно. У некоторых снова застучали зубы. Не от холода. Но Кот в сапогах пошутил:

— Ребята! А может, лучше в школу пойдём? Учиться!

Ничевоки несмело рассмеялись и бесстрашно подплыли к клеткам. Но тут старый артист остановил их:

— Погодите, друзья мои! Погодите! Пусть сначала Бимбо хоть немного успокоит животных!

Бимбо стал лаять, урчать, рычать, повизгивать. И повсякому махать хвостом.

Животные понимают друг друга. И Бимбо сказал, чтобы звери не боялись. Что люди пришли их спасать.

Но в минуту смертельной опасности даже люди порою перестают понимать слова. И звери успокоились не совсем. Было очень опасно к ним приближаться.

Но тут раздался голос ничевока. Того самого, который любил стучать молотком.

— Погодите! Погодите! — кричал ничевок. — Чего без толку рисковать? — Он придумал, что надо сделать.

Ничевоки рубили деревья и связывали их в плоты. А плоты подводили под основания клеток.

Вскоре все клетки стали плавучими. Тут как раз пришёл буксирный пароход. Он взял на буксир клетки и повёл их к сухим берегам.

А слоны пошли за клетками сами. Они умные. А за слонами, по шею в воде, — жирафы. А за жирафами верблюды, олени. Все, кто большого роста.

Но это было ещё не всё. Настоящее бедствие началось к вечеру. Вода поднялась до самых крыш. Теперь простореченцы спасались на крышах самых высоких домов.

Все жители могли бы погибнуть. Но люди не оставляют в беде друг друга. Так бывает всегда.

Жители были сняты с крыш и посажены на пароходы и вертолёты, катера и лодки. Не были оставлены на погибель ни одна кошка, ни одна собака, ни одна канарейка.

Всё живое было спасено.

НА ТЕЛЕВИЗИОННОЙ БАШНЕ

Когда спасательные работы были закончены, последними на катер взобрались Петя, Сева и Вова-морячок. Они спасали книги из детской библиотеки. Кто-то узнал их и подразнил нарочно:

— Эй, ничевоки! Ведь это книги! Зачем вы их спасаете?

— Ничего! — ответили, посмеиваясь, ничевоки. — Ещё почитаем, если заставлять не будут...

Кот в сапогах решительно отказался плыть к сухим берегам. Он сказал капитану катера:

— Сеньор! У меня здесь есть неотложное дело. Извините меня, пожалуйста.

— Пожалуйста! — ответил капитан. И с удивлением посмотрел вокруг. Ему непонятно было, какое могло быть дело здесь. Ведь только пустынное море расстилалось вокруг. И лишь телевизионная башня одна высилась во мраке наступающей ночи.

Катер уплыл.

Кот в сапогах ни на минуту не забывал о виновнике бедствия. Он где-то здесь!

Кот в сапогах надвинул шляпу на глаза и направил лодку к телевизионной башне.

И правда, Капризка прятался за железной балкой на самом верху. Кот в сапогах устремился туда. Ещё немного — и он предстал перед Капризкой.

— Презренный! — воскликнул Кот в сапогах. — Ты должен погибнуть!

И он с яростью выхватил из ножен шпагу.

— А что я сделал? — захныкал Капризка.

Но сразу же понял, что хныкать теперь бесполезно. И попробовал обмануть Кота в сапогах по-другому:

— Ты благородное существо, а я был плохим. Но теперь я буду хорошим.

Он со страхом посмотрел вниз.

— Нет! — воскликнул в гневе Кот в сапогах. — Ты должен погибнуть.

Кот в сапогах сделал шаг вперёд. Капризка в ужасе округлил глаза. Он понял, что ещё секунда и...

— Ха! — сказал он. — Ты не можешь меня убить. Я из сказки! Как и ты!

Капризка вспомнил, что он — существо из сказки, он бессмертен. И значит, его нельзя убить. Он может только исчезнуть. Уйти в другую сказку!

Тогда благородный Кот в сапогах решился.

«Я избавлю людей от него», — так подумал он.

— Хорошо, — сказал Кот в сапогах и бросил шпагу в ножны. — В таком случае исчезнем отсюда оба.

Но чтобы уйти в другую сказку, надо знать **ВЕЛИКОЕ НЕСЛЫШНОЕ СЛОВО**. Его знают все сказочные существа. И оно было сказано.

Капризка выкрикнул его.

Кот в сапогах произнёс нехотя и печально.

Ему очень не хотелось расставаться с Павликом и Наташей, со старым артистом и Бимбо. Со всеми простореченцами. И особенно с ничевоками. Ведь те, кому мы делаем добро, дороги нам особенно. Так бывает всегда.

Мгновение спустя на верхней площадке телевизионной башни не стало никого.

Глава 19

ЧТО БЫЛО ПОТОМ

Как только простореченцы починили плотину электростанции, схлынула вода. Вернулись в город все его жители. И Павлик с бабушкой, и Наташа с мамой. И старый артист с Бимбо.

Вернулись домой Петя, Сева, Вова и все другие молодые люди, которых раньше звали ничевоками.

Они научились работать. И это им очень нравится. А живут они дома. С папами, мамами и бабушками.

Не стало в городе зоопарка.

Все звери и птицы были отпущены на свободу. Добрые

простореченцы отвезли их туда, где они жили раньше. Только мартышки почему-то не захотели покинуть Простореченск. Они спят на деревьях в парке. Днём они катаются на крышах трамваев и автобусов. А зимой их охотно берут себе в дом простореченцы. До весны. Мартышки уже научились у людей носить шляпы и перчатки. Мартышки безошибочно узнают тех, кто был ничевоком. А кроме мартышек, их никто не может узнать, потому что ничевоки стали как все. Только не любят сладостей.

В Доме рыбака и охотника каждый год устраиваются ПРАЗДНИКИ ВСЕГО ЖИВОГО. А в окрестностях и поблизости появились звери и птицы. И видели живую лягушку. И даже, говорят, в озере плавают рыбы!

А в парке, на главной аллее, той самой, где Павлик с Капризкой когда-то поливали всех из шланга, стоит памятник Коту в сапогах. Кот держит в руках книгу и будто читает сказку.

Всем хочется, чтобы Кот в сапогах вернулся в их город. Дети нарочно оставляют на ночь открытую книгу.

Правда, только раз в сто лет бывает, что из книг выходят герои. Но... бывает!

Конец

Средневековые
Сказки

Рисунки
В. КАДОЧНИКОВА

ЗОРЬКА, ВЕЧОРКА, ПОЛУНОЧКА — БОГАТЫРИ

одном царстве-государстве жил-был царь-государь. И было у него три дочери, друг на дружку похожие, как три ягодки.

Ни царь, ни даже мамки с няньками отличать их друг от друга не могли. И чтобы не было путаницы, приказал царь дочерям носить на пальчике по колечку.

Одна носила колечко медное, другая — серебряное, третья — золотое.

Царь любил каждую дочь одинаково, всех вместе — без меры, без памяти. А чтобы с ними какой беды не случилось, держал царевен в потайных комнатах, за семью замками, у всех дверей стража. И нигде отроду царевны не бывали, света белого не видали.

Вот как-то раз приступили царевны к отцу в три голоса, залились слезами в три ручья:

— Отпусти, государь-батюшка, нас хоть в сад погулять.

Царь на слёзные уговоры сдался, отпустил дочек на время короткое в сад погулять. Выбежали сёстры в сад и от радости обмерли, не знают, на что глядеть, что ухватить. Увидали цветочки лазоревые, кричат:

— Ах, диво дивное!

И ну в охапки цветы собирать!

Подбежали к яблоньке, кричат:

— Ах, чудо чудное!

И ну яблоньку трясти, собирать яблоки!

Целый день царевны резвились, всему дивились, а как стал день к вечеру клониться, повели их мамки с няньками домой. И только они на крылечко — вдруг раздался гром. Покатило, завертело, налетел Чёрный Вихрь, положил деревья плашмя, мамок-нянек раскидал. А царевен подхватил высоко-высоко! И умчал далёко-далёко! Неведомо куда.

Царь день горевал, два тосковал, а на третий объявил князьям и боярам:

— Кто царевен найдёт, из беды вызволит, тому в жёны их отдам и всё царство поделю натрое.

Поскакали князья и бояре во все стороны царевен искать. Всё царство и вдоль и поперёк объездили — не нашли. С тем и к царю вернулись.

Тогда царь повелел клич кликнуть: не возьмётся ли кто из простых людей царевен отыскать, из беды вызволить?

А в то время жила в одной деревеньке бедная вдова. И было у неё три сына — могучих богатыря. Все они родились в одну ночь: старший с вечера, средний в полночь, а меньшей на ранней утренней заре. И назвали их потому Вечорка, Полуночка, Зорька.

Как прослышали они царёв клич, отправились в столицу. И матушку с собой взяли.

Вот пришли они к царю и говорят:

— Мы царевен пойдём искать, а ты, государь, нашу матушку к себе возьми. Одну её на беду-нужду мы не оставим.

Царь ответил:

— Будь по-вашему. А чем вас ещё на дорогу пожаловать?

— А ещё нам надобны кони по нраву и оружие по силе-сноровке.

— Будь по-вашему, — отвечал царь. — Возьмите коней из моих табунов, из моих кладовых оружие какое кому по силе-сноровке.

Выбрал Вечорка из царских табунов коня серого, Полуночка — вороного со звездой во лбу, Зорька выбрал коня белого с гривой до земли.

Взял Вечорка из царских кладовых острый меч, Полуночка — тяжёлую палицу, Зорька — тугой лук с калёными стрелами.

Потом обнялись братья с матушкой, поклонились царю и отправились в путь-дорогу, царевен отыскивать.

И своё государство обширное проехали богатыри из конца в конец, и другие многие королевства из края в край. И везде добрых людей спрашивали:

— Не промчался ль тут Чёрный Вихрь? Не проносил ли трёх царевен с собой?

В одних местах отвечали им:

— Промчался Вихрь, поломал сады, загубил хлеба, а царевен с ним не было.

В других местах жаловались:

— Пронёсся Вихрь, разметал стога, разогнал стада, а царевен при нём не видали.

В иных царствах люди плакались:

— Пролетел Вихрь, кораблей потопил бесщётно. А царевен, однако ж, с ним не было.

Едут, едут Вечорка, Полуночка, Зорька. На все стороны поглядывают.

Вот проехали они степь широкую и лес дремучий, увидели возле речки избушку.

— А не пора ли нам, братцы, отдохнуть? — сказал Вечорка.

И пот со лба рукавом утёр.

— А не пора ли и выспаться? — сказал Полуночка.

И в рукав зевнул.

— Самый раз, братцы, выкупаться! — сказал Зорька.

И сладко в седле потянулся.

Сошли братья-богатыри с коней. Вошли в избушку. Там нет никого. Стали сами хозяева и дали себе сроку три дня отдыхать.

В первый день младший брат, Зорька, говорит среднему, Полуночке:

— Ты, брат, оставайся дома, а мы пойдём на охоту.

Так и сделали.

Вечорка с Зорькой на охоту ушли, а Полуночка завалился спать. Да не успел Полуночка первый сон досмотреть, как вдруг застучало, загремело, отворилась дверь и вошёл старичок. Сам с ноготок, борода с локоток.

Глянул старичок на Полуночку, закричал сердито:

— Как ты смел в моём доме хозяйничать! Как посмел на моей лавке спать!

Отвечал ему Полуночка:

— Ты прежде вырасти, а то тебя от земли не видать.

— Я мал, да удал! — вскричал старичок с ноготок, борода с локоток. И прыг на стол.

— Экий удалец-молодец выискался! — стал смеяться над ним Полуночка. — Если бы щи были, я бы тебя во щак утопил. Если б каша была — с кашей съел.

А старичок с ноготок прыг Полуночке на голову да как хватит кулачком в темя! Богатырь — с лавки на пол и лежит без памяти.

Очнулся Полуночка, глядит: нет старичка. А у самого голова болит, раскалывается. «Старичок с ноготок не во сне мне приснился», — рассудил Полуночка.

Пришли с охоты Зорька с Вечоркой, видят: Полуночка всё за голову держится.

— Ты что, брат, за голову держишься? — спрашивают они.

Полуночка правду сказать стыдится, отвечает:

— Заспался я, братцы. Оттого, наверное, голова болит.

На другой день Полуночка с Зорькой на охоту пошли, Вечорку дома оставили, обед варить. Зорька в лесу стрелы пускал. Полуночка дичь подбирал. А Вечорка тем временем в избушке хозяйничал: печь истопил, мясо сварил. И завалился спать.

Не успел Вечорка второй сон досмотреть, как вдруг застучало, загремело, отворилась дверь и вошёл старичок. Сам с ноготок, борода с локоток.

Глянул старичок на Вечорку, закричал сердито:

— Как ты смел в моём доме хозяйничать! Как посмел на моей лавке спать!

Отвечает ему Вечорка :

— Прежде вырасти, а то тебя от земли не видать.

— Я мал, да удал! — вскричал старичок с ноготок, борода с локоток.

И прыг на стол.

— Смотри, какой удалец нашёлся! — стал Вечорка над ним потешаться. — Вот потяну носом — втяну в ноздрю, а чихну — тебя ветром сдует!

Старичок с ноготок прыг Вечорке на голову да как хватит кулачком в темя! Богатырь — с лавки на пол и лежит без памяти.

Очнулся Вечорка, глядит: нет старичка. «Вот отчего у Полуночки голова болела», — смекнул Вечорка.

Когда братья с охоты вернулись, глядят: у Вечорки голова тряпицей повязана.

— Ты что, брат, голову обвязал? — спрашивают они.

А Вечорка тоже правду сказать стыдится, отвечает:

— Эх, братцы, топил я печку, да, зная, от великого жару разболелась у меня головушка. Давайте завтра мы с Полуночкой пойдём на реку рыбу ловить, а Зорька пусть дома останется.

Назавтра отправились Вечорка с Полуночкой рыбу ловить, а Зорька тесто завёл; печь истопил, пирогов напёк на сегодня и впрок: скоро ведь опять в поход пускаться — царевен искать.

И только Зорька управился, как вдруг загремело, застучало, отворилась дверь и вошёл старичок. Сам с ноготок, борода с локоток.

Глянул старичок на Зорьку и закричал сердито:

— Как ты смел в моём доме хозяйничать!

Зорька ему говорит:

— Прости, дедушка великан, что я без спросу у тебя в избе хозяйничал. Кабы знал, позволения у тебя спросил.

Старичок с ноготок на стол вскочил и кричит:

— Ты смеёшься или правду говоришь?

Зорька ему отвечает:

— Не до смеху мне, дедушка великан. Ты меня, если вздумаешь, в муку сотрёшь, в пирог запечёшь. Вон ты какой сильный!

А старичок с ноготок опять кричит :

— Ты смеёшься надо мной или правду говоришь?

Зорька отвечает ему :

— Не до смеху мне, дедушка великан, как бы и у меня головушка не разболелась.

Тут старичок с ноготок весело глянул, бороду погладил и говорит :

— А ты, видать, догадливый! Сказывай, куда с братьями путь держите.

Зорька и говорит ему :

— наших царевен Чёрный Вихрь утачил. Едем их вызволить, да не знаем, где искать.

— Ладно! Я тебя научу, где царевен искать,— сказал старичок с ноготок и спросил: — Ты стрелой в муху попадёшь?

— Попаду,— отвечает Зорька.

Старичок тогда и говорит :

— Поезжай с братьями на восток. Да глядите во все глаза. Увидите в небе коршуна. Он Чёрному Вихрю служит, добро его сверху сторожит. Вихрь ему за это три жизни дал. Станет коршун над вами кружить. Ты ударь его стрелой. Обернётся коршун вороном. Ударь стрелой в ворона. Обернётся ворон мухой. Ударь стрелой в муху. Где муха упадёт, там будет яма, а из ямы в три неведомых царства ход. В тех неведомых царствах три чудища живут. Они Чёрному Вихрю служат, добро его снизу сторожат. У них по одной жизни только. Если чудищ одолеете — царевен вызволите, а не одолеете — сами там навеки останетесь.

И только старичок с ноготок, борода с локоток эти слова договорил — мигом скрылся, как в щель провалился.

Дождался Зорька братьев и смеётся :

— Знаю теперь, отчего у вас головушки болели!

И рассказал им, о чём старичок с ноготок ему поведал.

На другой день чуть свет оседлали богатыри коней и поехали на восток.

Вот едут они и день и два. Устали на небо глядеть. Да вдруг увидели: тень чёрная по земле перед ними бежит. Подняли головы — коршун в небе над ними кружит.

Натянул Зорька тугой лук, пустил стрелу в коршуна. Она в коршуна ударила — обернулся коршун вороном. Ударил Зорька стрелой в ворона — обернулся ворон мухой. Ударил Зорька стрелой в муху — раздался гром. Где муха упала, разверзлась земля ямой.

Спустились братья в яму. Много ли, мало ли прошли они под землёй, не считали, не меряли, а только вдруг очутились в царстве неведомом.

Осмотрелись, пригляделись богатыри. Видят: куда ни ступи, за что ни возьмись — всё из меди. Трава медная не колышется. Земля медная под ногой гудит.

— Экое, братцы, богатство! — сказал Вечорка. — Сколь из всего этого медных пятакон наделать можно!

Только у братьев на душе невесело. Не слышать тут птичьего пения, не доносится ничьего дыхания. Не видать ни одной живой души. Небо тяжёлое, медное, а в нём солнце медное тускло светится.

Вот попались на пути мужики-косари. Подошли к ним — а они медные! Стоят медные мужики с медными косами на отлёт и не шевелятся.

Потом повстречали детишек с лукошками. Детишки застыли медные. В медных лукошках у них медные ягоды.

Затосковали братья-богатыри в медном царстве. Так и пошли бы отсюда прочь, да нельзя: надо царевен сначала вызволить.

Вот увидели они медный шалаш. Только хотели к нему подойти, вдруг откуда ни возьмись — перед ними чудище: змей не змей, зверь не зверь. На змеиной голове рога звериные.

Из пасти дым с огнём валит. Глазища горят пожарищем. Хвост добела калёный вьётся кольцами, сыплет искрами.

— Ну, хоть этот живой! — обрадовались братья. — Отдай, чудище, царевен, или биться будем!

— Со-ожг-у-у! — загудело, завыло чудище.

И на богатырей двинулось.

Шагнули братья ему навстречу. Зорька лук тугой натянул — ударил стрелами в глаза чудищу. Угасло в глазах

пожарище. Вечорка острым мечом махнул — отрубил рога звериные. Полуночка тяжёлой палицей разбил голову змеиную. В последний раз огнём пыхнуло чудище — и нет его. Лишь кострище на том месте тлеет.

А царство медное живым вдруг обернулось. Мужики-косари живёхоньки. Машут косами быстрёхонько. Зелёную травушку косят. И ребятишки бегут, смеются. В лукошках у них земляника.

А из шалаша травяного царевна идёт, только-только ото сна. У неё на пальчике колечко медное.

Царевна богатырей спрашивает:

— А где мои сёстры?

Зорька и говорит:

— Ты, царевна, нас здесь подожди. А мы пойдём за твоими сёстрами.

Послушалась царевна, ушла в шалаш. А Зорька, Вечорка и Полуночка дальше отправились.

Много ли, мало ли они прошли — очутились вдруг в царстве серебряном: куда ни ступи, что ни возьми — всё из серебра.

Трава серебряная не колышется. Земля серебряная под ногой звенит.

— Экое, братцы, богатство! — воскликнул Полуночка. — Сколь из всего этого серебряных рублей наделать можно!

Только у братьев на душе невесело. Не слышать тут птичьего пения, не доносится ничьего дыхания. Не видать ни одной живой души. В небе холодном солнце серебряное мертво светится.

Вот попалось им на пути озеро. Подошли — а оно серебряное.

Застыла в серебряном озере ладья серебряная. В ней рыбаки серебряные будто сети вытягивают, а сами не шевелятся. На берегу ребятишки застыли серебряные. Будто брызжутся они водой, а брызги серебряные над ними висят, не падают.

Затосковали братья-богатыри в серебряном царстве. Так и пустились бы отсюда прочь, да нельзя: надо царевен сначала вызволить. Вот увидели они домик серебря-

ный. И только хотели подойти, вдруг откуда ни возьмись — чудище! Зверь не зверь, рыба не рыба. Пасть звериная, глаза рыбы. Лапы звериные, хвост рыбий. И все брюхо в костяной чешуе.

— Ну, хоть этот живой! — обрадовались богатыри. — Отдай царевну, чудище, или биться будем!

— Сожру-у-у! — завыло, загудело чудище.

И на богатырей двинулось.

Шагнули братья ему навстречу. Зорька лук тугой натянул — ударил стрелой в рыбий глаз чудища. Вечорка острым мечом махнул — рассёк брюхо в костяной чешуе. Полуночка тяжёлой палицей хватил по звериной пасти. Шевельнулось чудище в последний раз — и нет его. Только груда костяной чешуи на том месте лежит.

А царство серебряное живым, озёрным обернулось. Мужики-рыбаки живёхоньки. Тянут сеть в ладью быстрёхонько. Ребятишки возле бережка плещутся, брызги над ними летят.

А из домика царевна идёт, только-только ото сна. У неё на пальчике колечко серебряное.

Царевна богатырей спрашивает:

— А где мои сёстры?

Зорька ей и говорит:

— Ты, царевна, нас здесь подожди. Скоро ты со своими сёстрами свидишься.

Послушалась царевна, ушла в дом. А Зорька, Вечорка и Полуночка дальше отправились.

Ни много, ни мало они прошли и очутились в царстве золотом: куда ни ступи, что ни возьми — всё из золота. Золотая трава не колышется. Золотая земля под ногой звенит.

— Экое, братцы, богатство! — вскричали Вечорка с Полуночкой. — Сколь изо всего этого золотых монет надевать можно!

Только у братьев на душе невесело. Не слышать тут птичьего пения, не доносится ничьего дыхания. Не видать ни одной живой души. А с жёлтого неба рыжее солнце недобро глядит.

Вот попались им на пути мужики-лесорубы.

Подошли — а они золотые. Стоят с топорами золотыми на отлёт и не шевелятся.

Потом повстречали детишек с лукошками. Детишки стылые, золотые. А в золотых лукошках у них золотые грибы.

Затосковали братья-богатыри в золотом царстве. Так и бросились бы отсюда, да нельзя: надо третью царевну вызволить.

Вот увидели они золотую избушку под золотым дубом. И только хотели к ней подойти, вдруг откуда ни возьмись — перед ними чудище! Змей не змей, зверь не зверь. И рыба не рыба, и птица не птица, а всё сразу тут: голова змеиная, пасть звериная. Глаза птичьи, хвост рыбий. На задних лапах чудища когтища, на передних — копытища. А по бокам туловища костяные крылья.

— Ну, хоть этот живой! — обрадовались братья. — Отдай, чудище, царевну, или биться будем!

— Проглочу-у-у! — завыло чудище.

Шагнули братья ему навстречу. Зорька лук тугой натянул — пустил стрелу в птичий глаз чудища. Вечорка острым мечом махнул — отсёк костяные крылья. Полночка тяжёлой палицей ударил в голову. Упало чудище — и нет его, только куча кожи на том месте смердит.

А царство стылое, золотое живым, лесным обернулось. Мужики-лесорубы живёхоньки. Топорами машут быстрёхонько — зелёные дубы рубят. Детишки бегут с лукошками. В лукошках у них грузди!

А от избушки царевна идёт, только-только ото сна. У неё на пальчике колечко золотое.

Царевна богатырей спрашивает:

— А где мои сёстры?

Зорька ей и говорит:

— Ступай, царевна, с нами. Тебя сёстры ждут, и ба-тюшка ждёт не дожждётся.

Обрадовалась царевна, лесное царство скатала в яичко и пошла с богатырями. Да ходить подолгу она не умела. Зорька взял её на руки.

Вот зашли за царевной с колечком серебряным, потом за царевной с колечком медным.

Они царства луговое с озёрным скатали в яички и с собой взяли.

Прошло времени ни много ни мало — выбрались богатыри с царевнами из ямы на белый свет. А там их кони ждут, землю копытами бьют: серый — Вечоркин, вороной — Полуночкин, белый — Зорьки, богатыря.

Сели братья на коней, сестёр-царевен подхватили: Вечорка — царевну с медным колечком на пальчике, Полуночка — царевну с колечком серебряным, Зорьке досталась с колечком золотым.

И как ни долго они ехали, а домой в своё царство приехали.

Царь увидел дочерей — чуть от радости не помер. Тотчас к свадьбе приказал готовиться. А братьям-богатырям велел в жёны выбрать сестёр, кому какая понравится. Да вот задача: как из них выбирать, если они друг на друга похожи, будто три ягодки?

А царевны были с лукавинкой. Руки за спину поскорей спрятали и стоят посмеиваются: выбирайте, мол, как знаете.

Ну, да матушка сыновей выручила. Она стала позади одной царевны и украдкой пятак медный показала. За другой показала рубль серебряный. А за третьей — золотую монетку.

Тут братья-богатыри и смекнули, какое у которой колечко на пальчике. Каждый выбирал ту, которую на руках нёс да в седле вёз. Они друг дружке ещё в пути приглянулись.

После свадьбы не пришлось царю делить своё царство натрое. Раскатали царевны три царства из яичек — луговое, озёрное и лесное. В них и стали богатыри с царевнами жить-поживать, а матушка с царём в гости к ним наезжать.

Кто в тех царствах бывал, тот видал: тамошний народ всё нет-нет да на небо поглядывает. Вихря Чёрного боится.

СКАЗКА О МОЛОДЦЕ-УДАЛЬЦЕ И ЖИВОЙ ВОДЕ

ил-был царь-государь с тремя сыновьями-царевичами. Один царевич — Алексей. Другой царевич — Евсей. А третий — Иван-царевич.

Во всём царстве умней царевича Алексея никого не было. Даже сам государь с боярами ему в рот глядели, совета спрашивали.

Во всём государстве хитрей царевича Евсея никого не было. Даже купцы-лавочники, менялы-обиралы жаловались:

— У царевича Евсея от хитрости в глазах синё!

А про Ивана-царевича братья его говорили:

— Он у нас дурак.

Это потому, наверно, что Иван-царевич вина не пил, старших братьев не хвалил, красных девиц пряниками не одаривал.

Так бы и жили все: царь с боярами сидел бы на пирах, старший брат ходил бы в мудрецах, средний — в хитрецах, Иван-царевич — в дураках.

Да случилась в царстве беда. В одночасье все колодцы высохли. Все ручьи и реки утекли. Родники в землю ушли.

Непоеная скотина ревмя ревет. У бочек с квасом драка идёт. А как пиво и квас выпили, стал народ разбегаться кто куда. А бежать-то и некуда. Везде сухо!

Царь с боярами к царевичу Алексею пошли, говорят ему:

— Спасай, царевич, царство! Придумай что-нибудь. Ты у нас умный!

Царевич палец ко лбу приставил и придумал:

— Копать колодец три сажени вширь, три версты вглубь. Непременно до воды доберёмся.

Приказал царь рыть колодец прямо на площади. А сам на крыльцо сел, и бояре тут.

Народу сбежалось на площадь видимо-невидимо! Нашлись и охотники небывалый колодец рыть. Всё силачи, ловкачи, работнички. В три дня выкопали колодец — три сажени вширь, три версты вглубь. А воды в нём нет!

Тогда бросились царь с боярами к царевичу Евсею:

— Спасай, Евсеюшко, царство какой ни на есть хитростью. Ты у нас хитрый!

Царевич Евсей прищурился и говорит:

— Надо своё царство сухое продать, а другое, хорошее, купить.

Призадумались царь с боярами: «Государство можно и продать, да куда людишек девать? Им есть-пить всё равно надо!»

А тем временем скотина непоеная ревмя ревёт. Возле царского трона драка идёт: бояре последний ковшик квасу делят. Выпили квас — принялись за вино.

Глядя на бояр, и народ стал вино пить, скотину и птицу домашнюю вином поить. Пить-то ведь всё равно больше нечего. А как напились все вина хмельного — повалились спать, кто где был. Кто в дому, кто в хлеву, кто прямо на улице.

Всё царство вповалку лежит. До самого неба храп стоит. Тут не хочешь спать, так уснёшь. Повалились царь с хитроумными сыновьями-царевичами прямо на трон и тоже уснули. Друг на дружку повалились бояре, спят. Царь с царевичами посапывают, бояре им во сне подсвистывают.

Только Иван-царевич вина не пил и спать не спал. Вышел он, сел на крыльцо и пригорюнился. Горько на сухое царство смотреть, а на пьяное и вовсе бы глаза не глядели!

И вспомнил тут Иван-царевич про чёрного ворона.

Побежал Иван-царевич в царские покои. Там в клетке чёрный ворон сидел. Его недавно охотники изловили. Просил ворон охотников человеческим голосом его на волю отпустить. «Мой, говорит, старший брат в беду попал, его злой колдун в коня заколдовал. Надобно мне его выручить». А охотники говорящую птицу не выпустили, отнесли царю, чтобы он их деньгами наградил.

Человеческими словами просил ворон царя на волю его пустить: «Мой старший брат в беду попал, надо мне его выручить». А царь ворона не отпустил, велел в золотую клетку его посадить, чтобы перед послами иноземными говорящей птицей хвастаться. Разобиделся тогда чёрный ворон на всех людей и больше ни слова не вымолвил, как его царь ни просил, чем ему ни грозил.

Вот прибежал Иван-царевич к чёрному ворону, говорит:

— Ворон, ворон, мудрая птица! Вымолви слово. В нашем царстве беда. Все реки с ручьями утекли, все озёра высохли, родники ушли в землю. Скоро все помирать начнём.

Ворон чёрным глазом на Ивана-царевича зло взглянул, ничего не сказал. А Иван-царевич его опять просит:

— Ворон, ворон, мудрая птица! Вымолви слово, научи, как воды добыть, как народ от гибели избавить.

Чёрный ворон ещё злее на Ивана-царевича чёрным оком глянул, ни полслова не вымолвил.

Тогда Иван-царевич и говорит:

— Знаю, ворон, ты на людей в обиде. Так и быть, отпущу тебя на волю. Зачем тебе с нами помирать!

И открыл дверцу. А чёрный ворон из клетки вышел, крылья расправил и человеческим голосом сказал:

— Ты, царевич, добрый. Как беду избыть, как воды добыть, тебя мой старший брат научит. Он триста лет живёт, всё на свете знает. А сейчас возьми меч-кладенец, садись на коня и скачи на дальние болота. Да спешь, а то меня не застанешь.

Ворон глазом сверкнул, крылом махнул и вылетел в окошко.

Иван-царевич меч-кладенец взял, хотел в царской конюшне коня выбрать, а они все вином напоенные лежат вверх копытами.

У Ивана-царевича с досады из глаз слёзы брызнули. Ударил он шапкой оземь и во весь дух припустил бегом.

Прибежал царевич на дальние болота — ноги подкосились, в ушах звон, из носу кровь. А на болотах от гама птичьего стон стоит. Высохли болота, собрались птицы улетать. Собралось их тут черным-черно, белым-бело. Тут и гуси серые, и лебеди белые, и чёрные грачи. И утки с куликами, и цапли с журавлями. А на высокой кочке ворон сидит, воеводой глядит, на всех покрикивает.

Ворон Ивана-царевича похвалил:

— Ты, царевич, молодец! Без коня, а поспел.

И велел ему сеть из болотной сухой травы поскорей сплести. Принялся Иван-царевич за дело не мешкая. Плетёт сеть, а у самого слёзы на глазах: руки работать не умеют, болят. Однако сеть Иван-царевич сплёл, а ворон его похвалил:

— Ты, царевич, молодец! Без привычки, а с работой управился.

Потом крикнул ворон птицам водяным по-птичьему, а царевичу велел в сеть забраться. И только Иван-царевич в сеть травяную влез, опустилась стая серых гусей слева, стая белых лебедей справа. Подхватили птицы сеть с Иваном-царевичем и взмыли в небо.

Со страху царевич и глаза закрыл. А как осмелился вниз взглянуть — весело ему стало. Города и сёла — будто на ковре вышиты, домишки крохотные, людишек едва видеть.

Коротко ли, долго ли несли птицы Ивана-царевича, а только солнышко два раз слева вставало, справа опускалось. И вот, наконец, сели птицы перелётные неведомо где, в незнакомой стороне, на озёрах многоводных, в зелёных берегах.

Иван-царевич из травяной сети выпростался, стал ворона звать. Прилетел к нему ворон и говорит:

— Пойдём, царевич, на большую дорогу. Дождёмся, когда витязи мимо поедут. Ты добудь у них коня. Только

не бери коня ни серого, ни белого, ни буланого. А возьми коня чёрного, в золотой сбруе.

Пришёл Иван-царевич на большую дорогу, сел под придорожный дуб. Ворон — на сук. Ждут.

Вот едут четыре витязя.

Первый витязь — с длинным копьём, алым пером, на белом коне. Второй витязь — с длинным копьём, белым пером, на сером коне. За ним витязь с длинным копьём, зелёным пером, на буланом коне.

Позади витязь с длинным копьём, чёрным пером, на вороном коне. А к седлу белый лебедь приторочен.

Иван-царевич этому витязю дорогу заступил и говорит:

— Отдай, витязь, мне своего коня, или биться будем.

И меч-кладенец из ножен достал.

Три витязя коней придержали, а этот на Ивана-царевича копьём уставился. Взмахнул царевич мечом-кладенцом, рассёк древко пополам.

Взялся витязь за меч, хотел Ивана-царевича конём топтать, мечом изрубить. Не стал конь топтать Ивана-царевича, а меч выбил царевич из рук витязя. Тот гневом вскипел, поднял палицу тяжёлую. И быть бы Ивану-царевичу мёртву, да он от палицы увернулся и витязя в седле мечом достал.

Упал витязь с вороного коня. Медный шлем откатился, отлетело чёрное перо. Да только глядит Иван-царевич: вместо витязя убитого дохлый боров лежит. Вместо чёрного пера головешка чадит. А конь чёрным вороном обернулся и взлетел на дуб. А белый лебедь, как оземь ударился, обернулся девицей небывалой красоты. Коса русая до пят, глаза — омуты синие, брови — стрелами вразлёт.

Оглянулся Иван-царевич — трёх витязей нет как не было. А чёрный ворон говорит Ивану-царевичу:

— Ты, царевич, сам того не зная, великое дело сделал: от этого колдуна царь-девицу спас и её советчика — брата моего старшего. Злой колдун царь-девицу в лебеда обратил за то, что замуж она за него не пошла. А брата моего старшего обратил в коня за то, что был её советчиком.

— А где витязи? — спросил Иван-царевич.

— Да их и не было,— ответил старший ворон.— Колдун их выдумал и впереди себя пустил.

Подошла тут к Ивану-царевичу царь-девица и говорит:
— Чем тебя благодарить?

А у Ивана-царевича и язык отнялся. Никогда ещё он красоты такой не видал.

Тогда младший ворон и говорит:

— У царевича беда великая. В его царстве реки утекли, озёра высохли. Родники в землю ушли. Надобно царевичу живой воды добыть, сухое царство оживить.

Улыбнулась царь-девица светло и сказала ласково:

— А вот мы советчика моего, ворона старого, спросим. Он всё на свете знает.

Старый ворон сказал:

— Далеко, царевич, живая вода. За семью лесами, за семью морями, за горячей рекой, в потайном роднике. Но добыть её можно, если две волшебные горошины тебе царь-девица даст.

На такие слова своего советчика, ворона старого, царь-девица отвечала:

— Дам я тебе, царевич, две горошины. Только должны ты за это у меня погостить.

Махнула царь-девица платочком — и мигом очутились все на широком лугу, в царь-девицыном царстве. На лугу войско стоит. Всё войско, и конное, и пешее,— из одних девиц. И все как одна красавицы. А оружие у них лёгкое — у кого веник, у кого помело.

— Пожалуй, царевич, в мою столицу,— сказала царь-девица.

А там уж превеликий праздник. Народ бежит царь-девицу встречать. Одни других спрашивают:

— Кто царь-девицу от злого колдуна отнял?

Им говорят:

— Вон царевич Иван со своим вороном-советчиком!

А Иван-царевич едет удивляется: мощёны улицы серебром, крыты крыши золотом.

Вот привела царь-девица Ивана-царевича в свой дворец, и началось веселье. Известное дело: где девицы в царицах, там и танцы с музыкой.

Хочешь не хочешь, а пришлось Ивану-царевичу три дня и три ночи плясать. А после и говорит ему царь-девица:

— Не хочешь здесь гостем быть — оставайся хозяином. Я за тебя замуж выйду.

— Не до свадьбы мне, — ответил Иван-царевич. — В моём царстве беда.

Видит царь-девица, что царевича ей не переломить, залилась слезами и всему войску плакать велела. А потом дала она Ивану-царевичу две горошины и сказала:

— В чистом поле брось горошину — и очутишься за семью морями, за семью лесами. Другую горошину брось, когда станет тебе хуже некуда.

Поклонился Иван-царевич царь-девице, попрощался с её войском девичьим и старым вороном-советчиком.

А чёрный ворон, младший брат, расстаться с Иваном-царевичем не захотел.

— Поедем, — сказал он, — за живой водой вместе.

Не стал ждать Иван-царевич, когда серебряные мостовые от девичьих слёз высохнут, — поскакал в чистое поле. Там бросил он горошину и очутился неведомо как, неведомо где, за семью морями, за семью лесами.

Теперь надо было реку горячую переплыть.

Озирается Иван-царевич, оглядывается — не видать никакой реки. Только лес вокруг стоит, деревьями шумит.

— Полетай, ворон, окрест, погляди, не увидишь ли реку горячую, да посмотри, где перевоз, — сказал Иван-царевич.

Поднялся ворон выше леса и назад летит, Ивану-царевичу говорит:

— Не видать нигде ни реки, ни перевоза, а стоит невдалеке избушка.

Вот приехали они на поляну, видят: на курьих ножках избушка стоит, из окошка Баба Яга глядит. Увидала Баба Яга гостей незваных, выбежала на крыльцо да как клюкой каменной застучит, ногой костяной затопает! Космами седыми она трясёт, зубами железными звенит! Даже конь под Иваном-царевичем в страхе попятился. А потом вдруг села Баба Яга на крылечко и спрашивает:

— Или я, царевич, не страшная?

Иван-царевич ей в ответ:

— Не возводи на себя, красавица, напраслину. Я царь-девицу видал — на что хороша, а до тебя ей далеко!

Баба Яга как сидела — так и свалилась от хохоту. И каталась она по земле, и смеялась она до слёз, до икоты, до слезливого шёпота.

Иван-царевич, на неё глядя, и сам смеяться стал.

— Ух, насмешил, — сказала Баба Яга. С земли поднялась, глаза вытерла и говорит: — Про твою беду мне ведомо. Только живой воды тебе не добыть, сухое твоё царство не спасти.

— Отчего так? — спросил Бабу Ягу Иван-царевич.

— Оттого, что потайного родника с живой водой не отыщешь. Я сама на три сажени в землю вижу, а найти его не сумела.

— Ничего, красавица, — говорит Иван-царевич, — скажи тогда, где горячая река течёт.

— Поезжай, царевич, прямо, — ответила Баба Яга. — Сразу за лесом и увидишь горячую реку. Течёт она смолой, горит жарким пламенем. Самому тебе её не переплыть, ищи перевозчиков.

На прощанье Баба Яга костяная нога сказала:

— Ты со мной пошутил — и я с тобой пошучу. Обернётся твой конь жеребёнком, а ворон воронёнком.

Погрозил кривым пальцем и в избушку убежала.

Вот едет, едет Иван-царевич на коне, с чёрным вороном на плече, невесёлую думу думает. Как-то там, в сухом царстве? Все ли живы или все померли?

Наконец приехал к реке горячей. Течёт река смолой, горит жарким пламенем. На берегу перевозчиков толпа.

Ворон к перевозчикам пригляделся и сказал Ивану-царевичу на ухо:

— Ты, царевич, ни с кем не говори, а говори с тем, который в сторонке стоит, посмеивается.

Подбежали тут перевозчики.

— Здравствуй, добрый молодец! — кричат.

А сами, видать, лихие люди. Серьга в ухе, нож за поясом. И все, как есть, однорукие.

Ни с кем не стал говорить Иван-царевич, а подъехал прямо к молодцу, что в сторонке стоял, посмеивался.

— Ты над однорукими старший? — спрашивает его Иван-царевич. — Какая плата за переезд?

— Правую руку тебе отсечём, вся и плата. Нас тут двадцать разбойников, ни у кого правой руки нет. Так пускай и у тебя не будет.

Тут ворон незаметно Ивану-царевичу сказал:

— Соглашайся, царевич. Только чтобы старший здесь оставался, а плату чтоб на той стороне платить.

— Быть по-твоему, — сказал громко Иван-царевич старшему над однорукими. — Только ты сам тут оставайся, а платить на той стороне буду.

Вот переехали на ту сторону. Приступают перевозчики-разбойники к Ивану-царевичу с ножами, кричат:

— Плати, добрый молодец, за переезд! Давай твою правую руку.

А ворон царевичу тихонько говорит:

— Вели сперва ножи показать для выбора, а сам их через плечо кидай. Когда все перекидаешь, берись за меч.

Иван-царевич и говорит разбойникам:

— Чтоб мучаться меньше, выберу нож поострее.

Разбойники ему свои ножи дали, глазами посверкивают, серьгой в ухе помахивают. А Иван-царевич ножи пробует, да через плечо покидывает, приговаривает:

— Этот тупой, этот не остёр, а этот с зубриной.

Перекидал он все ножи и за меч свой взялся. Покатились разбойничьи головы.

Снова сел Иван-царевич в седло, а ворон — ему на плечо.

Ехали, ехали, совсем было духом пал Иван-царевич, да вдруг слышит, пчела над ухом жужжит:

— Не туж-жи, царевич! Покаж-жем тебе, где ж-живая вода.

Обрадовался Иван-царевич, протянул ладонь пчёлке. Та села на неё, крылышки поправила, лапками посучила, и вышел у неё с царевичем уговор: Иван-царевич от пчелиного дупла медведя-вора отвадит, а пчёлы ему потайной родник с живой водой укажут. Они сами из него воду бе-

рут, когда хлеба пекут. Оттого и род пчелиный не переводится.

Ухватила пчёлка белую пушинку и полетела. Пушинку хорошо видать. Куда она — туда и царевич на коне, с чёрным вороном на плече.

Вот объехали лопухи, миновали куст черёмуховый, проскакали мимо кочки и возле дуба встали. А медведь на том дубе сидит и мёд пчелиный из дупла выгребает. Не столько мёду ест, сколько детвы пчелиной губит.

Ворон нарочно громко Ивану-царевичу говорит:

— Какой казнью прикажешь вора-медведя казнить? Огнём спалить? Или живьём сварить? Или только шкуру с него спустить?

Испугался вор-медведь, никакой казни принимать не захотел и зарок дал никогда на этот дуб не лазить.

Отпустил Иван-царевич медведя и велел пчёлам дорогу к роднику потайному показывать.

Полетели пчёлы, полетели клубочком, весёлой тучкой, и привели Ивана-царевича к потайному роднику в густых лопухах. Рядом ковшик лежит. Ворон-советчик и говорит:

— Дай-ка мне, царевич, этой воды ковшичек.

Зачерпнул Иван-царевич светлой воды ковшичек и ворону подал. Тот отпил глоток — заблестели на нём перья чёрной смолой. Отпил ещё — приподнялись плечи, загорелись чёрным пламенем глаза. На сто лет помолодел ворон. И не надо бы больше пить, да молодой ворон ещё отпил... и стал вдруг маленьким воронёнком.

Посмеялся и погоревал Иван-царевич, да делать нечего, надо думать теперь, как живой воды в сухое царство доставить. Оглянулся Иван-царевич, а перед ним не конь стоит, а жеребёнок ножками семенит. Пока он ворона поил да в кубышку воды наливал, конь из родника напился.

Однако тут бранить было некого, а себя неохота. Поймал Иван-царевич жеребёнка, посадил за пазуху воронёнка и пошёл куда глаза глядят, куда ноги идут.

Шёл, шёл Иван-царевич и подумал: «А не бросить ли мне на землю вторую горошину? Ведь теперь мне без коня и советчика хуже некуда».

Бросил Иван-царевич на землю вторую горошину.

И только упала на землю горошина, раздался гром, опустилась чёрная туча. В крошечной тьме завертело, уронило Ивана-царевича, а вскочил на ноги — светло и тихо. Глядит Иван-царевич: стоит он у крыльца, у дворца, в своём городе-столице. За пазухой у него воронёнок пищит, рядом жеребёнок копытцами топчет, в руках — кубышка с живой водой.

А вокруг плач и стон. Народу на площади видимо-невидимо. Кто пришёл, кто приполз, а кого на себе принесли. Чтоб не так страшно помирать было, собрались все вместе. Детишки плачут: умирать не хотят. Старики плачут: детишек жалко.

Спыхватился тут Иван-царевич, поскорей живую воду из кубышки на землю выплеснул. И сразу ударили из-под земли родники, побежали ручьи, потекли реки. Налились до краёв озёра, мигом зазеленели болота.

Все от радости ошалели, кинулись воду пить. Кто ковшом, кто ведром, а кто башку по уши в воду сунул, пузыри пускает.

Помчалась на водопой скотина. Петухи кур на реку зовут, кукарекают.

И все колокола сами собой звонят.

Вошёл Иван-царевич в царские палаты, а там пир горой. Царь со старшими сыновьями и боярами пируют на радостях, что беда страшная миновала. Пьют воду ведрами.

— Эй, Иван! Где ты, дурак, был? — кричат ему братья старшие, умный Алексей и хитрый Евсей.

— Где ты, сын, пропал? — спросил царь строго.

Ничего им не сказал Иван-царевич, а только позволения у отца выпросил оставить себе воронёнка с жеребёнком, пока они не вырастут.

Посмеялись над ним Евсей с Алексеем, его братья хитроумные, да и думать о нём забыли.

А когда стал конём жеребёнок и вороном воронёнок, ускакал Иван-царевич к царь-девице навсегда.

СОЛНЦЕВА СЕСТРА

нашем царстве, русском государстве, в стародавние времена жили-были царь с царицей. И был у них сын Иван-царевич.

Царь всегда ходил туча тучей, а царица вся в слезах, оттого что Иван-царевич немым уродился. Двенадцать лет царевичу, а он ещё ни единого слова не вымолвил.

Вот отправился Иван-царевич раз в царские конюшни к старому конюху сказок послушать. А старый конюх и говорит ему:

— Не до сказок теперь, царевич, не до присказок. Все-му царству пришёл конец. Идёт-бредёт на Русь ведьма Ягишна. Несёт в суме беду неминучую. А поведал о том вещей конь на царском лугу.

Пошёл Иван-царевич во дворец. А туда уж народ бежит, царя спрашивать, скоро ль ведьму ждаты и как беду встречать.

Поклонился Иван-царевич отцу и вдруг сказал словами звонкими, как медь с серебром:

— Дай мне, государь, коня самого лучшего. Я в отъезд пущусь.

Оторопели сначала все, обрадовались: «Экое диво! Немой царевич заговорил!»

Царь взглянул на царевича и нахмурился. Посмотрела царица и потупилась. Поглядели на него люди и глаза отвели. Не по душе всем пришлась такая прыть царевича —

бросать царство на беду неминуемую, самому в отъезд пускаться.

А того никто не знал, не ведал, что у Ивана-царевича на уме.

Приказал царь дать сыну коня самого лучшего и отпустил царевича на все четыре стороны, а народу повелел своею царской волею имя Ивана-царевича позабыть и впредь не выговаривать.

Опечалился Иван-царевич, да делать нечего. Пошёл в царские конюшни выбирать коня. Оглядел он коней всех мастей, а какого выбрать — не знает.

В тёмном углу увидал царевич конишку ледащего. Ростом конишка с козу. Шерсть свалялась, копытца врозь.

Подивился Иван-царевич: «Сроду в царских конюшнях сраму такого не было». Да вдруг заприметил у конишки в глазу искорку.

— Беру этого! — сказал Иван-царевич.

— Быть, царевич, по-твоему! — молвил старый конюх.

И повелел конишку седлать.

А уж слуги бегут, меч и шапку царевичу несут. Но как увидели слуги конишку ледащего, так и покатались со смеху: «Ну и конь!»

Иван-царевич мечом опоясался. Шапку соболиную надел. А как сел на конишку ледащего, ударил конишка о землю копытцами и тотчас в коня небывалого обернулся: из глаз искры летят, из ноздрей дым валит, грива белая морской волной колыхнется!

— Батюшки-светы! — вскричали слуги. — Под царевичем вещей конь!

И никто рта закрыть не успел, как взвился конь с Иваном-царевичем выше облака. Не успел никто глазом моргнуть, а они уж из виду скрылись.

Скакал конь через горы и доли, царевича спрашивал:

— Не страшна ли тебе такая езда?

— Какая это езда! — отвечал Иван-царевич. — Я от скуки в седле уснул.

Скакал вещей конь через реки и пропасти, царевича спрашивал:

— Не страшна ли тебе такая езда?

— Какая это езда! — отвечал Иван-царевич. — Я и поводья бросил.

— Ну, коли так, теперь приказывай, какую тебе службу сослужить, — сказал вещий конь и опустил копыта на холме в чистом поле, в чуждедальной стороне.

Иван-царевич сказал коню:

— Идёт-бредёт на Русь ведьма Ягишна. Несёт в суме беду неминучую. Хочу я злой ведьме дорогу заступить.

Отвечает конь Ивану-царевичу:

— Знай, царевич: у ведьмы Ягишны зубы железные, клюка каменная, нога костяная. Не берёт ведьму ни меч, ни копьё. А как её одолеть, только Солнцева Сестра знает.

— Скачи к Солнцевой Сестре, — приказал Иван-царевич.

Но вещий конь ему так отвечал:

— Нету к Солнцевой Сестре пути конного, богатырского, прямоезжего. К ней идти надо пешему, безоружному, с непокрытой головой. Ты ступай, царевич, дорогу у добрых людей спрашивай. А моя служба впереди.

Иван-царевич с седла долой, шапку оземь, меч наземь. И пошёл с холма.

Долго ли, коротко ли шёл Иван-царевич — увидел избушку в два окошка. Под окошком две старушки. Они шьют, шьют, на Ивана-царевича не глядя, говорят:

— Ладно пеший идёшь, а то мы конского топоту не любим.

— Отчего вы конского топоту не любите? — спросил их Иван-царевич.

Отвечают ему старушки:

— Когда девицами были, набежали лихие всадники, угнали нас на чужую сторонушку. С той поры невзлюбили мы конского топоту. А куда ты, молодец, путь держишь? — спросили старушки Ивана-царевича.

— Иду к Солнцевой Сестре, а пути-дороги не ведаю, — отвечает царевич.

Старушки ему и говорят:

— Вот сундук иголок доломаем, сундук ниток изощьём, тогда и дорогу тебе покажем, а прежде нельзя, не то наша смерть придёт.

Иван-царевич вчуже обрадовался:

— Вам, бабушки, шить да шить, жить да жить! А мне ждать некогда. Идёт-бредёт на Русь ведьма Ягишна. Несёт в суме беду неминучую. Только Солнцева Сестра знает, как ведьму одолеть.

Тут старушки всполошились. Рассыпали иголки, спутали нитки. Застучали перстами Ивану-царевичу в лоб:

— Экий ты бестолковый! Так и надо было сразу сказать! Мы ведь родом из русской сторонушки! Ты ступай скорей туда, откуда ветры дуют солёные. Придёшь к морю синему. И когда солнышко низко будет, покличь: «Солнце-солнце, отвори оконце!» Отворит солнце оконце, из него Солнцева Сестра выглянет. Тут ты у неё и спроси, как ведьму одолеть.

И только последнее слово старушки вымолвили, тотчас рядышком легли и умерли. Поклонился им Иван-царевич и пошёл в ту сторону, откуда ветры дуют солёные.

Много ли, мало ли прошёл Иван-царевич — встретилаь ему на пути дубрава. Миновал Иван-царевич дубраву.

Много ли, мало ли прошёл Иван-царевич — встретились ему на пути горы. Миновал Иван-царевич горы.

Долго ли, скоро ли шёл Иван-царевич, а за солнышком не поспел. Ушло оно за море синее на покой. Сел царевич на берегу. Стал утра ждать, когда солнце из-за моря встанет.

Ждёт-пождёт Иван-царевич да на море глядит.

Дуют с моря ветры солёные, ходят в море волны белогривые.

Месяц ясный над морем ладьёй плывёт.

А как проплыл месяц ясный из конца в конец моря, тут и ночь минула. Взошло солнышко, низко-низко над Иваном-царевичем стало. Встрепенулся царевич и что было силы крикнул:

— Солнце-солнце! Отвори оконце!

Отворило солнце оконце, а из него Солнцева Сестра выглянула. Тут Иван-царевич и сказал ей:

— Злая ведьма на Русь идёт. С бедой неминучей суму несёт. Научи меня, как ведьму одолеть, Русь от беды избавить!

Отвечала Солнцева Сестра :

— А ты потягайся с ней — что перевесит : сума с бедой или кувшин с водой ?

И на шёлковом шнурке спустила кувшин прямо в руки Ивану-царевичу. Кувшин простой, глиняный, в нём невесть какая вода плещется.

— А где Ягишну встречать, где ей путь заступать ? — спросил царевич.

Посмотрела Солнцева Сестра из-под ладони и говорит :

— Да вон она идёт-бредёт, насилу суму несёт. Тут её и встречай.

Глядит Иван-царевич — а солнце уж далеко. Глядит — а ведьма уж близко. Идёт-бредёт злая ведьма Ягишна. Костяной ногой загребаёт. О клюку каменную зубы точит.

Набрела она прямо на Ивана-царевича. Глазами пустыми на него уставилась. Кривым носом туда-сюда повела и говорит :

— Чую, чую русский дух. Знаю, знаю, Иван-царевич стоит. А почто, царевич, у тебя кувшин в руках ?

— Хочу море вычерпать, — отвечает Иван-царевич.

Затряслась, засмеялась Ягишна и опять спрашивает :

— А зачем, царевич, тебе море вычерпывать ?

— Чтoб опять налить его доверху, — отвечает Иван-царевич.

Ещё пуще затряслась, засмеялась ведьма Ягишна. И в сторону бормочет :

— Вижу, вижу, русский царевич глуп, он меня на Русь поведёт, мою суму понесёт !

А царевичу говорит :

— Ступай, царевич, домой. А я пойду за тобой. Да суму мою понеси, я тебе за это пряников дам !

— Не по мне такая ноша, — сказал Иван-царевич. — Больно твоя сума легка.

— А ты попробуй, — сказала Ягишна.

И суму с плеч сняла.

— Нет, сначала давай потягаемся — что перевесит : мой кувшин или твоя сума, — нарочно заупрямился Иван-царевич.

Положил он брёвнышко на камешек. На конец брёв-

нышка ведьма Ягишна суму свою свалила и говорит:

— Если твой кувшин моей сумы не перетянет, ты меня на Русь поведёшь, мою суму понесёшь!

— Ан не бывать, ведьма, по-твоему! — вскричал Иван-царевич.

И поставил кувшин на другой конец брёвнышка.

Кувшин сразу вниз так потянул, что сума с бедой взлетела выше облака. А оттуда в море ухнула. Всколыхнулось море — и нет сумы, как не было.

Взвыла ведьма тогда на весь белый свет:

— Чую, чую, что в кувшине живая вода! Знаю, знаю, кто тебе дал!

Замахнулась злая ведьма клюкой каменной. Хотела кувшин разбить. А Иван-царевич кувшин подхватил — бежать. За ним Ягишна — догонять. Она бежит, ногой костяной загребаёт, приговаривает:

— Забью царевича клюкой до смерти! В сырую землю втопчу его косточки!

И догнала бы злая ведьма Ивана-царевича, да откуда ни возмись очутился перед ним вещий конь. Иван-царевич — в седло, вещий конь — на дыбы и вскачь! Только прах из-под копыт летит, из ноздрей дым валит, из глаз искры сыплются.

А ведьма Ягишна сзади бежит, не отстаёт, приговаривает:

— Догоню, догоню! Затопчу, затопчу! И коня и всадника!

Скачет, скачет Иван-царевич на вещем коне. Видит: возле избушки две старушки мёртвые лежат.

Остановил царевич коня. Выплеснул на них живую воду солнцеву. И вскочили старушки, да не старушками, а красными девицами!

Скакал вещий конь на Русь, через горы и доли перемахивал, Ивана-царевича спрашивал:

— Не страшна ли тебе такая езда?

— Страшна! — отвечал Иван-царевич. — Едва в седле держусь!

Скакал конь через реки и пропасти, Ивана-царевича спрашивал:

— Не страшна ли тебе такая езда?

— Страшна! — отвечал Иван-царевич. — Боюсь повода из рук выпустить.

А через короткое время очутился Иван-царевич на царском лугу. Вещий конь ему сказал:

— Прощай, Иван-царевич! Кончилась моя служба.

И пропал, как не было. Только седло на земле лежит. А сюда уж народ бежит. А над городом-столицей колокольный звон стоит. Как ни скор вещий конь, а добрая весть проворнее. На Руси всем уже было ведомо: осталась ведьма Ягишна за горами, за дубравами, а сума её с бедой неминучей в море сгинула.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И БЕЛЫЙ ПОЛЯНИН

некотором царстве, некотором государстве умер царь, а с ним и царица. Остались после них на царстве три сестры-царевны и царевич Иван. Царевны — красавицы, умницы, а Иван-царевич и того лучше. Да только робок он был и поспать любил.

Вот узнали соседние короли, что царь умер, и пошли на Ивана-царевича войной.

Испугался Иван-царевич, прибежал к сёстрам.

— Что мне делать? — спрашивает. — Все короли поднялись на меня войной. Царь Рамзай к столице с войском подходит.

А сёстры-красавицы ему говорят:

— Чего ты испугался? Вон Белый Полянин тридцать лет с Бабой Ягой золотой ногой воюет! Он с коня не слезает, а ты с кровати.

И принялись царевны над Иваном-царевичем смеяться. Рассердился Иван-царевич, созывает своё войско велел. Вот надел он на себя кольчугу и шишак, взял меч тяжёлый, взял копьё долгомерное, сел на коня могучего. А тут и дружина боевая в сборе. Славу кричат Ивану-царевичу, радуются, что не оробел он перед неприятелем.

Прозвенела труба серебряная, отворились ворота,

и вышло из города войско Ивана-царевича, врагу навстречу.

Прозвенела труба серебряная во второй раз. Началась жестокая битва.

Иван-царевич не столько мечом рубит, сколько конём топчет. Не успело вражеское войско опомниться, как всё полегло.

Прозвенела труба серебряная в третий раз. Окончилась славная битва.

Вернулся с войском Иван-царевич в город-столицу, а там к празднику всё готово. Быки с баранами целиком зажарены. Поставлены столы на площади. Бочки с мёдом хмельным сами из погребов выкатились. Собрался пировать весь честной народ! Ни пройти, ни проехать. Пришлось воинам-дружинникам прямо с сёдел — и за столы. То-то праздник был. Да и то сказать: как победе над врагом не радоваться?!

Только Иван-царевич ничего не видал. Он в своей царской спальне спал. И проспал без просыпу четверо суток. А на пятые сутки худая весть пришла. Собрали короли соседние войско больше прежнего и опять идут войной на Ивана-царевича.

Опечалился Иван-царевич, опять пошёл к царевнам, горько им жалуется.

— Короли соседние снова на нас войной идут. Что мне, сестрицы, делать?

— Какой же ты воин? — принялись над ним царевны смеяться. — Один день воевал, четверо суток спал. Вон Белый Полянин с Бабой Ягой золотой ногой тридцать лет воюет, с коня не слезает, отдыха не знает.

Ушёл Иван-царевич от сестёр сердитый. Приказал свою дружину богатырскую к бою звать. А сам доспехи боевые надел, взял тяжёлый меч и долгомерное копьё, на коня могучего сел, поскакал впереди войска врагу навстречу.

То не ясен сокол налетает на стаю гусей-лебедей. Нападает Иван-царевич на вражье войско. Не столько копьём колет, сколько конём топчет.

Вот и опять звенит труба серебряная, поёт победу. Кричат храбрые воины Ивану-царевичу славу. А как домой

царевич вернулся — сразу спать. И проспал непробудно шесть суток кряду.

Однако седьмые сутки спать не пришлось. Разбудили его сёстры-царевны и говорят:

— Иди, братец, воевать! Иноземные короли втрое больше прежнего войско привели. Под стенами столицы стоят!

Иван-царевич и так и сяк, и на тот бок и на другой переворачивается, отговаривается:

— Может, как-нибудь обойдётся? От королей откупимся, лишний раз поклонимся...

Но сёстры-царевны не соглашаются, над Иваном-царевичем смеются:

— Вот не слышит тебя Белый Полянин! Вот бы он над тобой потешился!

Рассердился, разобиделся Иван-царевич на сестёр-царевен и отправился воевать. Он и в этот раз королей победил и мир с ними заключил на вечные времена.

После сражения захотел Иван-царевич завалиться спать на двенадцать дней, а ему и часу не спалось. Всё Белый Полянин на уме. Как это он тридцать лет с Бабой Ягой воюет, тридцать лет с коня не слезает, отдыха не знает?

С боку на бок Иван-царевич переворачивается, а сна нет как нет.

Прибежал тогда Иван-царевич к сёстрам и говорит:

— Я поеду на Белого Полянина поглядеть!

— Давно бы так! — обрадовались царевны.

Вот поехал Иван-царевич в чужие страны, Белого Полянина искать.

Едет он и день и два. Да где ни остановится, у кого ни спросит — все про Белого Полянина слышали, а видеть не видали. И где он воюет, никто не знал.

Долго ли, коротко ли ездил Иван-царевич, а только как-то заехал в тёмный лес. Видит он: избушка стоит. В ней стар человек живёт.

Иван-царевич вошёл к нему и говорит:

— Здравствуй, дедушка!

Стар человек ему отвечает:

— Здравствуй, русский царевич! Куда путь держишь?

— Белого Полянина ищу. Все про него слышали, а никто не видал. Может, ты, дедушка, к нему путь укажешь?

А стар человек Ивану-царевичу отвечает:

— Белый Полянин с Бабой Ягой воюет. А где у них война идёт, мы сейчас спросим.

Стар человек на крылечко выступил, на дудочке неслышно заиграл.

Налетело со всех сторон птиц перелётных видимо-невидимо.

И ещё летят. В небе от них черно, в поле темно. Тут и утки с куликами, и журавли с цаплями, скворцы, грачи, ласточки.

— Эй вы, птицы перелётные, не видал ли кто, не слышал ли чего про Белого Полянина?

— Мы видом не видали и слыхом не слышали,— ответили птицы перелётные.

— Ну, царевич, я тебе не помог — старший брат мой поможет. Вот тебе клубочек, пусти клубочек перед собой. Куда он покатится — туда и ты за ним,— сказал стар человек.

Иван-царевич ему поклонился, птицам шапкой помаhal. Взял клубок, пустил его впереди себя.

Едет, едет Иван-царевич, а лес всё глуше. Едет, едет, а он всё темней. Выкатился клубок на поляну, а на ней избушка стоит. На крылечке старик сидит, седой как лунь. Борода белая от глаз до полу.

— Здравствуй, дедушка! — сказал Иван-царевич.

— Здравствуй, русский царевич! Куда путь держишь? — ответил старичок.

— Ищу Белого Полянина, а найти не могу. Укажи к нему дорогу, дедушка!

— Белый Полянин с Бабой Ягой золотой ногой воюет. А где у них война идёт, сейчас спросим.

Вынул старичок из-за пазухи дудочку и на дудочке неслышно заиграл.

Тут откуда ни возмись набежало зверё всякое. Олени рогами трясут, волки зубами щёлкают, лисы хвостами метут, зайцы ушами прыдут. Собралось их тут видимо-невидимо.

димо. За мышами ежей не видно. За лягушками медведей не видать. И ещё бегут.

Старичок их спрашивает:

— Эй, вы, звери большие и малые! Не видал ли кто, не слышал ли чего про Белого Полянина?

— Видом не видали, слыхом не слышали! — ответили звери.

— А ну, меж собой рассчитайтесь! — приказал старичок. — Может, не все пришли?

Рассчитались звери меж собой — нет кривой волчицы. Побежали за ней, привели.

— Ты чего, матушка, на зов не идёшь, гонцов к себе ждёшь? — сказал старичок строго.

А кривая волчица ему в ответ:

— Я на поле бранном была. Громко там кони ржут и мечи звенят. Я твоего зова не расслышала.

— А кто на том поле бьётся? — спросил старичок.

— Войско Белого Полянина с войском Бабы Яги золотой ноги, — ответила кривая волчица.

— Отведи царевича к Белому Полянину, — приказал старичок волчице.

Иван-царевич старому старичку поклонился, зверям шапкой помахал и поехал. Кривая волчица впереди бежит, конь за ней следом ступает.

Вот приехал Иван-царевич на бранное поле. Видит: лежат воины убитые, над ними вороны вьются. А кто кого победил — неведомо.

— Никто никого победить не может, — сказала кривая волчица. — Всякий раз оба войска костями ложатся до последнего воина.

— А Белый Полянин где? — спросил Иван-царевич.

— Поехал новое войско к утру собирать.

— А Баба Яга где? — спросил Иван-царевич.

— Здесь её нет, простыл и след, — отвечает волчица. — Ушла злой воды напиться, силы набраться, пока мастера ей новое войско делают.

Захотелось Ивану-царевичу поглядеть, откуда Баба Яга войско себе берёт. Привела его кривая волчица к яме, а сама убежала волчьей стаей на пир звать.

Полез Иван-царевич в яму. Там ему открылся подземный дом.

Видит Иван-царевич: за решёткой на семистах столах в семь рядов портные сидят.

— Что, портные, шьёте? — спросил Иван-царевич.

А они отвечают:

— Для Бабы Яги золотой ноги войско шьём!

— Как это вы его шьёте? — спрашивает Иван-царевич.

— Так вот и шьём: что кольнём иглою — то и готов человечек тряпочный. Потом на солнышко вынесем — станут они настоящими воинами, с мечом, щитом, с медной шапкой на башке.

Подивился Иван-царевич и говорит:

— Скажите, люди добрые, мастера великие, а нельзя ли воинов в человечков тряпочных обратить?

— Отчего нельзя? Можно! — отвечают мастера. — Они живы до первого дождичка. А как под дождик попадут, снова станут тряпочными. Баба Яга это не знает, а ты знай.

Пошёл Иван-царевич дальше.

Видит: за железной решёткой сидят в семь рядов семьсот гончаров и глину месят.

— Вы что, почтенные мастера, делаете? — спрашивает их Иван-царевич.

— Мы коней для войска Бабы Яги золотой ноги лепим, — отвечают ему гончары.

— Как же это вы коней из глины лепите? — спрашивает Иван-царевич.

— А так и лепим: глину хлоп, по глине шлёп — и готова лошадка глиняная. Потом, как на солнце вынесем, станут они конями настоящими.

— А нельзя ли этих коней опять в глиняных лошадок обратить? — спросил Иван-царевич.

— Отчего нельзя? Эти кони до первого дождичка. Только Баба Яга об этом не знает, а ты знай.

— Где таких мастеров себе Баба Яга нашла? — удивился Иван-царевич.

— А мы со всего света собраны. Мы у неё должники, — отвечают гончары.

— А не хотите ли, мастера, на волю из подземелья выйти, по своим домам разойтись?

— Где там! — махнули рукой мастера. — Мы за решёткой сидим. А выход на белый свет Баба Яга караулит.

Иван-царевич тогда и говорит гончарам:

— Бабы Яги нет, простыл её след. Возьмитесь-ка за решётку да дёрните разом.

Захотелось гончарам узнать, что из этого выйдет. Взялись каждый одной рукой за решётку и дёрнули в семьсот рук. И напрочь решётку выдернули. Побежали гончары к портным показывать, как надо решётки железные ломать.

Иван-царевич спросил мастеров, много ли войска они Бабе Яге изготовили:

Те ответили:

— Сорок сороков больших коробов воинов тряпочных да столько же и конишек глиняных.

— Выносите их на солнышко, — велел Иван-царевич мастерам, — да бегите прочь по домам. А я к Белому Полянину поскачу.

Тем временем Баба Яга золотая нога злой воды напилась, силы набралась, к подземелью бежит. Увидела войско — обрадовалась. Приказала войску на Белого Полянина ударить.

А Иван-царевич к Белому Полянину прискакал и говорит:

— Про тебя, Белый Полянин, земля слухом полнится. Правда ли, что ты тридцать лет отдыха не знаешь, с коня не слезаешь?

— Правда, — отвечает Белый Полянин.

— А за что ты с Бабой Ягой золотой ногой воюешь?

Отвечает Белый Полянин Ивану-царевичу:

— Жили здешние люди по чести, по совести. Пришла Баба Яга, стала торговать. Взяла должников в кабалу. Хочу я Бабу Ягу одолеть, людей из кабалы вызволить.

— Тогда послушай, Белый Полянин, моего совета. Отведи своё войско за речку. А что дальше будет, сам увидишь.

Взглянул на русского царевича Белый Полянин и раз

и два недоверчиво, а взглянул в третий раз — и поверил.

Что к чему Ивана-царевича расспрашивать не стал, приказал войску своему отойти за речку.

А войско Бабы Яги надвигается. Мечами о щиты гремит — за сто вёрст слышно. Грозные клики выкликает — мёртвые от страха дрожат.

Махнула Баба Яга костяной рукой, притопнула золотой ногой. И пошли войска вброд через речку.

Да только ступили кони в воду — размыло их волной. Намочило воинов водой, обернулись они опять в человечков тряпочных, намокли и потонули.

Кинулась Баба Яга в реку своё войско спасать, из воды вытаскивать, да забыла, что у неё нога литая, золотая, тяжёлая. Чуть было не утонула Баба Яга золотая нога в реке, на силу выбралась, убежала вся мокрая.

После того распрощались Иван-царевич с Белым Полянином и разъехались по своим землям, впредь назвавшись братьями. А Баба Яга золотая нога по свету рыщет, мастеров-должников ищет. Да где там! Все мастера от неё прячутся, никто больше в кабалу не даётся.

Сказки
про Ваньку

Рисунки
С. МОЖАЕВОЙ

ВАНЬКА

Было это в стародавние времена, никто не помнит, когда. Жили отец с матерью, и был у них сын Ванька.

Отец в поле работает — Ванька помогает. Отец в лес по дрова — и Ванька с ним. Ничего не скажешь, хороший сын.

Да вот только никак отец с матерью женить Ваньку не могли. Какую девицу Ваньке ни покажут — всё не по нём. У той коса тонка. Та сама толста. У этой нос курнос. У той под носом мокро.

Вот однажды отец говорит:

— Какой-то леший горох у нас повадился воровать! Ступай, Ванька, ночью горох караулить.

Ванька слова лишнего не сказал, сыромятных ремней взял, пошёл горох караулить.

Вот спрятался Ванька в горохах и лежит-полёживает.

Стало солнышко клониться красное. Ванька думает:

«Вот бы мне невесту светлу, как солнышко». — Взошёл ясный месяц на небо. — «И чтоб месяц в косе блестел». — Зажглись в небе звёзды. — «А глаза у неё, как звёзды, бы сияли». — Ветерок Ванькины кудри тронул. — «И чтоб ласкова была, как ветерок». — Запел в роще соловей. Ванька думает: «И чтоб пела соловушкой».

Ванька спал не спал — наяву грезил. Да вдруг — чу! Кто-то в горохах шевелится. Привстал Ванька, видит: мужик не мужик, старик не старик сидит и сладко чмокает.

Подкрался Ванька, петлю ремённую кинул да и связал вора по рукам и ногам. Глядит Ванька: башка у вора рогатая, морда весёлая, глаза озорные, борода и усы травяные, брови моховые. А из рук и ног ветки с листьями растут.

«И впрямь Леший! — думает Ванька. — Нечаянно отец правду сказал».

— Ты зачем, Леший, горох воруюешь? — напустился Ванька на Лешего.

А Леший и говорит:

— Люблю я, Ванька, горох пуще ягоды малины, пуще чёрной смородины. Неужто тебе гороху жалко?

— А ты не воруй, — отвечает Ванька. — Попроси у людей честь по чести.

— Нельзя мне на люди показываться! — вскричал Леший. — Люди глупы, меня испугаются.

— И то правда, — согласился Ванька. — Испугаются.

— Ты меня, Ванюша, отпусти! — взмолился Леший. — А я тебе службу сослужу. Сказывай, какая у тебя забота.

— У меня одна забота. Мне жениться велют, а я не хочу, — отвечает Ванька.

— Отчего же ты, Ванюша, жениться не хочешь? — спрашивает Леший.

— Наши девки нехороши, — отвечает Ванька. — У одной коса тонка. Та сама толста. У этой нос курнос. У той под носом мокро.

— А какую тебе невесту надо? — спрашивает Леший. Ванька и говорит:

— Чтоб светла была, как солнышко. Глаза бы звезда-

ми сияли, в косе месяц блестел. И чтоб ласкова была, как ветерок. И чтоб пела соловушкой.

— Знаю такую девицу! — вскричал Леший. — Только ты меня развяжи и на волю отпусти! А то не скажу.

Ванька Лешего развязал, а Леший и говорит:

— У царя дочка есть. Светла, как солнышко. Голосиста, как соловушка. В косе месяц блестит. Глаза звёздами сияют. И ласкова, как ветерок. Ступай сватайся!

— Да ты что, Леший! Смеяться надо мной вздумал? — рассердился Ванька. — Где это видано, чтоб крестьянский сын царевну сватал?

А Леший и говорит:

— Видано не видано, а будет по-нашему. Только ты меня слушайся. Иди сейчас в столицу. Узнай, какая у царя забота. А как узнаешь, приходи ночью в лес, об пенёк постучи, меня покричи. Я тебя научу, чего дальше делать.

Ухватил Леший напоследок ещё гороху и убежал. А Ванька домой отправился. Дома у Ваньки с отцом-матерью разговор:

— Куда собрался?

— В столицу.

— Зачем?

— Жениться.

— Мало девок на деревне?

— Хочу на царевне!

Отец с матерью руками развели: «Ну и ну! Ну и Ванька!» Пришёл Ванька в столицу. На площади потолкался. Узнал, какая у царя забота. А ночью в лес пошёл, о пенёк постучал, Лешего покричал.

Он тут как тут.

Ванька Лешему говорит:

— Вот какая у царя забота: надо ему с Идолицем воевать. Идолице поганое из-за моря ползёт, скот и людей грызёт. Обещает царь дочку выдать за того, кто Идолице одолеет. А взялся Идолице поганое одолеть воевода Подскокович. Ему и царевна достанется.

Леший хохотнул и говорит:

— Ну, это мы ещё поглядим, кто Идолице одолеет, кто на царевне женится! Входи, Ванюша, в избу.

Глянул Ванька: на месте пня — избушка. Вошли в избу. Там нет ничего, только пенёк да пенёк. Да гнилушки в углу светятся.

Усадил Леший Ваньку, поставил бочонок дубовый с ковшом берестяным и говорит:

— Испей, Ванюшка, мёду богатырского.

Нацедил Ванька ковш, выпил. Леший и говорит:

— Много ли, Ванюша, в себе силы почувствовал?

А Ванька такую вдруг силу в себе почувствовал, что сказал не соврал:

— Да если б палица была в пятьдесят пудов, я бы её выше дерева подкинул!

— Тогда испей ещё ковшичек, — сказал Леший.

Нацедил Ванька ещё ковшичек, выпил.

Леший опять его спрашивает:

— А теперь много ли силы в себе чувствуешь?

Ванька силу такую в себе почувствовал, что сказал не соврал:

— Если бы палицу в сто пудов, я бы её выше облака подкинул.

— Пожалуй, хватит, — сказал Леший. — Ступай за мной!

Вышли Ванька с Лешим наружу. Леший свистнул раз — лежит палица в сто пудов. Свистнул два — стоит конь вороной. Свистнул в третий раз — в руках у Ваньки зеркальце.

— А зеркальце зачем? — удивился Ванька.

— Подари его царевне, — сказал Леший. — Зеркальце не простое, в него всё на свете видать. А теперь, Ванюша, скажи к воеводе, просись в поход. Да на вот тебе моху горсть. Небось пригодится!

Ванька зеркальце за пазуху спрятал, поднял палицу в сто пудов и на коня вороного вскочил. Оглянулся Ванька — нет ни Лешего, ни избы. Только тёмный лес стоит, да где-то филин кричит.

В столице Ванька первым делом в царский сад забрался на царевну поглядеть, зеркальце ей подарить. Вот дождался он, вышла утром царевна погулять. Глядит Ванька: Леший правду сказал. Светла царевна, как солнышко,

глаза звёздами сияют, блестит месяц под косою. Распевает царевна соловушкой, а ласкова, нет ли — откуда знать?

Не посмел Ванька с царевной заговорить. Подкинул зеркальце на тропиночку. И как только царевна зеркальце увидела, подняла — Ванька со всех ног из сада бежать, да на коня, да вскачь. Прямо на двор к воеводе, в поход проситься.

Воевода Подскокович войско собрал превеликое. Пешее и конное. Ваньке по его крестьянскому виду велел позади всех встать.

Вот шло войско и день, и два, а на третий с Идолищем встретилось. Ползёт Идолище поганое. Позади хвост на семь вёрст тянет. Впереди семь голов несёт. Где лапой Идолище ступит — яма. Где брюхо проволочит — ров. Из ноздрей пламя пышет, с алых языков горючей смолой слюни текут.

Не знает воевода, как к Идолищу поганому подступиться. Поставил конных воинов впереди, пеших сзади. Идолище на войско двигается, не боится. Поставил пеших впереди, конных позади. Идолище не страшится, надвигается. Того и гляди войску смерть.

Подползло Идолище близко да как взревёт!

От такого рёву неслыханного присели кони. Попадали пешие воины.

Тут Ванька поскорей моху в уши натолкал и вперёд выехал. Взревело Идолище поганое во второй раз. Затряслась земля, и покатилося войско кувырком. А воевода Подскокович в страхе на берёзу подскочил и сидит там ни жив ни мёртв.

А Ваньке хоть бы что! Не слышать ему рёва Идолищева. Не страшится, не пятится конь вороной. Ванька Идолище кругом объехал да и вскочил ему на хвост, а оттуда на спину. Да как хватил Идолище поганое по башке стопудовой палицей!

Сникла одна Идолищева голова. Угас огонь. Не валит из пасти дым. А Ванька стопудовой палицей ударил по другой меж глаз — они и выкатились.

— Это кто-о меня-я та-ак! — взвыло Идолище.

— Это Иванище тебя так! — вскричал Ванька.

Да по башкам, по башкам стопудовой палицей!

И так и сяк Идолище поганое головами ворочает — не может достать Ваньку со спины.

А когда от семи голов одна осталась, взревело Идолище:

— Пощади меня, Иванище! Я вспять пойду!

— Ан нет же, Идолище поганое! — отвечает Ванька. — Сейчас ты вспять, а потом опять?

И ударил стопудовой палицей в последний раз. Тут из Идолища и дух вон.

Съехал Ванька с Идолища, воеводу спрашивает:

— Ты зачем, воевода, на берёзу влез?

— Поглядеть, не идёт ли ещё какой враг! — отвечает воевода Подскокович.

Спустился воевода, приказал Ваньке с коня слезть и на берёзу влезть. Да строго-настрого велел не слезать, пока смену не пришлют. А сам на Ванькиного коня вороного вскочил и к войску поскакал.

— Я один на один Идолище победил! — сказал воевода войску. — Кричите мне славу!

— Слава, слава воеводе Подскоковичу! — вскричало войско.

Издали-то не видно было, кто Идолище одолел, кто на берёзе сидел. А только того никто не знал, не ведал, что всё то время смотрела царевна в зеркальце. И царю с боярами давала поглядеть. И все-то видели, как сражение с Идолищем семиглавым шло.

Однако от царя указ был к свадьбе готовиться. Да только жених не назван. Вот вышел царь с царевной и боярами на красное крыльцо воеводу Подскоковича встречать. И лишь воевода коня у красного крыльца остановил, обернулся конь вороной в козла рогатого, бородатого.

Что тут было народу, бояр, слуг и стражи — так все и обмерли. А как опамятовались — за животы схватились: «Ну и конь под воеводой!»

А воевода Подскокович, что и думать, не знает. От стыда и страха ни жив ни мёртв на козле сидит.

Царь сказал:

— За службу тебе, воевода, спасибо. А за плутню вот

тебе моя воля: скачи на козле к берёзе. Вели Ивану-воину с берёзы слезть, а сам на берёзу влезь. И сиди там, пока не позову!

Делать нечего. Царя послушаться — головы лишиться. Поехал воевода Подскокович на козле. Козёл подпрыгивает, воевода на нём подскакивает. Все встречные-поперечные пальцами на него показывают, от козла носы отворачивают. Пока воевода доехал, все косточки порастряс. А уж сраму, сраму натерпелся — не избыть!

Под берёзой воевода с козла долой и кричит:

— Скорей слезай, Ванька! Смена тебе пришла!

Слез Ванька и спрашивает:

— А где, воевода, мой конь?

Тут козёл рогатый мигом в коня вороного обернулся. Ванька в седло — и вскачь. И через время короткое очутился в царском дворце. А там уж к свадьбе всё готово. Царевна ждёт его не дождётся, невестой убрана. Ванькины отец с матерью за столом сидят, на свадьбу званы.

Потом был пир на весь мир. Что мёду хмельного было выпито! Что гусей-лебедей жареных съедено!

А когда Ванька сам царём стал — первым делом указ издал: мужикам горох не караулить и на потраву не жаловаться.

ВАНЬКА-ЦАРЬ

Жил-был Ванька Удалец, русский молодец. Довелось ему однажды поцарствовать. А только он не захотел. Не по душе пришлось ему царствовать на Руси.

Захотелось чихнуть — князья уж платочек подают. Захотелось плюнуть — бояре лысины свои подставляют. «Плюй, мол, государь — это нам в честь». Захотелось рассмеяться — а уж все дворяне со смеху покатываются. Мастера царскую прихоть угадывать!

А тут как раз царица молодая, Ванькина жена, стала бровки хмурить, губки тонкие поджимать. Не нравилось ей, что Ванька-царь с людьми прост. То отдаст мужикам царские покосы, то мир с соседним королём заключит на

вечные времена. «А короля этого надобно воевать. Потому что он слабый. Только дурак слабого соседа не бьёт», — так бояре-дворяне разумели. Не по-Ванькиному.

Ну, Ванька и говорит:

— Разве это порядок, когда мужики без земли, а царь без души? Не желаю эдак жить. Царствуйте тут без меня! И ушёл.

Только с отцом-матерью забежал проститься. Пошёл у них такой разговор.

— Ты куда?

— Куда глаза глядят!

— А царствовать?

— Была бы лужа — свинья найдётся.

— А жена?

— Нелюба.

— Пошто?

— У неё губы тонки, брови хмуры, глаза колючи.

— А где твои глаза были, когда женился? Такой-сякой! Сухой-немазанный! — напустились было на него старики.

— Э! — ответил им Ванька. — Тогда меня леший попутал.

Старики только руками развели. Что тут делать будешь? На всё у Ваньки ответ. Ну и Ванька!

Вот идёт Ванька по дороге, есть захотел. Эх, думает, чем хорошо царское житьё — всегда щи горячие!

Пришёл он на боярский двор, хотел было приказать подавать того, сего, этого. Да вовремя вспомнил, что он теперь не царь вовсе, а утопленник. Ванька, как из царства бежать — шапку, сапоги и кафтан раззолоченный на берегу реки оставил. Мол, осерчал царь на подданных да и утопился от царской досады.

А сам Ванька в простую одежонку вырядился. Попробуй найди царя в народе!

Однако как теперь быть, как еду раздобыть? Ванька не знает. Думает.

Вот подошёл он к свинье, что посреди двора в луже хрюкала, и стал перед ней на колени. Стоит Ванька перед свиньёй на коленях и кланяется в землю.

Боярыня из окна увидала и со смеху чуть здоровья не лишилась. А как пришла в себя — послала девушек узнать, чего это парень свинье кланяется.

Прислужницы прибежали, Ваньку спрашивают:

— Ты чего это перед свиньёй на коленях стоишь?

— Зачем свинье кланяешься?

— Да вишь, свинья-то ваша пестра моей жене сестра. А у меня брат старший женится, так на свадьбу зову. Спросите вашу барыню, не отпустит ли она свинью с деточками на братнину свадьбу?

Боярыня девушек-прислужниц выслушала да и говорит:

— Какой дурак! Просит свинью на свадьбу, да ещё с поросятами. Вот мой супруг-боярин посмеётся, как приедет!

И приказала, чтоб смешней было, нарядить свинью с поросятами в парчовые платья да подать телегу об двух конь.

Вот вернулся боярин из царского дворца туча-тучей. А боярыня ему:

— Ах, ах! Свет мой, дорогой муженёк! Какую я тебе потеху приготовила! Сейчас поедем смотреть, как наша свинья на свадьбе у мужиков гуляет.

А боярин ей в ответ:

— Экая ты дурища! Всё веселье на уме, а того не знаешь, что наш царь Иван в реке утопился.

Боярыня от такой новости забыла и про парня смешного, и про платья парчовые, и про телегу золочёную. И про свинью со всеми поросятами. Не до них!

А Ванька, не будь дурак, сбыл всё купцам за хорошие деньги, по сходной цене, выпил в меру, поел вволю и пошёл дальше.

ВАНЬКА, МУЖИК И СЕМЬ РАЗБОЙНИКОВ

Жил-был один крестьянин. Жил он бедно, а детей у него было много. И все есть хотят.

Вот однажды зашёл к нему Ванька воды испить. Слово за слово разговорились, мужик ему про своё житьё горькое и рассказал. А Ванька тогда и говорит мужику:

— Возьми-ка ты у меня триста рублей. Попробуй на них разжиться.

Мужик от удивления глаза вытаращил. Сроду столько денег не видывал.

— А как на чужие деньги разжиться? — спрашивает мужик. — Ведь тебе их отдать надо?

— Надо, — отвечает Ванька. — А ты, пока я с тебя де-

нег не спрашиваю, ступай на базар. Там купи что ни есть подешевле, а продай подороже. И снова так.

— Нет,— сказал мужик.— Это дело не крестьянское — купить подешевле, продать подороже. Буду я лучше по-прежнему землю пахать, хлеб сеять. Авось с голоду не помру.

Вот надумал Ванька у мужика этого пожить. Живёт и день, и два, и месяц, и другой. И что надо по двору, делает, и что надо в поле. Соскучился Ванька по крестьянской работе. Так и ломит! Так и ломит!

А однажды поехал Ванька в лес по жёлуди. Много желудей натряс, да выехать из лесу не успел. Наступила ночь.

«Где бы переночевать безопасней?» — думает Ванька. И придумал. Залез он на старую ель, улёгся на разлапистых ветках и уснул. Да вдруг слышит — под елью люди разговаривают:

— Полон тайник мы, братцы-разбойнички, натаскали. И серебра, и золота. Меха и бархатов! Складывать некуда.

— Авось найдётся ещё местечко. Куда с добром по лесу мыкаться?

Потом один басовитый говорит:

— Дверцы, дверцы, отворитесь!

Ванька глянул вниз, а под елью разбойники. Ванька их счёл, было их семеро. Дверцы под елью открылись, разбойники в дверцы не пошли, только мешки большие туда втиснули.

И опять басовитый сказал:

— Дверцы, дверцы, затворитесь!

Дверцы затворились, и разбойники ушли. А Ванька ещё поспал, сны досмотрел и утром, на заре, как с ели спустился, тотчас проговорил заветные слова:

— Дверцы, дверцы, отворитесь.

Отворились дверцы. Принялся Ванька жёлуди из мешков высыпать, разбойничьим добром набивать. И серебром и золотом. И мехами и бархатами.

Потом сказал:

— Дверцы, дверцы, затворитесь.

Дверцы затворились. Ванька сел и домой поехал. Вот приехал он во двор к мужику и говорит ему: — Помогай, мужик, таскать!

Тот к мешкам кинулся, да глядит: вроде бы и не жёлуди в них... Заглянул в один — и ахнул. В другой заглянул — чуть рассудка не лишился.

Ну, Ванька сначала нарочно и сам поахал. Ах, мол, отчего это жёлуди в сокровища превратились? А потом всё, как есть, мужику рассказал и строго-настрого наказал: никому про тайник не говорить.

Вот зажил мужик, как сроду не жывал, — сытно. И всё было бы хорошо, всё было бы ладно. Да только узнал про такое мужиково житьё его брат родной. А был он богатым, жил в соседнем городе.

Пока мужик бедствовал, богатый брата-бедняка знать не хотел. А тут на-ко — не утерпел, приехал. И сразу с расспросами. Как да что? Да каким это чудом ты, братец мой, разжился?

Мужик сначала крепился, Ванькин наказ помнил. А как выпил чарку, другую, да третью хмельного вина — на радостях развязался у мужика язык, всё он брату и выложил.

И про Ваньку, захожего человека, рассказал, и про ель старую с дверцами, и про заветные слова: «Дверцы, дверцы, отворитесь».

Брат-богатый дальше и слушать не стал. Покатил поскорей в лес, отыскал старую ель и сказал заветные слова.

Дверцы мигом отворились. Принялся богатый таскать разбойничье добро в телегу. Его в тайнике ещё много оставалось.

Натаскал богатый добра целый воз, и всё ему мало кажется. Накидал воз с верхом. А всё кажется мало. Бегал он, бегал вокруг воза, думал: «Куда бы ещё пёрышко павлинье положить?» А тут уж и к вечеру дело. Только было богатый ехать, а тут семеро с бородами, с острыми топорами пожаловали.

— А! — кричат. — Вот он, который наше добро, не спросясь, берёт!

Схватили богатея и ну трясти, пока душу из тела не вы-

трясли. Потом добро к себе в тайник снесли, а богатея мёртвого в его телегу положили и нахлестали лошадь.

Вот проснулся мужик, похмельная голова, глядит: стоит на дворе лошадь брата-богатея, а он сам в телеге мёртвый лежит.

С тех пор научился мужик молчать и разучился вино пить ни с горя, ни с радости. А Ванька про всё это и не знает. Ни разу в те края не захаживал.

ДЕМЬЯН И ВАНЬКА

Жил в одной деревне мужик богатый — Демьян. Но был этот мужик с придурью. А придурь его такая: любил Демьян оплеухи направо-налево раздавать.

Зуботычины, затрешины, по шеям и в ухо съездить — это для него первое удовольствие. Ни с чем не считался Демьян, лишь бы доставить себе такое удовольствие.

И в судах судился, и штрафы немалые платил, и бит бывал не единожды, а всё от своей дури отстать не мог. Только и глядел, кого бы побить.

Вот прослышал про этого мужика Ванька, и взяла его охота на драчуна поглядеть. Уговорил Ванька знакомого поехать к драчуну в гости. Только наперёд уговорились: Ванька немым и глухим прикинется.

Ладно. Вот приехали они к Демьяну, а тот и рад — руки заранее потирает, на обоих поглядывает. Велит за стол садиться.

Ванька стоит молчит, а знакомый его было отговариваться: что, мол, ты, Демьянушка, беспокоишься?

А Демьян ему за это оплеуху влепил и говорит:

— В чужом доме хозяина слушай.

Тому делать нечего, сел за стол. Ваньку подле себя посадил, хозяину говорит:

— Ты с него не взыщи, Демьян, он глухонемой.

А Демьян бац мужику вторую затрещину. И приговаривает:

— Не учи в чужом доме хозяина. Сам вижу, что глухонемой.

Стал хозяин хлеб резать. Чересчур много нарезал. Мужик Демьяну и говорит:

— Куда ты, Демьянушка, столько хлеба режешь?

Демьян тотчас мужика по уху:

— Не указывай в чужом доме!

Мужик не рад себе. Что ни спросит, что ни скажет — за всё бьёт его Демьян и приговаривает:

— Не перечь! В чужом доме хозяина слушай.

Вот уехали, наконец, мужик с Ванькой от Демьяна. Мужик и говорит:

— Больше я к Демьяну ни ногой.

А Ванька смеётся:

— Нет, брат. Я к нему завтра же поеду. Надо Демьяна-драчуна проучить.

И на другой же день Ванька к Демьяну на двор.

— Здравствуй,— говорит,— хозяин любезный. Я чудом выздоровел. И говорить говорю и слышать слышу.

Демьян обрадовался. «Ну,— думает,—сейчас душеньку потешу!»

— Милости просим! Милости просим! — зазывает Ваньку в избу.

Посадил Демьян Ваньку за стол, велит жене Ваньке кланяться, а сам и то и другое Ваньке подаёт. Вина в чарку подливает.

А Ванька знай ест и пьёт, ни в чём Демьяну не пе-

речит, ни о чём не спрашивает. Не за что его бить!

Тогда Демьян на уловки хитрые пошёл. Выносит самое своё лучшее платье и обувь.

— Снимай,— говорит,— своё. Надевай вот то и вот это.

А сам думает: «Ну, как только начнёт отпираться, засовестится, я его тут и поколочу».

А Ванька знай себе хозяина слушается, оделся во всё его лучшее, помалкивает. Демьян как ни бился — ни в чём ему гость не перечит.

Наконец вывел хорошую лошадь во двор, оседлал её в лучшее седло, уздечку дорогую надел, говорит Ваньке:

— Бери!

Думал, Ванька что-нибудь скажет, за что треснуть его можно будет, придравшись. Только Ванька ни гу-гу. Сел в седло — и был таков!

Демьян-драчун только руками всплеснул.

— Ну,— говорит,— видно, нашла коса на камень. И дурак же я!

С тем и в избу ушёл.

Говорят, теперь Демьян не дерётся. Пропала у него к тому охота.

ВОР

Идёт Ванька день, идёт два. На краю одной деревни увидел избушку, хуже которой нет. Покосилась ветхая избёнка, будто старая старушка пригорюнилась. Окошко тряпьем заткнуто, с крыши солома сдёргана. И дверь висит на одной петле.

«Эк плохо живут»,— подумал Ванька и в избушку заглянул.

А там жил старый старичок, недавний вдовец.

Вот ему Ванька и говорит:

— Пошто, дедушка, плохо живёшь?

Старый старичок и говорит:

— Да я бы жил-поживал, кабы не баринов немец-управляющий. Жадный, дьявол, обобрал начисто. А старуху на барщине уморил. Один вот живу, смерти жду. Да где-то она запропастилась, нейдёт, окаянная.

— Ты, дедушка, погоди,— обещает ему Ванька.— Давай сначала разбогатеем.

Посмеялся впервые за много лет старичок-вдовец Ванькиной шутке.

Вот подумал-подумал Ванька и пошёл к старику барину. Приходит к барину, говорит:

— Я, барин, вор. Сделай из меня честного человека.

А барин был важный, строгий. Первым делом на Ваньку напустился:

— Ах ты! Такой-сякой-эдакий! Как ты смел вором стать, да кто тебя учил воровать? Да я тебя! Да ты у меня!

Известное дело — барин. Ему перво-наперво покричать надо.

Вот откричал барин своё, Ванька ему и говорит:

— Есть у меня отец с матерью. Кормили они меня, пока не подрос. А только я им говорю: раз кормили, пока подрасту,— кормите и до уса. Выкормили они меня до уса. А я им говорю: выкормили до уса — кормите до бороды. Только знайте наперёд: прокормите до бороды — буду просить кормить до старости.

— Ах ты, такой-сякой! — вновь принялся кричать барин.

Потом остыл, одумался и говорит:

— погоди! Ты просишь тебя честным человеком сделать?

— Так точно! — отвечает Ванька.— Сделай меня честным человеком.

— Ну, это ещё надо посмотреть, какой ты вор. Вот укради у меня чего-нибудь к завтраму. Если ты вор хороший — воруи, не прогоню!

Остался Ванька в доме, а барин гулять закатился.

Вот вечером поздно барин вернулся, а все слуги и спят — за день умаялись. Барин на Ваньку навалился, кричит в потемках:

— Эй, кто тут есть? Подать туфли мягкие, домашние!

Ванька тотчас сапоги с барина снял. Туфли-шлёпанцы ему надел — и прочь со двора.

А наутро как ни в чём не бывало явился к барину с бариновыми сапогами. Тот только глянул — сразу вспом-

нил их уговор. Пока Ванька хорошо ворует — барин его не гонит, не казнит.

— Сапоги любой из дома стянет,— говорит барин,— а вот ты пойдя укради у меня чёрного быка из-под плуга!
— Ладно,— сказал Ванька.

И побежал в деревню. Там он стащил петуха, ощипал перья и отнёс в поле, где мужики, честные бариновы работники, землю пахали.

Подполз Ванька к крайней борозде и подложил под глыбу земли петуха. А сам неподалёку в кустах спрятался. Стали пахари вести новую борозду, своротили лемехом глыбу на сторону. Тут ощипанный петух закричал дурным голосом и помчался по полю.

Мужики обомлели: «Экое диво из земли вывернулось!» А потом побежали следом чудного зверя-птицу ловить.

Тем временем Ванька к плугу подскочил, быка выпряг и поскорей увёл.

Плугари гонялись, гонялись за голым петухом, поймать не поймали, а так сердечные умаялись, что не сразу пропажу заметили.

Отвёл Ванька быка к старику во двор. А мужики к барину с повинной пришли. Барин опять смекнул, чьих рук дело. Велел позвать Ваньку. Только и было у них разговору:

— Ты?

— Я.

— Молодец!

Почесал в затылке барин, думает, какую бы ещё задать Ваньке задачу. Да вспомнил про своего жеребца любимого, арабских кровей скакуна.

Стоял тот жеребец в конюшне каменной, под железной крышей, за тремя дверями, за шестью замками.

«Не украсть его никакому вору»,— решил про себя барин. И Ваньке говорит:

— Есть у меня жеребец арабских кровей. Украдёшь — твой будет.

— Ладно! — сказал Ванька.

Вот выбрал он неурочный час поздней ночью, залез

в барский дом. Там шинель барскую с вешалки снял, на себя напялил да фуражкой барской голову покрыл. Потом вышел в переднюю, слуг пинками растолкал, кричит бариновым голосом — сипло с хрипотцой:

— Подать мне жеребца моего арабского! Такие, рас-
такие, эдакие!

Слуги спросонья лбами сшибаются, торопятся. Побежали на конюшню, передали баринов приказ. Те спросонья впопыхах оседлали арабского скакуна, подвели к крыльцу. Ванька важно с крыльца сошёл, в седло вскочил и был таков. Точно ветром сдуло. И то сказать — арабские скакуны резвые.

Наутро барин первым делом слуг и конюхов зовёт:

— Цел жеребец?

— Да вы же ночью на нём ускакали,— говорят слуги с конюхами. А сами дрожат от страха. Чуют — дело неладно.

Барин за голову схватился и ну шагать из угла в угол. Из угла в угол. Думал эдак, думал так — велел Ваньку звать. А тот уж тут, в передней дожидается.

— Ну, Ванька,— говорит ему барин,— я своему слову хозяин. Конь твой. А только вот тебе последнее испытание. Укради моего немца-управляющего. А то он божится, что и ночью не спит, всё о моём имени печётся. Проверю, спит ли он.

— Слушаюсь! — говорит Ванька весело.— Можно и управляющего.

Вот подождал Ванька день, другой да и засел за работу. Сшил большой кожаный мешок. Он его сшил и на барский двор пошёл, чтобы управляющему на глаза попасться.*

Так оно и вышло. Увидел управляющий: мужик большой кожаный мешок посреди двора трясёт,— сейчас же приступил к Ваньке:

— Кто велел? Для чего мешок?

А Ванька и говорит:

— Да вот, барин велел его хорошенько вытрясти. Золотой червонец он в него уронил, а достать не может.— И давай опять трясти и так и эдак.

— Не так, не так, мужик, глупый голова! — кричит управляющий. — Дай я сам!

Вырвал мешок из рук Ивана и залез в него. Сначала по плечи, а потом и весь. Руками на дне шарит, ищет. А Ванька туда-сюда зырк — видит, нет никого, да и вздёрнул мешок себе на плечи.

Управляющий в мешке кричит, бранится, да из кожного мешка ничего не слышно. Только бу-бу-бу.

Отнёс Ванька мешок к церкви, бросил на паперти и палку подле положил. А сам к прихожанам, шапку сняв, с такими словами обратился:

— Люди добрые, православные! В мешке нечистая сила сидит. Кто раз ударит по мешку, тому грех отпустится. Кто два ударит, тому два греха будет отпущено!

Ну, православные и давай грехи замаливать.

Только Ванька конца потехи дожидаться не стал, пошёл прямо на двор к старичку-вдовцу и рассказал, как управляющего наказал за обиду.

Потом поехали они с вдовцом-старичком на базар — сбыли купцам коня, быка и сапоги. Да только деньги брать старичок-вдовец отказался. Как его Ванька ни уговаривал.

— Не надо мне чужого добра.

И порешили тогда они все деньги, что выручили, бедным раздать. Так и сделали. А Ванька ещё напоследок к барину пришёл и говорит ему:

— Украл я, барин, твоего управляющего. Сделай теперь из меня честного человека.

Тогда барин Ваньке и говорит:

— Не понимаешь, парень, ты своего счастья. Да кабы я был такой мастер воровать, я бы...

Только про себя барин больше рассказывать не стал, а Ваньке так сказал:

— У меня мужиков триста душ. И все честные. До седьмого пота работают, до петухов спят, неведомо что едят. Тебя могу записать триста первым.

Ну, Ванька, конечно, ждаться не стал, поскорей со двора долой.

КАК ВАНЬКА БАРИНА УЧИЛ

Увидал бедный мужик на базаре, как барин себе канарейку покупал. То-то мужик удивился, когда барин за малую пташку пятьдесят рублей отвалил.

«Сколько же тогда барин не пожалеет за гуся?» — подумал мужик и побежал домой за гусем.

А гусь этот был у него один-единственный — всё его богатство.

Схватил мужик гуся и отнёс барину домой.

— Купи, — говорит, — барин, гуся.

— А почём? — спрашивает барин.

— Сто рублей, — отвечает мужик.

— Ах ты болван! Ах ты наглец! — закричал на него барин и затопал ногами.

— Да если ты за пташку малую пятидесяти рублей

не пожалел, так гусь-то вон какой большой! — оправдывается мужик.

Но барин не унимался. Он бедного мужика мало что выбранил, а ещё и прибил, и гуся отнял даром.

Вот идёт бедный мужик, шапкой слёзы вытирает. А на встречу ему Ванька.

— Чего, мужик, плачешь? — спрашивает Ванька мужика. — Кто тебя обидел?

Мужик и рассказал Ваньке, как его барин обидел.

— Ну ладно! — говорит Ванька. — Попомнит барин у меня этого гуся.

Взял Ванька топор и пилу и пошёл нарочно мимо барского дома. Будто он плотник. Идёт Ванька и покрикивает:

— Кому тёплы сени работать?

Барин услышал, зовёт его к себе, спрашивает:

— Да сумеешь ли ты сделать?

— Отчего не сделать? — отвечает Ванька. — Вот тут неподалечку растёт тёплый лес: коли из того лесу да выстроить сени, то и зимой топить не надо.

— Покажи мне этот лес поскорее, — потребовал барин.

— Поедем, покажу, — согласился Ванька.

Поехали они вдвоём в лес. В лесу Ванька срубил сосну и стал её на две половины распускать; расколол бревно с одного конца и стал клин вбивать.

Потом и говорит барину:

— Пощупай, какое оно внутри тёплое.

Барин руки в щель сунул, а Ванька клин выбил. Защемило бариновы руки.

Тогда Ванька взял ремённые вожжи и давай ими барина охаживать. Он его бил, бил — приговаривал:

— Мужиков не бей, не бери гусей! Мужиков не бей, не бери гусей!

Потом сказал барину так:

— Ну, барин, если мужику двести рублей не отдашь, прибью я тебя и в другой раз и в третий.

С тем битого барина и отпустил.

Барин, конечно, мужику деньги не отдал. А сам от битья и бесчестья захворал.

Вот лежит он и охает, а Ванька нарвал цветов, накопал кореньев, обтыкался ими, будто он знахарь. И бороду мочальную привесил, чтоб не узнали сразу.

Таким к барину и явился. Тот его спрашивает:

— Ты что за человек?

— Я знахарь, травами всякую болезнь сниму.

— Вылечи меня, братец, заболел я от огорчения.

— Сейчас вылечу,— пообещал Ванька.

И велел баню поскорей истопить.

Когда баню вытопили, Ванька барину говорит:

— Ну, барин, пойдём лечиться. Только никого с собой не бери, бойся дурного глаза.

Пришли они в баню. Ванька барину и говорит:

— Слышишь, барин, не вытерпишь ты, пожалуй, когда в эдаком жару я тебя мазью мазать буду.

— Не вытерплю,— соглашается барин.

— Может, велишь тебя связать? — спросил Ванька.

— Вяжи,— сказал барин.

Ванька барину руки, ноги связал. Бородёнку мочальную с лица своего сдёрнул.

— Узнаёшь? — говорит.

Барин Ваньку как узнал — глаза закатил от страха.

— Ну, гляди,— говорит Ванька,— если пикнешь, живым не выпущу.

И давай барина ремнём охаживать. Он его бил, приговаривал:

— Не бей мужиков, не бери гусаков. Не бей мужиков, не бери гусаков. А взял — так плати!

На этот раз, как вылез барин из бани еле живой, тотчас велел отослать бедному мужику двести рублей и гуся в придачу. И больше бедных людей не обижал.

ОКАМЕНЕЛОЕ ЦАРСТВО

Служил-служил Ванька в солдатах, да надоело ему. Пораскинул Ванька умом — видит, не впрок его служба. От царя генералам честь, чиновникам, ворам — деньги. А солдату — палки да муштра.

— Не-ет, — сказал Ванька. — Шалишь! Не таков я у матери сын, чтоб берёзовой кашей кормили, слезами полили, кровавым потом умывали!

Ранец за плечо, ружьё на плечо и сбежал из полка долой.

Только знал Ванька — розыск будет. Забьют палками до смерти, под барабанный бой. И крику его никто не услышит. А потому ушёл скорёхонько в иные пределы.

Вот идёт по дороге в чужом царстве, незнакомом государстве. Ружьё на плече несёт, песню бравую поёт. И вдруг видит: стоит дворец — вокруг стража. Смекнул Ванька: здешний царь тут, наверно, живёт.

Подошёл Ванька к часовому, тот вызвал ефрейтора, ефрейтор офицера, офицер генерала, генерал доложил царю:

— Явился чужестранный солдат с ружьём, на службу просится.

Царь приказал Ваньку к нему проводить. Явился Ванька к царю. Стал перед ним навытяжку и всё, как есть, доложил: где служил, почему сбежал. И на службу попросился, «если без битья».

Очень понравилось царю, что солдат чужеземный от него ничего не утаил, и говорит:

— Ты мне правду — я тебе правду: нет службы без битья.

— Тогда, — говорит Ванька, — скомандуйте мне, ваше величество, «Налево кругом шагом марш!»

— Нет, — говорит царь, — не скомандую. Послужи у меня, а там видно будет. Может, сам в генералы выступишься.

«Как бы не так, — подумал Ванька. — У вас, у царей, выслужишься!»

Но отказываться не стал. Опасно.

А царь тем временем подозвал к себе главного садовника и говорит:

— Вот тебе солдат иноземный. Если сад не убережёте с ним, обоих прикажу повесить.

«Вот так клюква!» — подумал Ванька, но промолчал. Направо повернулся — каблуками шёлк, ружьём звяк — и отправился вслед за садовником.

Вот привёл его садовник в царский сад и говорит:

— Слушай, служба, не бежать ли нам с тобой отсюда без оглядки? Ведь повесят нас с тобой непременно. Потому что вора, который тут деревья каждую ночь ломает, нам с тобой всё равно не поймать.

На эти слова Ванька, подумав, так сказал:

— Не таков русский солдат, чтоб от смерти бежать. Другое дело — от битья! Ты мне Расскажи сначала, в чём дело. Отчего вора поймать нельзя?

Говорит садовник Ваньке:

— В этом саду каждую ночь кто-то по одному дереву

ломает. Яблоч не берёт и ягод не ест. Только сломает деревце и бросит. Сомнёт куст и так оставит. И никто того вора-озорника поймать не может. А деревьев в саду осталось, сам видишь, всего ничего.

— Ладно,— говорит Ванька.— Давай-ка неси мне еды и воды. А я с места этого не сойду, пока не изловлю вора.

Побежал садовник, принёс Ваньке котелок с кашей и флягу с вином.

— У нас,— говорит,— воду к обеду не подают.

— А у нас вино в дозоре не пьют,— отвечает Ванька.

Вот стоит Ванька на посту, а сам думает: «Чего же это я столбом стою? Эдак меня вор увидит — обойдёт. Дай-ка я спрячусь».

Спрятался Ванька в кустах-зарослях, а сам думает: «Чего же это на посту никого нет? Вор увидит — смекнёт, что я спрятался».

Позвал Ванька садовника, дал ему свой тесак да флягу и приказал:

— Стой тут на виду, из фляги потягивай, как у вас тут водится. А я спрячусь.

Ванька в кустах-зарослях с ружьём спрятался, а садовник стоит невесел. Одно у бедного на уме: повесят! Да к фляге прикладывается.

Вот ночь пришла. Вот поплыла луна в облаках.

Смотрит Ванька из засады: летит в сад огромная птица гриф. Подлетела, на садовника поглядела, а садовник спит. Рядом фляжка пустая валяется.

Птица гриф опустилась в саду и похаживает. Потом принялась деревья валить, кусты-ягоды мять. Да Ванька тут как тут!

— Стой! — приказал Ванька.

Птица гриф не испугалась, круглым глазом уставилась. Взмахнула саженными крыльями — и на Ваньку! Ванька выстрелил из ружья — птицу ранил, не убил. Кинулась птица гриф прочь. Ванька за ней. Открылось тут провалище. Гриф в провалище скрылся, и Ванька за ним туда!

Только сразу же там в ямищу какую-то свалился и расшибся так, что без памяти трое суток пролежал. А как

только опомнился, глядит: здесь, в провалище, такой же свет. Пошёл Ванька дальше — дорога каменная хороша, ровна. Много ли, мало ли ещё отшагал Ванька, смотрит: стоит город большой белокаменный. У городских ворот караульня. Солдат с ружьём на часах стоит.

Ванька ближе подошёл — ба! Солдат каменный!

Вошёл Ванька в караульню — здесь народу полно. И сидят, и стоят, и все каменные! Нашла на Ваньку оторопь. Страшно!

Вот идёт Ванька по городу — на всех улицах то же самое. Народу много, а все каменные. И кареты с лошаадьми и кучером окаменелые на мостовой. И пешеходы, и купцы в лавках, и свиньи в лужах — все каменные. Вон каменная собака сидит, на каменную кошку на заборе глядит. Даже мухи и те чёрными камешками в воздухе повисли.

«Отчего тут всё окаменело?» — думал Ванька. Да проку что? Думай не думай, разве догадаешься?

Вот пришло время обеденное. Тому, кто каменный, — хорошо. А живому есть подай! Стал Ванька озираться да принюхиваться: не потянет ли откуда дымком? Да только ниоткуда съестным не пахло.

Отшагал Ванька ещё по улицам, на площадь вышел. На площади народу каменного — ни пройти, ни проехать. Глядит: стоит перед площадью белокаменный дворец. По всему видать — царский. Стража повсюду и конная и пешая — и все, как есть, окаменелые.

Миновал Ванька стражу и прямо на кухню отправился. Там стоят возле чанов и плиты повара с поварятами — каменные. На сковородах и блюдах лежат гуси с утками — каменные. Да каменный баран на вертеле висит. Ну даже крошки некаменной не нашлось.

Вот отправился Ванька по дворцовым комнатам бродить. И вдруг слышит Ванька — мышинным голоском, человечьими словами ему кто-то кричит:

— Солдат! Солда-ат! Поди сюда!

Ванька ближе подошёл, видит: сидит живая мышка на большой книжке. Мышка лапками сучит и попискивает:

— Скорей, скорей, солдатик! Помоги мне книжку раскрыть.

Ванька обрадовался: хоть одна живая душа нашлась. А мышке так ответил:

— Ты сначала, серая, скажи, отчего у вас царство окаменелое?

— Долго сказывать, некогда! — пропищала мышка. — А накоротке слушай. Живут в этом дворце две царевны, две сестры. Одна — Елена Прекрасная, а другая — злая волшебница Мавра. Как пришло время царство делить, Мавра захотела всё себе взять. Заколдовала она всё царство в камень, чтобы Елена Прекрасная сама от него отказалась. Кому оно, каменное, надобно?

— Это так, — согласился Ванька. — Каменное ни к чему.

— А колдует Мавра по этой вот книге. Я сама подглядела однажды. За это меня злая Мавра в мышку превратила. А я не хочу!

— А кем же ты раньше была? — полюбопытствовал Ванька.

— Служанкой! — ответила мышка. — У самой царевны Елены Прекрасной.

— А как же ты одна живой во всём окаменелом царстве осталась? — ещё спросил её Ванька.

— В туфлю злой Мавры я спряталась, — ответила мышка и снова стала просить Ваньку поскорей открыть волшебную книгу.

И только было Ванька руку к ней протянул — подкатила к дворцу карета.

— Ой, царевны-сёстры приехали! — пискнула мышка. — Ой, боюсь!

И была такова! Убежала куда-то.

А Ванька подумал: «Увидит меня злая Мавра живым — превратит в каменного. Что делать?»

И придумал: стал возле дверей с ружьём и замер, будто каменный. Не впервой!

Вот пришли две сестры, две царевны. Елена плачет: жалко ей царство окаменелое, не хочется в чужие края уезжать.

А Ванька смотрит на Мавру, злую колдунью, и думает про себя: «А отчего это она хроמת? Отчего у неё рука

на перевязи? Э! Не в тебя ли я стрелял? Не ты ли и есть птица гриф-оборотень!»

Вот увела Мавра сестру Елену в дальние покои. Ванька мигом книжку открыл и стал читать и сверху, и снизу, и со середины вверх. И от середины вниз. Ничего не получается. Не расколдовывается каменное царство — и всё тут. Да вдруг слышит — мышка-служанка под столом пищит:

— Солдат! Солдат! Не так читаешь! Надо вслух читать!

Боязно Ваньке вслух читать. А ну, как царевна-колдунья войдёт! «Эх, да где наша не пропадала», — сказал себе Ванька и ну читать непонятные колдовские слова во весь голос.

И тут вдруг ожили каменные люди, слышен во дворе шум голосов и шарканье. Заиграли музыканты. За окном, глядит Ванька, пошли прохожие. Через площадь рота солдат марширует.

Мчатся по улицам кареты.

И только было Ванька из комнаты прочь — стоит перед ним девушка-красавица. Глядит девица на Ваньку, улыбается. А потом нарочно голоском мышиним пропищала:

— Спасибо тебе, солдат!

— Ты? — спросил Ванька.

— Я, — ответила девица. — Что, на мышку серую непохожа? Ну, спасибо, солдат. Пойдём я тебя царевне покажу. Только прежде давай книгу волшебную, Маврину, в ключья изорвём. Чтобы снова не наделала злая колдунья беды-лиха.

Вот привела служанка-мышка Ваньку в царевнины покои. Там на подушечках бархатных сидела Елена Прекрасная и от радости плакала. А в углу на жёстком стульчике сидела царевна Мавра — злющая-презлющая.

Елена Прекрасная Ваньку в губы поцеловала, за стол усадила, и потчевала, и говорила ласковые слова. А Мавра-колдунья только зубами скрипела да плечиком дёргала. Теперь она Ваньку-солдата узнала, который её тесаком ранил.

Ну, а после Ванька с царевной Еленой и служанкой её пригожей попрощался. Злюке Мавре, колдунье бескнижной, лихо подмигнул и отправился из подземного царства наверх.

Там его хватились, думали, сбежал солдат. Ан нет! Вот он!

Доложил Ванька царю, как птицу гриф ранил, как окаменелое царство расколдовал. Да царь ему не поверил, а за выдумку похвалил. И невдомёк было царю, отчего никто теперь его яблонь в саду не ломает, кустов ягодных не мнёт. А Ванька послужил в этом царстве и в другое ушёл.

ТЕБЕ – ПОЛОВИНА

Служил Ванька-солдат и в столице, и на границе. Повидал всякого. Опостылела ему служба, ходит невесёлый и всё в землю глядит.

Шёл он как-то по столичной улице голову повеся, в землю глядя. И увидел под ногами золотое колечко. Поднял Ванька колечко, видит: на колечко муха изумрудная посажена. Колечко жарким золотом сияет. А муха изумрудная, будто живая, на нём сидит — вот-вот расправит крылышки и улетит.

Подивился Ванька своей находке, однако никому раньше времени о ней не сказал. Он солдат бывалый.

А через некоторое время был объявлен в столице царский указ: «Потеряла царица любимое колечко с изумрудной мухой. Кто найдёт — тому большая награда».

«Вот,— думает Ванька,— пришёл мой день, привалило счастье». Только как про свою находку объявить? Коли в полку — долгая больно канитель: от фельдфебеля к ротному, от ротного к батальонному, от батальонного командира к полковому, а тот к бригадному генералу.

И так может случиться, что находку начальство присвоит и награду себе возьмёт. Ванька — солдат бывалый! Не обманешь!

И надумал Ванька сам во дворец идти, колечко с мухой из рук в руки царю передать.

Вот отпросился он у фельдфебеля в город на часок. И отправился во дворец. Там честь честью о себе доложил и колечко с мухой изумрудной показал.

Однако дежурный офицер Ваньку дальше порога не пустил, пока не получил от него расписку, что половину награды Ванька дежурному офицеру отдаст.

Вот явился Ванька перед царём — докладывает: так и так, ваше величество, нашёл колечко с зелёной мухой. И царю на ладони протягивает.

Царь обрадовался, колечко взял и Ваньку спрашивает: — Чего, солдат, в награду желаешь?

Ванька — солдат бывалый, знает, что сказать:

— Двести палок желаю получить, ваше величество.

Царь смекнул, что тут что-то неладно, однако виду не показал. Велел Ваньке рубаху снимать, позвал дежурного офицера и солдат с палками.

Стал Ванька рубаху снимать и нечаянно расписку выронил. Царь говорит:

— Что за бумага? Подать сюда!

Ванька подал, царь прочитал, нахмурился и говорит дежурному офицеру:

— Да тут, господин майор, и вам кое-что причитается. Раздевайтесь.

Тут же высыпали майору сто палок, едва живого уволокли.

А Ваньке царь и говорит:

— Ну, пошутили — и будет. Чем тебя, солдат, в самом деле наградить?

Тут Ванька царю прямо и говорит:

— Служил я тебе, государь, и в столице, и на границе, опостылела мне солдатская служба. Уволь вчистую.

Не понравились царю Ванькины слова, да делать нечего. Приказал уволить Ваньку-солдата вчистую. И понёс царице колечко с зелёной мухой.

А Ванька — солдат бывалый, ждать не стал, пока не передумали, налево кругом повернулся и марш-марш из дворца прочь.

Только в казарму забежал на минутку, с товарищами проститься.

ВАНЬКА, ЦАРЬ И РАЗБОЙНИКИ

Как-то шёл Ванька в столицу к самому царю. А был Ванька в ту пору солдатом. Служил в дальних крепостях.

Вот однажды взбунтовался солдатский полк против своих офицеров-мучителей. Не стало у солдат больше терпенья обиды сносить.

Зуботычины — куда ни шло. Еда плохая — ладно. Ученья, походы — на то и солдат. А вот когда ни за что ни про что стали офицеры солдат сквозь строй гонять, палками до смерти забивать — взбунтовались солдаты. И с развёрнутыми знамёнами, под барабанный бой из крепости ушли. Походным маршем отправились да близ туретчины лагерем встали.

А Ваньке велели солдаты в столицу идти, царя увидеть и так ему сказать: «Уйдём-де мы в туретчину, служить

турецкому султану, если офицеров-живодёров не накажешь».

Вот и шагал Ванька, властей сторонясь, города в обход, всё больше лесом. И до столицы оставалось не так далеко.

Однажды пришлось ему в густом лесу заночевать. Ничего, дело привычное. А только утром рано слышит он — скачут. Пролетел, как на крыльях, олень. За ним охотник на коне через поляну перемахнул. И скрылись из виду оба.

А уж к вечеру встретил он опять охотника этого. Без коня, без ружья. Брёл он усталый, оборванный и всё по сторонам озирался. Сразу видно: не знает, куда идти, заплутался.

Ванька вышел ему навстречу и говорит:

— Здорово, приятель. Чего башкой вертишь? Заплутался, поди?

— Заплутался,— отвечает охотник.

Очень обрадовался он, что встретился ему человек. Он Ваньку, в свою очередь, спрашивает:

— А ты куда идёшь, солдат? Не в столицу ли?

— В столицу,— отвечает Ванька.

— Ну, тогда идём вместе. Если дорогу знаешь,— сказал охотник.

И они пошли вместе.

А по дороге охотник Ваньке рассказал, что он царский слуга, отбилсЯ от товарищей, загнал коня, и упустил оленя, и ружьё потерял. А Ванька охотнику сказал, зачем в столицу идёт, на кого жалобу царю несёт.

В обед поели они хлеба с луком, а напились из родника. Когда же стало темнеть, попалась им на пути изба богатая, просторная.

Здесь, в лесу, ей бы вроде и ни к чему быть.

Вошли Ванька с охотником в избу, глядят: сидит на печи старуха — нос крючком, глаза злющие. Ноги с печи свесила, варежку вяжет, молчит.

— Здравствуй, бабушка,— говорит ей Ванька.— Нельзя ли у тебя переночевать?

Старуха молчит, спицами сердито стучит.

Ванька охотнику и говорит:

— Слышь, как гостям обрадовалась, даже язык отнялся.

А потом старуху спрашивает:

— А нет ли, бабушка, у тебя чем поужинать?

Старуха молчит, не глядит. А Ванька охотнику говорит:

— Слышь, приятель, велит она брать, что под руку попадёт.

И стал по избе шарить, в подпол заглянул, в чулан зашёл. Навалил Ванька съестного всякого на стол и охотнику говорит:

— Слышь, велит нам бабушка за стол садиться, угощаться на здоровье.

Сели Ванька с охотником за стол, наугощались и полезли на сеновал спать.

— Пусть один из нас спит, а другой на часах стоит, — сказал Ванька.

Кинули они жребий. Ваньке досталось первому спать, а охотнику на часах стоять. Дал Ванька охотнику свой тесак солдатский и строго-настрого велел не спать, а если что случится, его разбудить.

А сам лёг. Да только сразу спать не стал, а захотел сначала поглядеть, как его приятель на часах стоять будет, не задремлет ли. Так оно и вышло. Задремал охотник тотчас же и даже тесак из рук выронил.

— Эй, брат, дремлешь ведь! — окликнул его Ванька.

— Да нет, что ты! — отвечает охотник.

Сам встрепенулся, тесак поднял и вроде молодец молодцом. Потом заснул накрепко. Ванька вскочил на ноги, давай его трепать. Надавал охотнику тычков, пинков и затрецин с зуботычинами:

— Разве так караул держат? Ступай спать, я буду на часах стоять. Потом ты меня сменишь.

Охотник опять повалился, а Ванька-солдат караулить стал. Вот слышит он — подкатили к избушке на тройках. С гиканьем, посвистом. Смекнул Ванька — разбойники.

И правда, как въехали во двор, загомонили — выскочила их встречать старуха. Она им говорит:

— Разбойнички вы мои! Сыночки мои милые! У нас гости на сеновале спят. Может, чем от них поживитесь? Обрадовались разбойники, говорят:

— Мы всю ночь зря ездили, никого не встретили, а счастье нас дома ждёт-дожидается. Давай-ка, баба, нам скорей поесть-попить, а потом уж и кровушку будем лить.

А старуха разбойникам жалуется:

— Всё-то наши гости съели, всё-то они выпили.

— Вот смельчаки! — удивились разбойники. — Да кто ж они такие?

— Солдат с охотником, — сказала старуха. И ну опять причитать.

— Пойду я с ними разделаюсь, — сказал атаман.

И полез на сеновал.

А Ванька тесак из ножен долой и ждёт. Вот влез разбойник на сеновал. Ванька тесаком ему голову смахнул и ждёт, что дальше будет.

Хватились разбойники атамана, зовут — отклика не слышат. Тогда другой разбойник говорит:

— Пойду посмотрю, чего он замешкался.

И полез на сеновал. Иван и этому голову отсёк.

Спустя малое время, заворчали остальные разбойники:

— Чего это они там долго возятся? Надо поглядеть.

Полезли один за другим. Всем им Ванька башки снёс долой и охотника будит:

— Вставай, приятель, погляди, как на карауле русский солдат стоит — не спит, не дремлет, и себя и других бережёт.

Вскочил охотник на ноги, своим глазам не верит. Валяются поодаль разбойники, откатились в сторону их буйные головушки. А дело-то уж к утру было.

— Пойдём-ка, приятель, отсюда, — сказал охотнику Ванька. — Только сначала старуху поспрашиваем.

Слезли они с сеновала. Ванька к старухе приступил:

— Ты что же это, старая?! Разбой держать вздумала! Я твоим соколам башки снёс и твою не пожалею. Сказывай, где золото.

Старуха видит: солдат не врёт. Тотчас указала на боч-

ку в углу. Ванька дно выбил, а там червонцев с верхом. Набил Ванька ранец и карманы червонцами и охотнику братъ велит. А охотник золота братъ не стал. Говорит: — У нашего царя денег и того больше. Он мне, своему слуге, сколько надо даёт.

— Вот бы так-то он с нашим братом, солдатом, ладил,— позавидовал Ванька.

И они поскорей отсюда ушли. А как стали к столице подходить, охотник и говорит Ваньке:

— Ты, солдат, ступай куда шёл. Мы с тобой сегодня непременно увидимся.

И первую же карету, какая на дороге попалась, остановил, влез в неё и ускакал.

Вот идёт Ванька по городу и всего боится. Того и гляди арестуют, как дезертира, как бунтовщика.

Но не столько пришлось Ваньке бояться, сколько диву даваться. Где Ванька ни шёл, везде стоят солдаты и держат ружьё «на караул», и глядят на Ваньку вылупясь, точно он генерал.

А как во дворец пришёл, офицеры стоят перед ним навтыяжку, таращатся на него, как на фельдмаршала. Барыни-красавицы перед ним приседают, царедворцы ножками шаркают, кланяются, как царю.

— Э! — думает Ванька.— Они меня за кого-то другого принимают. Надо отсюда поскорей и подалее!

И только было хотел Ванька налево кругом, вдруг подходит к нему его приятель-охотник и говорит:

— Не робей, солдат. Окажи честь — будь моим гостем.

А у самого звезда белая на боку и шпага золотая. Тут Ванька и смекнул, кто таков его приятель охотник. Сам царь!

Ванька глазом не моргнул, стал навтыяжку и докладывает:

— Так и так, государь, полк в туретчину уйдёт, если ты за солдат не вступишься.

А царь и говорит ему на это:

— Молодец, солдат, что про товарищей своих не забыл. Да я ведь всё уж знаю. Ты мне сам рассказал. И посланы адъютанты в полк с моим повелением идти в столи-

цу, нести при моей особе службу. А офицеров с полковником приказал я рядовыми определить. Поесть солдатской каши.

Ну, погостил Ванька у царя с недельку, попировал, вин заморских отведал, с придворными красавицами поплясал, да вовремя опамятовался. Придворные шаркуны того и гляди сотворят из него посмешище. Не могут они к простому человеку долго оставаться в почтении. Про красавиц придворных и говорить нечего. Того и гляди, засмеют.

Вот Ванька, не будь дурак, и говорит царю:

— Отпусти ты меня, государь, со службы насовсем. Хочется мне домой, к отцу-матери. А то они старые, я у них один — кормить их некому.

Царь подумал, подумал и говорит:

— Не могу я тебя отпустить насовсем. Другие запросятся. А вот дам я тебе бессрочный отпуск. Когда захочешь, тогда и в полк воротисься.

А чего ещё Ваньке надо? Обрадовался, честь отдал, на лево кругом повернулся и был таков. До сих пор в отпуску гуляет, в полк чего-то не возвращается.

СОДЕРЖАНИЕ

Капризка

Книга 1

Глава 1.	КАПРИЗКА И ПАВЛИК. ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО	5
Глава 2.	ВОЗВРАЩЕНИЕ КАПРИЗКИ	9
Глава 3.	ЛАВОЧКИ-ЗЕБРЫ	13
Глава 4.	ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ БИМБО И ЕГО ХОЗЯИНА	18
Глава 5.	КАПРИЗКА ХОЧЕТ БЫТЬ БАБУШКОЙ	21
Глава 6.	КАПРИЗКА И НАТАША. ФРАНЦУЗСКИЙ СУП БУРДЭ	27
Глава 7.	НОВОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В ГОРОДЕ ПРОСТОРЕЧЕНСКЕ	30
Глава 8.	КАПРИЗКА И КОТ В САПОГАХ	35
Глава 9.	СЫР ДОБРОГО ВОЛШЕБНИКА	40
Глава 10.	ТРЕВОГА В ГОРОДЕ	43
Глава 11.	НИЧЕВОКИ	47
Глава 12.	ДРУЗЬЯ ИДУТ ПО СЛЕДУ	55
Глава 13.	ЧТО БЫЛО ПОТОМ	61

Книга 2

Глава 1.	В САМОЛЁТЕ	65
Глава 2.	В АЭРОПОРТУ	66
Глава 3.	КАПРИЗКА В ГОРОДЕ	69
Глава 4.	КАПРИЗКА И ПАВЛИК	70
Глава 5.	ПОД КУПОЛОМ ЦИРКА	73
Глава 6.	ВСЕОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ГРАЖДАН	76
Глава 7.	НИЧЕВОКИ	79
Глава 8.	В ДОМЕ РЫБАКА И ОХОТНИКА	82
Глава 9.	НИЧЕВОКИ ВООРУЖАЮТСЯ	86
Глава 10.	НОВЫЙ ЗАКОН О НИЧЕВОКАХ	89
Глава 11.	РАДОСТНАЯ ВЕСТЬ	91

Глава 12.	СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ НИЧЕВОВ	96
Глава 13.	САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ	100
Глава 14.	КАПРИЗКА И НИЧЕВОКИ	102
Глава 15.	ВСТРЕЧА ДРУЗЕЙ	104
Глава 16.	КАПРИЗКА ДЕЙСТВУЕТ	107
Глава 17.	ПОТОП	110
Глава 18.	НА ТЕЛЕВИЗИОННОЙ БАШНЕ	114
Глава 19.	ЧТО БЫЛО ПОТОМ	115

Фольклорные сказки

ЗОРЬКА, ВЕЧОРКА, ПОЛУНОЧКА — БОГАТЫРИ	119
СКАЗКА О МОЛОДЦЕ-УДАЛЬЦЕ И ЖИВОЙ ВОДЕ	132
СОЛНЦЕВА СЕСТРА	144
ИВАН-ЦАРЕВИЧ И БЕЛЫЙ ПОЛЯНИН	153

Сказки про Ваньку

ВАНЬКА	165
ВАНЬКА-ЦАРЬ	172
ВАНЬКА, МУЖИК И СЕМЬ РАЗБОЙНИКОВ	175
ДЕМЬЯН И ВАНЬКА	179
ВОР	182
КАК ВАНЬКА БАРИНА УЧИЛ	187
ОКАМЕНЕЛОЕ ЦАРСТВО	190
ТЕБЕ — ПОЛОВИНА	197
ВАНЬКА, ЦАРЬ И РАЗБОЙНИКИ	200

Владимир Иванович
ВОРОБЬЁВ

«КАПРИЗКА»
И ДРУГИЕ СКАЗКИ

Художники:
В. Аверкиев, В. Кадочников, С. Можаяева

Обложка С. Ковалёва
Шмуцтитулы В. Аверкиева

Редактор А. Зебзеева
Художественный редактор Н. Горбунов
Технический редактор В. Чувашов
Корректоры З. Капелькина,
И. Пархомовская

Сдано в набор 22/VIII 1974 г. Подписано в печать
3/XII 1975 г. Формат бум. офс. № 2. 70×90^{1/16}. Бум.
л. 6,5; печ. л. 13,0; усл. печ. л. 15,21; уч.-изд. л. 11,097.
Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 01 коп. Темплан 1975 г.
Изд. № 44. Зак. 7919. Пермское книжное издательство.
614000, Пермь, ул. К. Маркса, 30. Типография изда-
тельства «Звезда», г. Пермь, ул. Дружбы, 34.

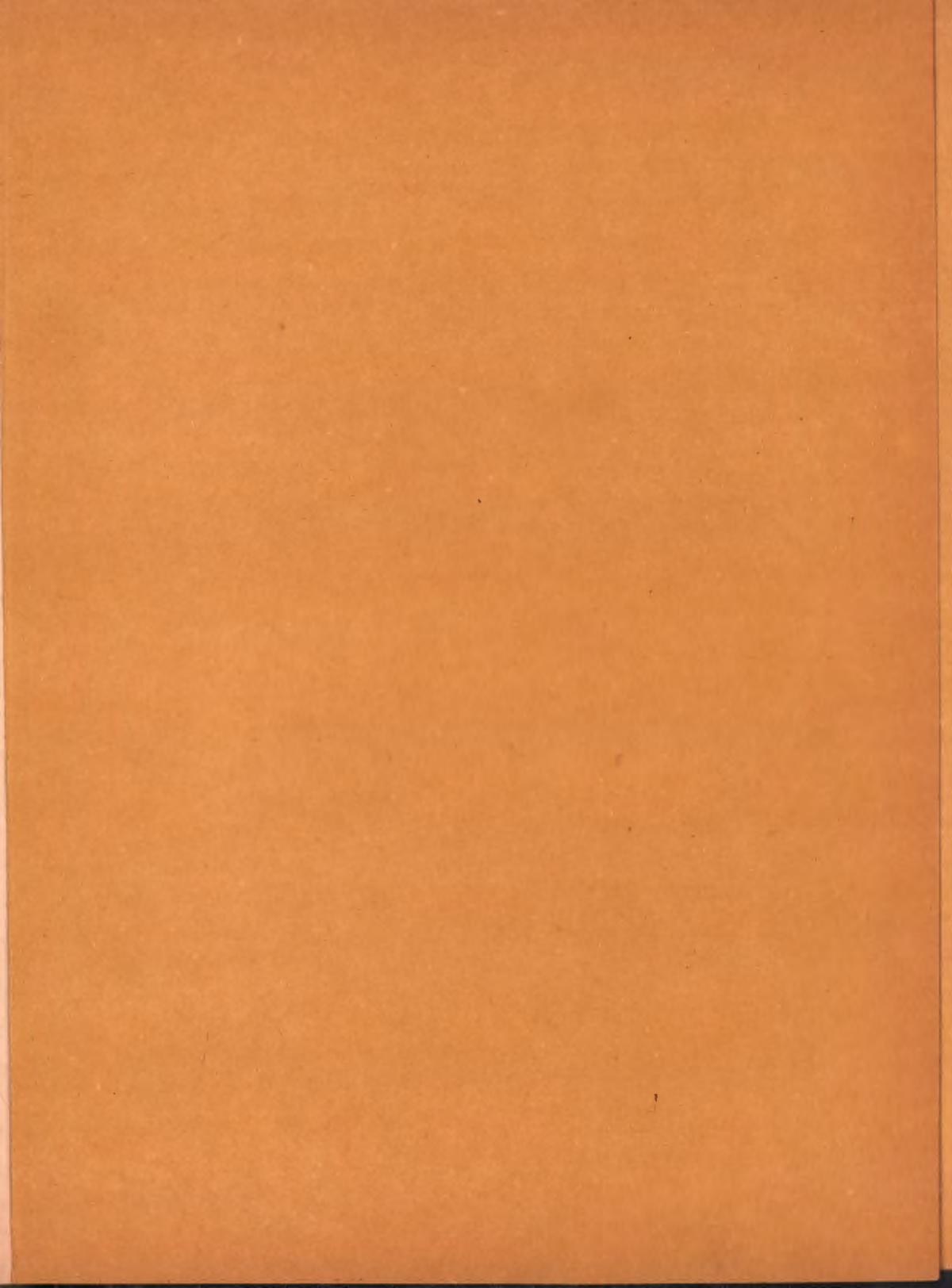
В75 Воробьёв В. И.
«Капризка» и другие сказки. Пермское
кн. изд-во, 1975.

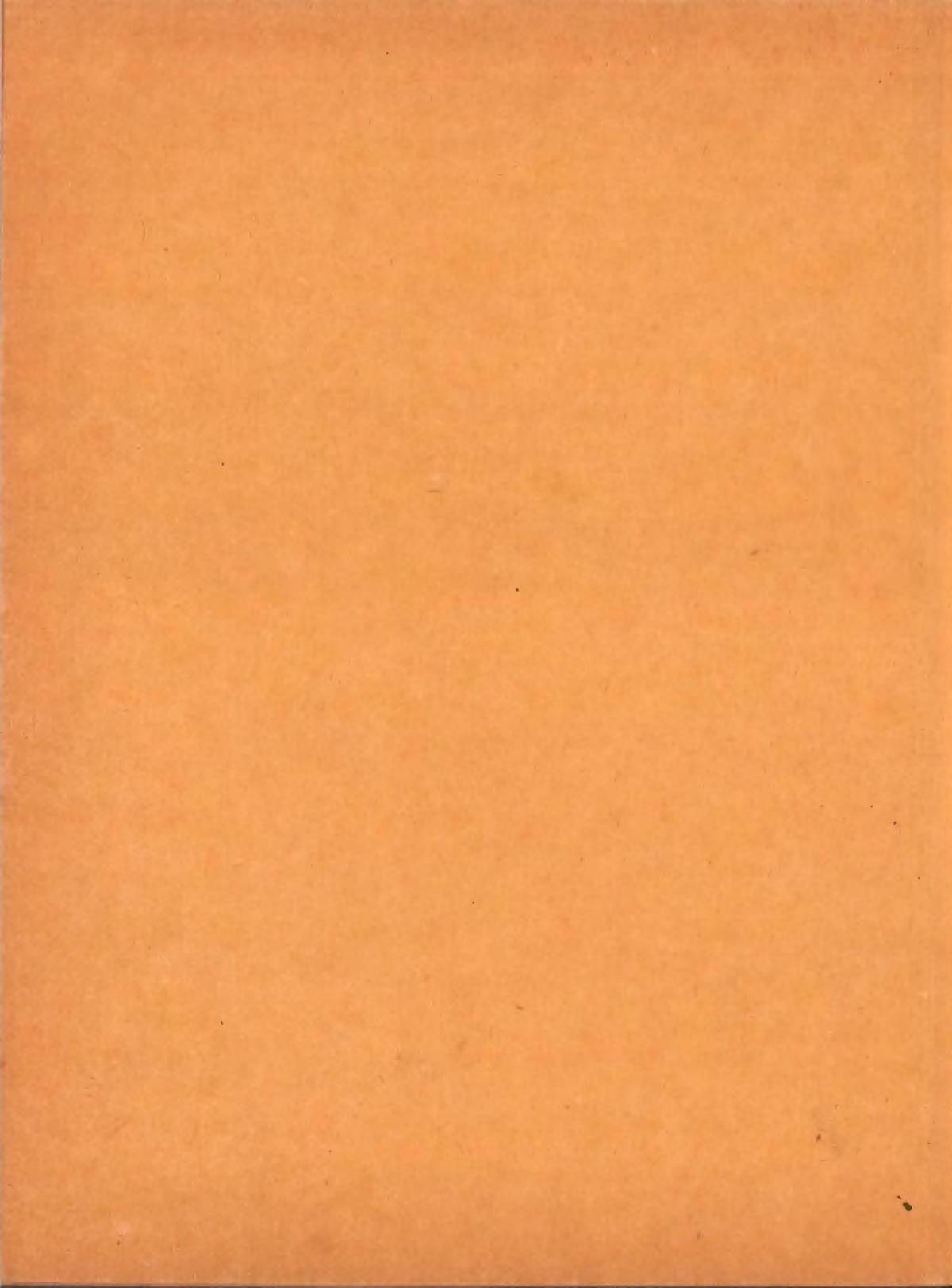
205 с.

В книгу вошли повесть-сказка «Капризка» и сказки, написанные
по мотивам русского фольклора.

P2

70801—101
В M152(03)—75 44—75

*
Кенризка

*
Фольклорные
сказки

*
Сказки
про Дедушку
*